

38

*Агени
Хайров*

повесть

Суконкин сын

Часть I. Театр одного вора

Знакомство с самим собой

Странный был у меня сентябрь в этом году. Вышел я из «мошки» в Печищах, куда поехал бесцельно, просто солнце припекало, просто перед носом открылось облупленное окошечко кассы и стали продавать билеты.

Оказался я на крутом берегу вместе с дачниками-пенсионерами. Побрёл наугад по влажному песку, усыпанному мидиями нараспашку и бутылочным стеклом. Млечная река зализывала раны, оставленные килем баркаса...

«Мошка» была старая-старая и дребезжала, как дрезина, осыпая перхоть белой краски.

Посмотрел я на покрашенное заводское клеймо. Дата изготовления — 1963 год. Надо же, моя ровесница!

Не знаю, что на меня нашло. Такая лирика к горлу подступила. Сел я на камушек, достал последнюю сигарету и почувствовал своё одинокое одиночество...

Нет, всё неспроста на этой земле. Откуда вот у меня эта редкая в здешних татарских краях фамилия — Крадуб? Нет, корней я своих не знал, никогда не занимал меня этот вопрос. Вчера взял да распотрошил все свои семейные альбомы. Выдрал и искромсал все фотки, где был я. Даже сыну на память ничего не оставил. Но если захочет, пусть подойдёт к зеркалу да и посмотрит... на меня! Тут уж я поработал, как вор-любитель,

и наследил от души. Не только длинные пальчики оставил пианиста и карманника, но и болотные зелёные глаза. Вот вам и мой скупой «словесный» портрет.

Было время, я старательно записывал всякие бредовые, чужие и свои, мысли в блокнот: «Смерть приходит к человеку тогда, когда всё плохое и хорошее от него уже получено. И его лицо предстало ясным перед Богом!». Ну, если так, то ещё поживу. Плохое я уже сделал, теперь ждите хорошее!

...О том, что у меня была некая прошлая жизнь, где я был другим, совершенно другим, об этом я узнал, забравшись на антресоли в поисках чемодана. Я будто бы иллюминатор на подводной лодке открыл! Дверца не сдержала тяжёлые кипы перевязанных бечевой папок и тетрадей. Хлынул бумажный поток, и по коридору веером разлетелась вся эта макулатура.

Подобрал пухлую амбарную тетрадь, читаю: «Всю ночь под шум дождя думал о Боге. В какой-то миг я вдруг ощутил его рядом! Я чувствовал сквозь сомкнутые веки белый льющийся свет. Я понял, что Он есть и есть потусторонняя, за гробом, жизнь!».

Я читал свой собственный дневник как чужой. Я с трудом разбирал свой почерк и не узнавал своих мыслей. Неужели каких-то лет пятнадцать назад я мог испытывать всё это? Я мог сливаться в экстазе с Богом? Я...

Вкус первой кражи

40

Точнее, это был запах. Да и кража ли это была? Но определённо одно – это начало. Я по природе своей – нюхач! Ориентируюсь в окружающем меня мире, как слепец или собака-ищейка. Мне кажется, я чувствую запахи кончиками пальцев.

После уроков, а учился я в классе третьем, был это, значит, 1973 год... Бабушка моя тогда ещё работала и приходила поздно. Я шёл к её подруге, которая жила в подвале, в монастырской келье. Из узкого оконца можно было видеть даже не ноги прохожих, а только их каблуки.

Такая жилистая была старуха, вся рыжая и в веснушках. Всю войну медсестрой прошла. Быстрая, как борзая, я никогда её в состоянии покоя не видел. Точно такая же у неё собачка жила, рыжая и юркая. Звали её – Телке, что по-татарски лиса.

В лирические минуты, когда прилив нежности захлёстывал её железное сердце, она подзывала меня и начинала крючками пальцев выуживать из платка потемневшие монеты медалей, многие из которых уже оторвались от орденских планок. Потом она пытела беломором и, забрасывая дымящиеся гильзы в старинный фарфоровый чайник, рассказывала мне о войне, о чертях-фашистах, о богатырях-красноармейцах. Когда же наступало время короткой, как передышка между боями, молитвы, она доставала из-под подушки чётки из финиковых косточек и начинала рассказывать Аллаху о том, как отступали, а потом наступали. Её Меккой был Берлин, её Каабой был рейхстаг, причём обязательно сожжённый и исписанный солдатами.

Кроме собачки у ней жила студентка, которая снимала угол за цветной ширмой. Лицо её теперь вижу как бы сквозь дымку. Вот она стоит в сумраке спальни и смотрится в старинное зеркало. Толстая рама, как у картин фламандских мастеров, стискивает потемневшее зеркало, да так сильно, что оно местами покрылось мелкими трещинками.

Я делал студентке разные гадости, так как был в неё влюблен. Постоянно путался под ногами, заливал лекции вареньем, прятал ластик и ручки. Но когда она уходила, а тётя принималась исступленно рассказывать Аллаху про Берлин, я проникал, как тать, за ширмочку, где аккуратно лежали стопки книжек, платочков и выглаженного белья.

Единственная вещь, которая выбивалась из общего порядка, чёрное трико, снятое второпях и брошенное кое-как на узкую железную кровать. Когда в первый раз я робко прижал трико к лицу, то, ощутив кисловатый запах, немного удивился.

Этот запах странно подействовал на меня. Поначалу он отталкивал, но тут же притягивал обратно. Запах кружил голову, потом проникал в тело, где собирался и тяжелел в паху...

Под кроватью прятался бордовый чемоданчик, в нём – её чёрный лифчик, в котором находился тайник – пухлый кармашек. Там лежали один в другом два новеньких червонца, а внутри – мятая трёшка. Разбивать её на рухлядь бумажных рублей и жёлтую липкую мелочь было одновременно и стыдно и жалко. Мне казалось, что буфетчица, расправив в своих мучнистых пальцах зелёную бумажку, прочтёт на ней мой самый большой секрет. Я вёл тщательный бухучёт всем своим тратам. И каждый раз, когда я покупал себе что-нибудь, то почему-то возбуждался. По настоящему!

Долгое время я больше не воровал, но это ощущение возбуждения затаилось в моем сердце, на самом его дне...

Вновь я пережил это состояние только летом 1982 года, когда меня исключили из Казанского «универа».

Я выставил окно дачного домика и очутился в спальне. Помню, как сильно возбудился, когда ходил по комнатам с оттопыренными штанами.

Мурашки по коже не от страха, а от возбуждения. Летом дачи еще пахнут людьми, и радостно по ним лазить, но вот поздней осенью хоть волком вой. Такое здесь одиночество! По комнатам яркие приметы лета разбросаны: засох-

шие цветы, пластмассовые игрушки, всеёлые панамки... Всё побросали, в спешке убегая на «зимние» квартиры. Чувствуется, что удирали от ранних и внезапных холодов, как от снежной лавины.

Вот пугливый луч фонарика скользит по стенам, выхватывая из стопки старый журнал «Современник», заложённый сухим цветком на стихотворении Гарсиа Лорки. Я выуживаю из комода выцветший купальник и мну его в пальцах. Он пахнет русалкой!

Над комодом висит пыльное зеркало, и веером вокруг него припилены фотографии этой самой смуглой русалки. Смотреть на неё, усыпанную солнечными бликами, и нюхать её купальник, — это было новым словом в фотографии. Тогда снимок становился стереоскопичным, и персонаж как бы оживал. Естественно, я украл и фотографию, и купальник, а больше на этой даче ничего не взял.

Но дачу обокрасть — это баловство, вот чтобы квартиру профессионально обчистить, здесь нужна трезвая голова.

Я помню, долго готовился к своей первой настоящей краже. Всё обдумывал до мелочей. Недели две собирал информацию о намеченной жертве. Изучал повадки жильцов, кто куда ходит, во сколько возвращается, есть ли собака, сигнализация и т.д. Но морально я ещё не был готов к этому шагу, что-то во мне сопротивлялось. Какое-то перерождение внутри чувствовал, сны тревожные снились, но вот наконец как-то проснулся в необычном настрое. Спокоен, как покойник!

Затаился на балконе в ожидании, а квартира та находилась как раз напротив меня. Вижу, где-то в половине седьмого на кухне у них занавески зашевелились, а в восьмом часу хозяин хлопнул входной дверью и зашагал к автостоянке.

Без десяти восемь подкатил на «Жигулях» и посигналил. Минут через пять вышла жена, и они укатили. Я, конечно же, не был на сто процентов уверен, что деньги у них в доме были, но... Каждое лето семья этого предпринимате-

ля в конце июня отправлялась к морю. Кроме того, когда я позавчера курил на балконе, а «Кругленький» (так я про себя прозвал хозяина квартиры за его живот) в это время на кухне сетку от мух приколачивал, вдруг у него зазвонил телефон. Двор у нас тихий, и поэтому из разговора стало ясно, что «Кругленький» собирается покупать иностранную марку. Ждать, пока семейство уедет на курорт, не имело смысла, с ними ушли бы и деньги...

Наружная дверь в квартире «Кругленького» и правда была серьёзная. Он на неё только и уповал. Ему и в голову не приходило, что можно залезть в квартиру через балкон соседа-алкаша, у которого дверь пинком открывалась.

...Судя по беспорядку в комнатах, можно было догадаться, что хозяйева куда-то собираются. По пыли на предметах — безошибочно определить, куда заглядывают хозяйева, а куда нет. Вот, в серванте «дорожка протоптана» к пластмассовой шкатулке.

Так и есть, пустая, если не считать бижутерии. Здесь хозяйка хранит свои украшения и часики, которые надела сегодня утром. Тут же между книжками втиснуты счета за квартиру и телефон с вложенными в них купюрами. Платить надо вовремя! Иду в спальню, проверяю шкаф. Полный хаос, всё навалено в кучу. Если бы у меня была такая жена — прибил бы!

Так, в кармане халата обручальное кольцо. Хорошо. В самом углу лежит коробка с аккуратно упакованными старыми валенками. Согласитесь, как-то нелогично держать эти чуни в платяном шкафу посреди дорогих шмоток. Всё это к тому же прикрыто вышитой подушкой. Сунул руку в валенок, ну, так и есть — в целлофановом пакете 17 тысяч рублей.

Ещё одну зачачку я отыскал в корзинке с луком. Оригинально. Но это всё были «бабы» деньги, мужик так прятать не станет. Если они у него не в офисе, то в квартире могут быть в двух местах: либо на самой поверхности — в «дипломате», в письменном столе, во внутреннем кармане дорогого костюма,

либо в хитроумном тайнике. Письменного стола и «дипломата» у бизнесмена не оказалось, а в «пиратской» версии костюма от Версаче почему-то лежали золотые женские серёжки. Бывает.

Я зашёл в ванную. Куча грязного белья даже не умещалась в стиральной машине. Вот сволочь какая, ничего по дому не делает! Под ванной какие-то фитинги валяются, обрезки кафеля и трёхлитровая стеклянная банка белой краски со свежими подтёками. Это меня заинтересовало. Ни на балконе, ни в комнатах я не видел следов свежей покраски. Балконные рамы с внешней стороны также стояли облупленные. Откуда взялась эта банка со свежей краской? Если бы он красил что-то в гараже, то там бы банку и оставил.

Я вскрыл её и понял, что никуда эта семейка отдыхать на этот раз не поедет и покупку машины им придётся, по всей видимости, отложить. Все деньги в красочной иностранной валюте лежали в этой банке, тщательно вымазанной изнутри белой краской.

Если использовать эротическую терминологию, то в тот момент я «кончил» прямо на деньги, так был возбуждён!

Разные были квартиры: весёлые, унылые и какие-то неприятные. Поначалу, когда ходил без разбору куда попало, то рассмотрелся всякого. Это потом уже пошли богатые более или менее, а в первый год я вёл прямо-таки беспорядочную «половую связь».

Однажды залез к какому-то одинокому еврею — так потом долго в себя приходил.

Думаю, он писателем был, книги в доме даже в газовой плите держал и в ванной — доверху! Бардак был невероятнейший. Заначки я находил в самых неожиданных местах: в высохшей чернильнице, в руле сломанного велосипеда, под стелькой старомодных выходных туфель. Но всё это были деньги ещё советской поры, спрятал — да за был.

В шкафу, где висел единственный нищенский костюм с протёртой подкладкой, в рулоне обоев я отыскал бутылку водки, ещё в «чебурашке», в которую вот уже четверть века как не разливают. Скисло водка!

Начиная с прихожей и до самой спальни тянулась по тумбочкам, шкафу, стульям и подоконнику «китайская стена», кирпичиками которой были пустые пачки из-под папирос. Судя по всему, хозяин был заядлый курильщик, и всю историю отечественного табака за последние полвека можно было проследить по этой коллекции от «Дымка», «Лайки» и до «Золотой Явы» с угольным фильтром.

На некоторых пачках были записаны телефоны и даже строчки стихов. Рядом, как солдатики, стояли пустые одноразовые зажигалки всевозможных цветов, особняком «маршировали» сувенирные латунные и посеребрённые в виде разнообразных фигурок. Здесь же, в жестяных баночках из-под кофе «Ленинградский», хранились пустые шариковые ручки.

На кухне, опоясывая весь периметр стены, стояли банки из-под тушёнки. Они были тщательно вымыты, этикетки содраны, острые края загнуты. Банки были аккуратно вложены друг в дружку и высились кособокими башенками, готовыми вот-вот рухнуть. В чёрной раковине стояла стопка крепко спаянной между собой грязной посуды, в чашке ржавел чай.

Эх, я бы ему денег оставил, да старик их не найдёт...

Когда через полгода я проходил мимо этого дома, невольно посмотрел на окна одинокого еврея и увидел, что какая-то юная девушка бойко, как ком-

сомолка, натирает их до блеска, поскрипывая мятой газетой. Она сверкала одновременно белыми ляжками и вымытым окном. В ведёрке с водой весело купалось майское солнышко и освещало девушку снизу, изнутри.

Она светилась, как абажур!

У мусорки я увидел наваленную кучу из папиросных пачек, стопки книг и понял, что хозяина квартиры больше нет на свете...

Другие мозги!

Вообще по мусору можно много чего сказать. Вот мой сосед побрезговал открыть крышку мусоропровода и поставил пакет рядом. В нём было две коробки из-под сока «Rich», стеклянная фляжка из-под бренди, кожура апельсинов, грязные, но недырявые мужские носки, рекламные газеты и журнал «Cosmopolitan» за прошлый месяц. Неплохо!

Теоретически я могу предположить, что мой принцип не всегда хорош. Возможно, человек, имеющий в тайнике под паркетом миллион долларов, будет разъезжать на ржавом «Запорожце», есть пакетный суп и ходить в прощайках на босу ногу. Но за всю свою практику я таких ещё не встречал. Уж как любят у нас в России пыль в глаза пустить! Не могут у нас жить тихо, обязательно надо всё выставить напоказ.

Вообще я с ходу квартиру стараюсь не брать. Наблюдаю за ней дня три, как минимум, при этом всегда меняю одежду, чтобы не примелькаться. Для того, чтобы в совершенстве отточить мастерство, само собой, нужны годы. Хорошо бы иметь в учителях толкового старого вора. Но лично для себя я черпал информацию из популярных книг — это может быть детектив либо что-то ещё. Сейчас таких полные книжные полки. Бывает, что среди авторов попадают и опера, и бывшие зеки, которых так и распирает поделиться увиденным.

Был такой вор по кличке Газовщик, этот орудовал в Уфе. Он ходил на дело с газовым баллоном, содержимое которого выпускал на одной из лестничных

клеток, которую заранее выбирал. Потом стучал в намеченную квартиру и начинал сеять панику. Ну, в суматохе либо снимал слепок с ключей (практически все жильцы держат их на полочке в прихожей), либо брал деньги, месторасположение которых определял безошибочно... по запаху.

В Суконной слободе Казани я знал одного старого вора, который мастерски обчистил квартиру директора торговой базы, при этом тот понял, что лишился своего состояния, лишь через неделю-другую, когда сунулся в тайник. А все просто. Когда вор принялся открывать дверцу старинного шифоньера, то, как бывший столяр, обратил внимание, что она гораздо тяжелее, чем должно было бы весить дерево этой породы. Он вскрыл обшивку. Так и есть, вся полая часть дверцы была забита валютой!

Где лучше всего прятать деньги?

В одной квартирке я встретил хитроумное решение схрона денег. Там взяли да и подвесили на леске две пачки денег и золотые побрякушки за складку толстых штор. Оригинально? Но я то их всё же нашёл! Чтобы быть настоящим вором, конечно, надо иметь совсем другие мозги. Необходимо мыслить парадоксально!

...Помню, час был ранний, люди на компрессорный завод сплошной серой рекой текут, а я иду им наперерез. И вот то, что я иду наперерез толпе, как-то показалось мне тогда глубоко символичным. Лучше, чем сказал Моэм, описывая мои ощущения, я уж точно не сумею. «Большинство людей живут от случая к случаю — носятся по воле ветра. Многих среда, окружавшая их с детства, и необходимость зарабатывать на жизнь заставляет идти прямой дорогой, с которой не свернёшь ни вправо, ни влево. Им программа навязана извне, самой жизнью. Но у художника положение особое. В известных пределах художник может распорядиться своей жизнью как захочет. Что касается других профессий, например рабочего, врача или юриста, вы вольны остановить или не остановить на них свой выбор, но, раз выбрав, вы уже не свободны.

Вы связаны законами своей профессии, вынуждены соблюдать те или иные правила поведения. Программа ваша предопределена. Только художник да ещё, пожалуй, преступник может составить её сам».

От кого-то я слышал, что наши мечты — такая же часть нас самих, как и наши поступки. Верно. И я старался все свои мечты как можно быстрее реализовывать. Чтоб не зауксилось вино! Идя на дело, а позднее и на «охоту» за женщинами, я всякий раз проводил вечер накануне преступления в мечтах. Я рисовал себе яркие и живописные картины, которые пытался оживить на следующий день. Наверное, я был в одном лице и художником, и преступником одновременно. Но скажите, разве это не находка запихивать своей жертве в рот вместо грязного носового платка — сладкий персик, истекающий соком?!

Я быстро понял, что женщины совсем не боятся пистолета (был у меня поначалу убедительный муляж), так как для них это нечто абстрактное и более связанное с игрушкой, нежели с оружием. Тогда я стал носить с собой ножницы или шило. Эти инструменты внушали им страх.

...Если хотите, это хитрая игра такая: подобрать подходящего богатого, попытаться проникнуть к нему сквозь все преграды, а потом ещё попробовать отыскать у него заветный тайничок с деньгами. Сюда добавим всевозможные уловки, которые хозяин применяет против меня, — эти современные замки, сигнализация, хорошо обученные собаки (которые не таявкуют по-пустому, а терпеливо дожидаются твоего горла!) да любопытные соседи. До чёрта надо преодолеть всяких головоломок, пока доберёшься до цели! Так что считаю, как бы это смешно ни прозвучало, работу свою тяжёлой и интересной. Но такие воры, как я, сегодня большая редкость. И говорю это без бахвальства. Промышляют тупые, ограниченные сволочи, они не думают — вот в чём их беда, они предпочитают с шумом нагряться, пострелять всех, включая младенцев,

выпытать у полуживого хозяина, где тайник, и отвалить, зачастую с тремя рублями, пропитанными кровью! Дерьмо собачье...

Я таких однажды сам заложил. Посреди бела дня стали они ключи подбирать к моему соседу, видимо, клюнули к нему из-за спутниковой «тарелки». То, что его дома не было, определили по надрывающемуся телефону, который стоял в прихожей. Сосед — лох еще тот! Да, залепили жвачкой мне глазок, видимо, в каком-то фильме подглядели, что именно так делают воры. При этом работали без перчаток (июль же на дворе!), на жвачке чётко отпечатались папиллярные узоры. Ковырялись-ковырялись, всяких проволочек в замочную скважину насовали. Хрен вам, идиоты! Ну, психанули и давай дверь пинать. Грохот на весь подъезд! Вот я и вызвал милицию...

Я вор-романтик, мне милее эпоха, когда были «шниффера», «кукольники», «медвежатники», «хирурги», «марвихеры» и прочие воры-профессионалы. А сегодня таких нету! Потому-то я вор-одиночка.

...Часто приходится слышать, что человек — это маленькая Вселенная со своей миссией на земле. Чушь собачья, я вам скажу! Вон под окнами у меня сидят на корточках, как будто большую нужду справляют, и сморкаются на детские качели «макаки» городских «джунглей». Родина их происхождения — зона, лишенная ветра и солнца. Они все на одно лицо (если так можно назвать безликость), какие-то тщедушные, чахоточные и чёрные. Одним словом, падаль человеческая! Их «вселенная» не глубже выгребной ямы и не шире дырки в уборной, а вы что, туда хотите стихи читать о любви и добре, о смысле жизни?! Тьфу...

Жизнь гораздо богаче и сложнее, чем мы думаем. Но мы привыкли жить схематично, по заведённому. Вот, с детства нам твердят: «Не лги, это нехорошо! Говори только правду!». А я читаю в одной научной брошюре — вон она у меня на почётном месте среди

рюмок стоит: «Вернёмся к понятию «ложь». Находится ли оно в живой природе? Конечно! Мимикрия животных — это попытка обмануть хищника или добычу. Животные постоянно борются за свою жизнь, и, таким образом, мимикрия оправдана закономерностями биосферы, находящимися вне добра и зла!». Понимаете вы? Вне добра и зла!

Или вот другое... Какой-то маньяк зверски насилует и убивает мальчика. Общественность негодует, все готовы растерзать этого мерзавца.

Гнев ещё более возрастёт, когда мы узнаем про мальчика следующие подробности: «...ребёнок был главной радостью в жизни матери. Она восхитилась им, баловала, никогда не бранила. Всё, что он делал, было хорошо. Её внимание и любовь были целиком сосредоточены на сыне. Весьма вероятно, что такое отношение матери способствовало развитию его нарциссизма».

Ах, какая картина: нарцисс в объятиях маньяка и рыдающая мать над окровавленным трупом! Но наше негодование как-то само собой улетучится, когда мы узнаем имя мальчика — Адольф, и отрывок, который я привёл здесь, взят мною из книги Эриха Фромма «Адольф Гитлер: клинический случай некрофилии».

К чему это я тут эти разговоры развёл? Может быть, к тому, что всё в этом мире условно и всё требует осмысления, и нельзя всех чесать одной гребёнкой. Вор вору рознь, как и убийца убийце! Да и вообще, надо с головой дружить...

В советские времена всё же такого не было. Это теперь, когда болтать и писать можно обо всём, профессиональный вор или террорист может получить полезную для себя информацию не отходя от экрана телевизора или из популярной книжки. Вот идёт передача о квартирных кражах, где следователь — большой специалист по «домушникам» советует гражданам, куда лучше прятать свои деньги и ценности, как будто воры не смотрят телевизор! При этом

ненароком выбалтывает, какими методами они пользуются сейчас, чтобы изловить преступников. Среди прочего он раскрывает информацию о так называемых подставных квартирах, на которые провокаторы наводят воров, а там их уже ждут опера. Методом этим пользовались сыщики ещё в позапрошлом веке. Лохов, конечно, словят, а вот «белая кость» станет умнее.

Если профессиональный вор положил глаз на квартиру, то он обязательно заметит, что она подставная, ненастоящая. Сымитировать жизнь невозможно. Сыщики не актеры, их за версту чувствуешь. Специфический образ жизни, общность интересов, лексикон, манера держаться и одеваться – всё это накладывает отпечаток как на их внешность, так и на поведение. Внутри своего сообщества они могут этого и не замечать, но со стороны так, они и воняют одинаково!

Так вот, по поводу квартиры-подставы... Стоит только поковыряться в мусоре (ну, работа такая, что поделаешь!), как всё вылезет наружу. Ещё больше должно насторожить, что мусор в чёрных пакетах вывозят на машине. И уж обязательно в таких «мышеловках» шторы задёрнуты, тишь да гладь – никакой музыки, никакого бабьего визга. Хотя ментам давно уже следовало бы обзавестись кассетой, на которую был бы записан какой-нибудь сабантуйчик. Вот и крутили бы туда-сюда целый вечер.

...Но вот все эти просветительские передачи по телевизору – это, конечно, глупо! Зачем, к примеру, шуметь о том, что благодаря оставленному в живых заложнику сыщикам удалось составить картину места, где предположительно содержали жертву преступники? Глаза у него были постоянно завязаны, но он слышал из своей ямы гул взлетающих самолётов. Вот по этим-то звукам оперативники и вычислили криминальный дачный домик. Я больше чем уверен, что из-за этого сюжета многие заложники будут обречены.

Есть и ещё один цикл телепередач, очень уж полезный для террористов. Я имею в виду рассказ о житье-бытье всевозможных групп захвата, тактике ос-

вобождения захваченного самолета и других объектов, о камуфляже, новинках штурмовых видов вооружения, о специфике поиска взрывчатых веществ, проблемах данных подразделений и т.д. Никакой секретности, лишь бы поболтать! Будь то рассказ о том, что в аэропорту Домодедово с таможенниками работает бразильская свинья, способная уловить запах наркотиков, даже упакованных в мешки с репчатым луком, или сообщение о новейших технологиях в области сигнализации дверей и замков. Кстати, такая выставка регулярно проходит в Казани, уверен, её охотно посещают и воры-профессионалы!

Мои роли

Было время, когда я сидел без копейки, питался проросшей картошкой. Потом уехал на дачу. Поначалу чувствовал себя хреново, но потом просветлел. Стал много писать, голова у меня была в то лето ясная, как никогда. На всё смотрел добрым и светлым взглядом. Иногда ходил на дальнюю гору, собирал землянику, которую потом продавал у пристани.

Осенью, приехав в город на последнем пароходе, который с хрустом ломал молодой ледок у пирса, я познакомился с другой нищетой. Куда-то улетучилась лёгкость, стало холодно и тоскливо.

За окном всю ночь барабанил дождь, а утром одинокий золотой луч с трудом выкарабкивался из-за туч и тщетно грел озябшую землю.

Посмотрел я на себя самого со стороны, и жалость какая-то алкашская прошибла. Вот стоит посреди кухни мужик – исхудавший, небритый, на нём спортивное трико с пузырями на коленках и жёлтая от горчичников майка – и совершает странные манипуляции: окунает пробитые трамвайные талоны в ковшик с мыльным раствором и разглаживает их раскалённым утюгом.

Наварил он себе огромную кастрюлю пшёнки и третий день давится ею, приправляя прогорклым маслом. В душе его упорно, как ядовитый гриб, начина-

ет расти чувство жалости к себе и омерзения. Ни копейки в кармане, детская копилка разворочена давно, а за окном дворник, припухший от пьянства, грузит в тачку золотые листья... Золотые!

Вчера, когда Артура высадили на другом конце города из трамвая злющие контролёры, он психанул и до дома отмахал пешком. Полтора часа шёл. Мозоль целую неделю на большом пальце ноги, как лампочка, горела!

В тот вечер, он не вытерпел и достал с антресолей тонкие перчатки, газовый баллончик с красным перцем, отмычку и шнур. «Пора идти на работу!» – сказал сам себе. И тотчас нищета его, которую он, как робу, примерял всё это время на себя, увиделась ему всего лишь эпизодической ролью. Артур сыграл её в этот вечер в последний раз. Казалось, что он боялся быть самим собой и частенько кого-нибудь играл. На даче по обыкновению на него нападала хандра и сладкая обломовщина обволакивала тело. Он целыми днями валялся на замусоленном диване, спал, ныл и курил. Пил он тоже порядочно, так как любил «Фиесту» Хемингуэя, а Равик из «Триумфальной арки» чуть было не сделал его алкоголиком.

У пьянки хорошо только самое начало, её первый день – лёгкий, бравурный, сыплющий выдумкой и остротами. Следующий день – традиционно философичен и навеян грустью. Потом неделя проносилась тяжело, как товарняк, стуча уставшим сердцем. И вот наконец наступал день без числа и месяца, когда «чёрный человек», пиная пустые бутылки с прокисшими окурками внутри, протискивался к форточке, к воздуху. Потом он целый день дрожащими руками выгребал мусор из углов, гремел бутылками и по обыкновению находил четверть или полбутылки, которую заныкал спьяну. Морщась, выплёскивал в унитаз! Матюгался, охал, стонал, забывался коротким сном, пылесосил, затевал постирушки, отмокал в горячей ванне...

Короче, вроде бы всё как у людей.

Между прочим, и жена у него была. Ушла как-то незаметно, отпала, как кончик хвоста у ящерицы. Говорят, что уже успела выскочить замуж. Ушла-то всего год назад, а у него такое ощущение, что жил с ней в какой-то прошлой жизни. Теперь вспоминает без содроганий, без злобы, только самое лучшее: вкус мяса по-гречески, тушёной капусты, запах мыла «Самеу» в ванной... И совсем не понимает своей записи в дневнике: «Жена – первая сука и враг: всё про тебя знает, оттого бьет метко и хлётко. Млеет только от денег. Шлюха!».

Жизнь женатого человека – тоже роль. Теперь вот репетирует холостяка! Между ролями затесался десятилетний сын, ожидающий папу в театральном буфете и нацеливший взор на горку кокосовых пирожных с пуговками вишен.

«Мой бедный мальчик, чем ты будешь занимать себя в этой жизни? Чем будешь убивать своё время? Как обманывать себя, тешить? Делать нам с тобой на земле совсем нечего...» – написал он как-то в поздравительной открытке, из которой жена при нём же вытащила купюры, а саму открытку отбросила в сторону.

– Ладно, хватит дурью маяться, – сказал сам себе Крадуб, – пора открывать театральный сезон и играть вора!

Обитатели Суконки

Думаю, если бы отрезок моей жизни между первой «детской» и второй кражами был помещён куда-нибудь в Баден-Баден или в Саарбрюкен, то последующих краж, скорее всего, могло бы и не быть. Но на мою беду годы эти прошли на диком острове, называемом в народе почти по-матерному – Суконкой. Островок этот был густо населён ворами, алкашами и проститутками, сосланными в Суконную слободу Казани добровольно. Каким образом моя бабушка-товаровед затесалась среди них?

Как же я впоследствии был приятно удивлён, когда прочёл в одной краеведческой книжке, что в соседнем доме, в

узких сумеречных коридорах которого мы играли в прятки, жил сам Фёдор Шаляпин!

Из колоритных обитателей Суконки мне вспоминается Махмут-абый, которого называли дядей Мишей. Дом его, одноэтажный и краснокирпичный, стоял окнами на улицу. Все подоконники были заставлены круглыми и квадратными аквариумами, которые светились тёмными вечерами китайскими фонариками и притягивали ребятню. Местные кошки, напрягая обрубки хвостов, приникали к окнам и нетерпеливо трогали лапками стёкла. Потом вдруг в один из осенних вечеров аквариумы погасли, рыбки исчезли – и на улице стало темнее. Откуда-то появилась милиция, стали расспрашивать соседей, составлять протоколы. Как оказалось, дядя Миша, тихий вроде бы с виду мужик, утопил свою истеричную жену в самом своём большом аквариуме, что стоял в центре зала. Причина была понятна, наверное, только ему одному: она, во время чистки аквариума, случайно выплеснула золотую рыбку в уборную.

Дядю Мишу увезли, пришёл племянник и устроил аукцион золотых рыбок, а беспородных раздал просто так.

Мне достались гупёшки. Я смотрел на них и думал, что они видели, как та пускала пузыри, как слизкие водоросли оплетали ей шею. Но только ничего никому не расскажут. И даже ментам!

Участковый армянин по имени Мирза очень неохотно вмешивался в дела местных.

Помню, какой-то алкаш из соседнего двора сломал своей жене нос, до этого тот у ней был римский, точёный, и на тебе, скособочился в сторону и распух картошкой! Она носилась со своим носом по улице и голосила, растирая кровавую юшку по щекам, а муж её спокойно стучал костяшками домино.

На шум вышел заспанный участковый в дырявом трико, но в фуражке с потным пятнышком на макушке. Издали торжественно погрозил большим кривым пальцем, развернулся и ушёл...

Был он холост, жил со своей сестрой и с чёрным, как худой чёрт, догом.

Постоянно в его доме была слышна собачья возня, лай и женский визг. Ходили слухи, что он натравливает дога на сестру, и тот её насилует. После того как я увидел эту женщину у колонки омывающей ледяной струей свою пухлую ногу со свежими глубокими царапинами, я поверил этим слухам.

Одно из моих воспоминаний детских лет выглядит так. Ясный морозный вечер, дым из труб, как чулок, бесшумно поднимается к звёздам. Мы – я, бабушка и дядя – поднимаемся на Шамовскую гору, посыпанную золой и оттого, к сожалению для меня, не скользкую. Идём мимо клиники, построенной на деньги купца Якова Шамова и похожей на мрачный замок.

Вдруг из-за деревьев отделились две чёрные фигуры, третья маячила поодаль. Угрюмый мужик вяло выставил вперёд руку, в рукаве что-то щёлкнуло. Взрослые быстро взяли меня в тёплое кольцо, и само «представление» закрыли фалдами шуб, как занавесом. Единственное, что я успел увидеть, как одновременно сверкнули при луне золотая фикса и лезвие финки. Дядя, всю жизнь проживший на Суконке, что-то грамотно ответил вору, и тщедушные фигурки, погасив фиксы и финку, мгновенно исчезли, как мне показалось, в дуплах чёрных деревьев.

Наш дом стоял от клиники неподалёку, и поэтому мне часто приходилось слышать ныне сильно устаревшее «караул!».

Как-то остался я дома один. Лежу на тахте, читаю, и вдруг мне показалось, что наш двухэтажный дом – это огромный старый комод, а я нахожусь в одном из его уютных тёплых ящиков и слышу всё, что происходит наверху и внизу. Вот чихнул дядя Гриша, а вот подвинули табурет у соседей. Это Валя полезла в буфет, где от неё прятали сладкое. У соседей снизу весело заскулила Джумба, это хозяйка вернулась из магазина с ливерной колбасой. Я видел дом насквозь, как будто театральную декорацию в разрезе...

Персонажи, за жизнью которых я наблюдал, не специально, а как бы исподтишка, слонялись, как актеры, не задействованные в спектакле, но такая была их эпизодическая роль в трагикомедии под названием «Суконка». Как ни крути, а главного героя в этом спектакле играл всё же Я!

Суконка вся как-то сползала с горы, улицы здесь так и назывались — 1-я гора, 2-я, 3-я.

Но моя улица под самой горой именовалась тихо и мирно — Тихомирнова. Когда местная шпана затевала драку, то обычно говорили: «Тихо-мирно разберёмся!».

Воры — старожилы Суконки являли собой своего рода элиту воровского мира. Они сторонились молодой дикой поросли, плюющей на воровские законы и патриархальность, и были по-своему мудры и справедливы. По утрам они потребляли исключительно «боржом», отвергая пиво или брагу, а потом играли до обеда под сенью старого клёна в шахматы, где утраченные фигуры заменяли винные пробки. Но вот солнце грузно переваливало за полдень, и тогда тени фигурок начинали точно указывать на замызганную пивнушку.

Воры чесали загривки, откашливались и снаряжали гонца с алюминиевым бидоном. После пива шахматы сменяли карты, на столе появлялись тёмно-зелёные кегли дешёвого яблочного вина. Языки у воров развязывались, и можно было услышать много интересного из жизни Суконки. Так, впервые я узнал, что на месте кинотеатра «Победа», с псевдоримскими портиками и гипсовой лирой на крыше, в царские времена стоял Горлов-кабак, прозванный так оттого, что здесь народ любил драть горло разными похабными песнями. Именно сюда захаживал Пушкин с гусиным пером за ухом и походной чернильницей-непроливашкой, чтоб записать рассказы старожил о Пугачёве...

— Емелька-то прятался после того, как сделал ноги из казанского острога, во-она в той яме на Первой горе, куда

Васька на прошлой неделе ...бнулся, когда мы его за бутылкой посылали.

— Да не Васька, а Мансурыч!

— Мансурыч тоже успел... А когда Пугачёв через годик пришёл Казань брать, то полез он во-она оттуда... Вишь? Вон, тропка по дну оврага бежит, там ещё раньше армянское кладбище было...

— Да не армянское, а немецкое!

— А хотя б и еврейское...

Шамовский овраг притягивал меня к себе как магнит.

Когда я был маленьким, дедушка выгуливал меня на краю этого оврага. Он садился на газетку, а меня привлекал, как козлика, за бечёвку к ноге.

На его склонах американские клёны разрослись так, что образовали, как в тропиках, одну сплошную разветвлённую крону, не хватало только диких обезьян. Зато крысы здесь обитали целые полчища. Летом 1970 года крысы загрызли местного вора Лябика, который выиграл в карты бешеные деньги и посреди ночи решил срезать путь по дну оврага.

Рассказывали, что его одежда аккуратно лежала на траве, будто бы её расстелили для просушки. В карманах нашли всю ночную «выручку», ключи и краплённые карты. Но вот бутылка денатурата была пуста! Одни алкаши уверяли, что его крысы вылакали хвостами, другие предполагали, что Лябик, предчувствуя свою ужасную смерть, быстренько высосал всю жидкость до капли. Говорили, что за неимением тела похоронили свитер и спортивные брюки.

Знаменитостью Суконки был детдомовский Ваня по кличке «Эфиоп». Весь он был какой-то южный, с круглогодичным золотистым загаром, с крепкими белыми зубами и грустными добрыми глазами. Обаятельный до чёрта!

Вполне вероятно, что Эфиоп владел мастерством гипноза. Я слышал, как он говорил кому-то, что лазить по карманам считает для себя делом низким, высший пилотаж — это когда тебе жертва сама деньги отдаёт!

Если Эфиоп появлялся на улице в выглаженных брюках, белоснежной рубашке с закатанными рукавами и узких ботинках, то это могло означать одно из двух: либо на дело пошёл, либо на свидание...

Не раз я заставлял его с книжкой в руках. Читал он запоем, залезал на американский клён, удобный для возложения своим креслом-коленом, и если книга попадалась интересная, то не спускался до самого заката.

Если же книга попадалась скучная, то расправлялся он с ней весьма оригинальным способом: делал самолётики из страниц, и перед запуском подпалывал зажигалкой. Помню, под деревом валялись опустошённые корочки книг Абсалямова, Бориса Полевого и Эдуарда Асадова.

...Отец, который отвёл меня в первый класс и пропал на четыре года, внезапно объявился на пороге, запустил в нашу квартиру, застланную, как юрта, тяжёлыми узбекскими коврами, лёгкое облачко лимонного одеколona и выманил меня на улицу. А там на ласковом солнышке сентября крутились кутята в листопаде, старая еврейка с усиками звала на фаршированную щуку своего Мишу да безмолвный и какой-то неживой дядя Гриша дымил «Шипкой», которую ему вставляла в жёлтые зубы внучка.

Папа смёл огненную листву с отполированной задницами лавки и положил передо мной коробку шоколадного цвета. В ней, как игрушечные снаряды из цинка, лежали рядом тюбики и источали свежий запах чего-то нового, незнакомого, что сразу же кружило голову и овладевало тобой полностью.

Я взял один такой упитанный тюбик, отвинтил колпачок и выдавил себе на палец каплю жёлтой, как лимон, краски. Она так и называлась: лимонная. И мне показалось, что этот великолепный листопад, который светился солнечным дождём над нашими головами и потом каким-то невероятным образом проникал даже в трусы, так вот, теперь я мог сделать этот листопад сам, когда захо-

чу, даже заснеженной зимой, одним только маленьким тюбиком лимонной краски! Это была фантастика!

И с того дня, два раза в неделю, я стал ходить в изостудию Дворца пионеров. Мне казалось, весь двор замирал, провожая меня. Я обходил столик, где воры искоса заглядывали в свою бубновую «библию» и тихо молились матерными словами. Я проходил под окнами, где чьи-то наглые и синие от наколок руки вытирались о голубые занавески с помутневшим солнышком, а в глубине комнаты-пещеры кто-то хрюкал. Я шёл по пьянеющей в конопле тропинке и перепрыгивал чьи-то мятые ноги, которые исподтишка журчали ручьём, а рядом гордо стоял победитель, сокрушивший «противника», – «Тройной»! Запах этого одеколona порой перебивал дурманы конопли и кружил в безветренные вечерние часы над всей Суконкой.

Так для меня образовалось два непохожих мира: где-то там наверху, за Шамовской клинкой и солнечными соснами, пахло гуашью и маслом и, приколотые к мольбертам, ждали первого мазка чистейшие листы ватмана. А здесь, внизу, на дне шуршала совсем иная жизнь, но мне она была также интересна. Дико интересна!

Бабушка всячески оберегала меня, как комнатную фиалку, от дикой поросли суконских «сорняков». Не пускала одного на улицу, увозила на лето подальше от этого гиблого места, знакомила с какими-то рафинированными мальчиками из благополучных семей. Но всё же оградить меня было невозможно: свинцовый кастет в виде спаянных друг с другом массивных перстней, который я нашёл в подворотне, порванный туз и смятая порнокарточка, которые валялись под лавкой, пятна крови на льду, пустая «бомба» из-под яблочного вина и дежурный гранёный стакан, «растущий» на ветвях американского клёна... Все эти немые свидетели, которые я обнаруживал поутру у себя во дворе, нащёптывали мне о тайной ночной жизни слободы, о ночных людях-тенях, которые исчезали с первыми лучами солнца, о взрослой и запретной жизни.

Я жадно ловил всё: и шлейф духов «Красная Москва», которыми пахло от соседки, и сладкий запах перегара, которым разило от её мужа – дяди Володи, и щекочущий ноздри дымок его любимых папирос «Полёт», что продавались в табачном киоске, – три копейки малюсенькая пачка из трёх папиросок. Часто я слышал их однообразные скандалы за стеной, когда с шипения они переходили на крик (баритон и фальцет), а потом, роняя стулья, устраивали вокруг круглого стола догонялки. В нашем серванте дрожали от страха хрустальные рюмки, и по мере сползания к краю, дедушка аккуратно двигал их, как шахматные фигурки, на прежнее место.

Меня сильно тянуло к отцу. Когда он изредка появлялся в моей жизни, я тушевался, как влюблённая девушка, и впитывал свет его глаз, мягкую улыбку, вкусный запах табака. Я хранил

все фантики от конфет, которыми он меня угощал!

Странный он всё же был человек. Мне теперь кажется, что это был настоящий эпикуреец, которого проблемы обходили стороной, а несчастья если и касались, то лишь по касательной. Даже когда у него что-нибудь болело, он умел получать от этого удовольствие. «Как хорошо, когда ноет сердце, – смаковал он, – а как приятно болит печень!». Хотя он всю жизнь повторял одну и ту же молитву собственного сочинения:

«Боже, дай мне по балде, чтобы мало не показалось!», однако боженька любил его и только гладил по головке. Похоже, что в эту жизнь он был послан по туристической путевке, – отдохнуть! Он и умер красиво, как настоящий эпикуреец. Гулял по парку с какой-то курсисткой, пил пиво, потом они купили билеты на «Чёртовое колесо», и на самой верхотуре у него остановилось сердце. Девчонка перепугалась и тихонько смылась, а он катался до тех пор, пока билетёр не вызвал «вырезвилку».

Теперь вспоминается, как цветной сон, моя встреча с отцом на старой даче.

В парном молоке июльской ночи послышался треск кустов. Я испуганно прильнул к окну. Отец оттирал испачканный глиной носок лакированного ботинка о влажную мать-и-мачеху.

– Мать говорит, ты интересуешься женщинами, так?

– Да она всегда...

– Сколько тебе лет? Началось половое созревание? На-ка возьми это... – Он протянул в окно амбарную тетрадь. – Тут мои размышления про это самое. Но если ты дурак, тебе это не поможет...

Тетрадь была влажная, будто бы она пролежала всю ночь в траве. То, что было написано чернилами, расплылось, но карандаш остался. «Мы, мужики, со времён колониальных войн, перестукиваемся друг с другом (половой вариант азбуки Морзе) через женщин, посылая ироничные пожелания в виде триппера и прочего».

С этой тетради и началось моё половое воспитание...

Ещё я вспомнил, как поздно вечером мы с папой возвращались домой. Кажется, это был август, душный и терпкий. Помню, как я трогал тёплую ленивую струю фонтана на Театральной площади, а папа ловил уплывшую бо-соножку незнакомой девушки.

Он необычайно весел и добр, от него вкусно пахнет забродившим вишнёвым вареньем. Я клюю носом, он подсаживает меня на плечи, и мы плывём куда-то по тёмным городским каналам, раздвигая телами горячий воздух. Сквозь медовые веки я вижу, как с балкона полетела красная звезда и рассыпалась на асфальте, как мохнатый белый пион на подоконнике затяжал на нас...

И вдруг прямо перед собой я увидел ярко освещённое окно, наполовину прикрытое красной шторой.

В глубине комнаты гладила бельё совершенно голая женщина. Соломенный торшер освещал её полосками, казалось, будто бы она совершала магические телодвижения под шатром из пальмовых листьев.

Со стороны, наверное, было забавно на нас смотреть, – стоим вдвоём у окна, как у экрана, и заворожённо смотрим эротическое «кино»!

На горе за нашим домом в мае месяце взрывался сиреневый сад.

Я только недавно узнал, что арбуз в науке относится к ягодам. Сирень, по моим соображениям, это тоже ягода. Кисть сирени была тяжёлая и лиловая, как гроздь винограда. Мы выщипывали из неё и съедали все цветы с пятью лепестками. Раз в году, благоухание сирени изгоняло с Суконки дурманы сивухи и одеколона. Он один царствовал несколько ночей! Самые опустившиеся алкаши в эти дни трезвели, слюнявили свои патлы и шли «по сирень», забывая о пустых бутылках. С хрустом ломали кусты, как заваливали девушку, и потом выстраивались рядом на Суконном рынке с огромными свежими букетами по 15 копеек.

После обеда там же, в сиреновом саду, устраивали пир. Одеколоном в эти дни брезговали, брали водочку и порт-

вейн, ну или крепкое яблочное вино в бомбах под названием «Слёзы Мичурина». Здесь же по вечерам устраивали «сиреневые свадьбы»: фраера заманивали женщину букетом и вином, поили и до утра «ухаживали» за ней всей улицей.

Как-то я стал свидетелем такой дикой сцены. Сильно пьяная женщина в лимонной юбке, слабо отмахиваясь и бормоча: «Отстаньте», пыталась уйти от назойливой компании. Она полезла в дыру деревянного забора, которую мы проделали с пацанами, да застряла там на свою беду.

Забор ходил ходуном, шуршал шлейф дикого хмеля, а из зарослей портрапливали новые ухажёры.

Меня уже искрилась бабушка, и я вынужден был, дико возбуждённый, оставить свою смотровую площадку.

Вечером я не подошёл к краскам, потому что моя лимонная стала напоминать мне не листопад, а юбку женщины.

Наутро я вышел во двор, было ещё часов семь. Стекланный туман стекал с холма, и кто-то вяло матюгался в сиреневых садах.

Я чуть было не налетел на неё! Она сидела на ступеньках и мычала, как будто у ней ныли зубы. Её юбка потускнела, местами приобрела коричневатый оттенок. Букет мятой сирени валялся в ногах.

Я осторожно прикоснулся к её руке, она даже не шелохнулась. Тогда я взял и поцеловал в солёную щеку и быстро убежал...

Когда в тридцать лет я впервые прочёл воспоминания Шаяпина, то был поражён тому, что вот здесь, в соседнем дворе, но лет семьдесят до меня, будущий певец думал о том же и мучился тем же: «Я не понимал, почему в театре о любви говорят так красиво, возвышенно и чисто, а в Суконной слободе любовь – грязное, похабное дело, возбуждающее злые насмешки? На сцене любовь вызывает подвиги, а на нашей улице – мордобой. Что же – есть две любви? Одна считается высшим счастьем жизни, а другая – распутством и грехом? Я видел, что все ищут любви, и знал, что

все страдают от неё, – женатые и холостые, чиновники и модистки, огородницы и рабочие. В этой области вообще было очень много страшного, не доступного разуму моему: девицы и молодые женщины пели о любви грустно, трогательно. Почему? А парни и многие мужчины рассказывали друг другу про любовь грубо, насмешливо и посещали публичные дома на Песках. Почему? Я знал, что такое публичный дом, и никак не мог связать это учреждение с любовью, о которой говорилось в «Даме с камелиями».

Изнасилование в сирени глубоко запало в моё сердце. Перед глазами вновь и вновь вставала эта дикая сцена в мельчайших подробностях. Уверен, что те парни и та женщина, если они ещё живы, давно уже позабыли обо всём этом. Мучился только я! Воспоминания, выбираясь украдкой откуда-то из тёмных подвалов, заставляли меня вновь переживать весь этот «сиреневый» кошмар. Я стыдился, я возбуждался, я исходил жалостью, и я хотел её – так же грубо и так же пошло!

Когда я учился в классе пятом, то познакомился с одним старшеклассником. Звали его Женя Жемчугов, и был он из очень обеспеченной семьи. В школу его привозили на персональной папиной «Волге». Он единственный, кто не носил школьную форму, а вызывающе ходил по школе в польском джинсовом костюме фирмы «Одер» или в одном из своих гэдээровских пиджачков стилижного кроя.

Однажды ему в голову пришла идея организовать литературный кружок имени Пешкова, администрация школы его поддержала.

Поначалу даже приглашали на занятия университетскую профессуру, какого-то старожилу, издавшего самого Максима Пешкова, но постепенно кружок стал уходить в подполье. Исключили «неблагонадёжных» и перенесли занятия из школы в частный дом на улице Островского.

На одном из первых «тайных» заседаний Жемчуг объявил, что отныне мы переходим на более глубокое изучение творчества великого пролетарского пи-

сателя. В частности, первые два занятия будут посвящены повести «Мои университеты», основное действие которой происходило в Казани. После литературной части, а именно художественного чтения избранных кусков, нам было предложено испробовать напитки и закуски, которые кушали в то время сам автор со своими героями. Напитки были представлены двумя пузатыми графинами водки, а закуски – пятью выпотрошенными селёдками с кольцами лука и караваем чёрного хлеба. Когда же компания изрядно захмелела, в шестилитровом алюминиевом бидоне было выставлено холодное пиво. Что было дальше, я помню как будто в тяжёлом тумане, окутавшим палубу корабля во время болтанки...

Жемчуг выделил троих участников кружка, дал в руки по большому куску хозяйственного мыла и заставил натирать в зале полы. Стол был вынесен, а по краям стены установлены стулья.

Когда уже пол стал матово блестеть, он поставил на крашенные паркетины четыре глиняные тарелки. После чего открыл на закладке книгу классика и прочёл тот самый отрывок, где рассказывается о посещении студентами публичного дома. Если помните, там студенты в пьяном кураже поставили проститутку на тарелки, после чего принялись лягать её в зад и катать по намыленному полу, из угла в угол.

Закончив чтение, Женя отворил дверь в спальню и, как заправский конферансье, объявил: «Господа, мадемуазель N. Прошу любить и...».

В зал вплыла грузная и пьяная женщина, на вид ей было лет сорок, из одежды на ней болталась только белая шаль. Жемчуг, как фокусник, сдёрнул с неё этот покров, тогда женщина начала жеманиться и просить водки. Ей поднесли рюмку. Потом Жемчуг и ещё один парень долго втолковывали ей, как нужно встать на тарелки, даже зачитывали отрывок из повести. Она хлопала глупыми совиными глазами и икала. После первого пинка руки у ней разъехались и она дико захохотала. Жемчуг

подскочил и со словами «пардон» развернул «мадемуазель» и что было сил пнул её к окну. Сидевший там паренёк зазевался и пропустил «подачу», женщина ударилась о подоконник и со стонами распласталась на полу.

Стали деловито обсуждать и сравнивать написанное с реальностью. Один доказывал, что пол у Горького был настилен досками, а у нас выложен паркетом, поэтому, дескать, скользит плохо. Другой же утверждал, что мыло не то, тарелки не те, да и баба слишком толста!

Наступило лето, и Женя Жемчугов повёл «кружковцев» на экскурсию по улице «Красных фонарей». Я был в то время прямо-таки очарован им, эрудит и организатор, он был непревзойдённый. Его цинизм был прикрыт сверху покровом обаятельности, поэтому и не бросался в глаза.

Жемчуг выуживал из своей бежевой заплечной сумки какие-то листочки и зачитывал их нам на ходу. «В Казани, – просвещал он, – самой греховной была улица, называемая Пески. Позднее её переименовали в Дегтярную. Если идти от обувной фабрики «Спартак» в сторону зоопарка, то как раз можно оказаться там. К вашему сведению, господа, в Казанской губернии насчитывалось 23 дома терпимости, где трудилось 149 женщин. В самой же Казани таких домов было 17, и по количеству она опережала Нижний Новгород, Пермь, Самару и даже Киев. Из 330 официально зарегистрированных проституток 282 были русскими, 29 поляк, 19 немок, 2 еврейки и 1 татарка». «Надо же, на всю Казань всего-то одна татарка!» – дивились мы, выстраиваясь в своих смелых фантазиях к ней в очередь.

Мы притихшей гурьбой вошли в частный дом, где нас уже ждали. Я не знаю, может быть, это были знакомые Жемчуга, а может, он заплатил. Одноэтажный купеческий домик с аккуратной кладкой из красного кирпича был увит плющом. В огромной зале, которая позднее была перегороджена фанерными щитами, в центре уцелели лишь две вычурные колонны в стиле ампир. На

потолке виднелась покрашенная розочка, к которой некогда крепилась люстра. Молодая женщина в застиранном домашнем халате накрывала на стол: две бутылки водки, колбаса и салат из огурцов. Женя, не стесняясь хозяйки, продолжал свой рассказ: «Вот, обратите внимание, типичный публичный дом той эпохи. Небольшой, рассчитанный всего на пять-шесть клиентов. Матросов сюда не пускали, для них были дешёвые заведения с неизменным триппером за 20 копеек! А сюда на огонёк заглядывали семейные чиновники да офицеры. Можно с уверенностью сказать, что дом этот принадлежал ко второй категории, где цена услуг была от одного рубля до двух. Кстати, месячное жалованье капитана волжского пароходства доходило до 73 рублей, а у матроса – 18. И поэтому у каждого был свой дом свиданий. Существовали особые правила, принятые для подобных учреждений. Вот: «Кровати должны быть отделены или лёгкими перегородками или, при невозможности, ширмами. Содержательница должна следить, чтобы женщины блюли опрятность постели и своего белья, а также обмывали тёплой водой известные части тела, и в особенности чтобы девки употребляемые не переходили тотчас же к другим посетителям, не омывшись и не передохнув. Чтобы имеющие месячные очищения отнюдь не допускались к занятию промыслом».

Жемчуг достал из сумки бархатный альбом со скабрёзными картинками и пустил по кругу. Было удивительно и странно видеть мутные фотографии датированные 1883 или 1905 годами, на которых жеманные и скромные барышни украдкой делали минет усатым кавалерам с огромными шашками или, бесстыдно уставившись в объектив, безучастно отдавались сразу троим. До сих пор, листая учебники или литературные альбомы, мне приходилось видеть «тургеневских» женщин, наряженных в пышные и длинные платья, изпод которых и каблучок-то был едва виден. Им посвящали стихи, с них пи-

сали портреты! И в моей голове никак не укладывалось, что пошлость нашего века могла иметь какое-то отношение к той чистой эпохе.

Обескураженный, я с любопытством поглядывал на заправленную кровать в углу комнаты. Мне тогда казалось, что именно на этом ложе и происходило грехопадение! Я бы не удивился, если бы в тот момент постучали в окно и на пороге появился чиновник – эдакий чеховский персонаж с Анной на шее. Я вижу, как он протягивает хозяйке рубль серебром и, кряхтя, уединяется с ней за ширмой...

Однобокое изучение классика продолжалось около года, пока наконец кто-то из «кружковцев» не проболтался. Был скандал и разборки, которые устроили некоторые активные родители. Выяснилось, что в оргиях, которые устраивал Жемчуг у себя на даче в Боровом Матюшино, принимали участие лучшие девочки школы – отличницы нашего класса вместе с практиканткой из пединститута – русоволосой хохлушкой.

Жемчуг меня перестал звать после того, как я облевал на его даче всю веранду и граблями разбил зеркало. Помню, когда меня мотало из комнаты в комнату, я распахнул наугад дверь в спальню и... протрезвел. Я поначалу даже не понял, что там происходит. В каком-то непрерывном стоне, причмокивании и визге клубок розовых ног извивался на ковре как спутавшиеся щупальца осьминога. Потом из клубка выросла взъерошенная голова одноклассницы, которая мне тогда очень нравилась, и крикнула: «Дурак!». Я пошёл и выпил ещё водки, после чего уже никак не мог найти той самой греховной комнаты...

Потом я попал под тихое влияние своего соседа – Паши Шляпова. Парень он был простой и грубоватый, но по своему интересный. Как-то позвал он меня в компанию. Заходим в старый, весь скособоченный и скрипучий деревянный дом, похожий одновременно и на «Санта Марию» Колумба, и на собачью конуру. Проходим долгие холодные

сени, пробираемся сквозь густые запахи щей, рыбных консервов, бражки и помойного ведра. Идём на муть слепой лампочки и входим в тёплую жёлтую полосу приоткрывшейся перед нами двери. На меня даже не посмотрели, здесь своих чужали носом. Тогда, помню, я даже возгордился, что я – суконский!

В заплёванной комнате с лохмотьями жёлтых обоев и картинками из «Огонька» в центре стояла «кукла», которая представляла собой обыкновенное садовое чучело, правда, более тщательно приодетое и воткнутое в ёлочную крестовину. «Кукла» была наряжена словно ёлочка. Рыболовные колокольчики, склянки и пузырьки были навешаны на ней так часто, что звенели даже от скрипа половиц. Поэтому, когда игра начиналась, присутствующие замирали. Сама игра заключалась в том, что надо было быстро и бесшумно вынуть трёшку из неизвестного кармана. Эти деньги и были призом за ловкость. Трёшка, охраняемая колокольчиками, иногда «жила» дня два-три, но ей неизменно наступал каюк, когда к «кукле» подходил Арсен Вордане – местный кумир. Когда он появлялся, было такое впечатление, что из-за кулис выходил знаменитый иллюзионист. Работал он очень красиво! Иногда Арсен шулки ради «раздевал» и заправских суконских щипачей, он легко выгребал из «тайников и чуланов» костюма всё, что ему приглянется. Вещи обычно возвращал, но не деньги. Это принципиально. У него были какие-то не соразмерные туловищу руки, он постоянно щёлкал белыми длинными пальцами в воздухе, будто подзывал гарсона, и барабанил ими по столу или по коленкам. Такие руки и пальцы я видел только на картинке с изображением Паганини. Казалось, что пальцы гениального вора жили какой-то своей жизнью и обслуживали Арсена по обоюдной договорённости. Пацаны ужасно завидовали ему. Помню, как стеснялся своих рабочих лап мой сосед Шакир, он их постоянно тёр мелом, отчего казалось, что на нём перчатки...

Иногда обкуренный Арсен проводил бесплатные ликбезы «для местного населения». «Лох с деньгами, – учил он, – особенно барыга, ведёт себя как болван, он будет постоянно ощупывать карман, проверяя, на месте ли у него деньги. Чаще всего мужики прячут их внутрь, но редко кто из них застёгивает карман на пуговичку. Стоит на такого налететь в толчее, как уже полдела сделано. А если он к тому же со свёртком в руках, то это совсем хорошо! Но самое главное, надо оказаться чуть-чуть спереди от него в тот самый момент, когда он станет нагибаться за свёртком. Всё! Пиджак вздулся, видна грудь, глаза лоха сосредоточены на свёртке, тяни руку, дура, и цапай! Но если у тебя руки-крюки, то лучше не суйся. Не позорь родину и меня!».

Что касается «куклы», так поразившей тогда моё воображение, то это не было «изобретением» Суконки. Подобными «учебными пособиями» пользовались ещё до революции, а Суконка была лишь филиалом всероссийского воровского университета. Выходит, что здесь пару курсов проучился и я...

Практику местная шпана проходила поначалу в кинотеатре «Победа», а потом и на местном рынке. Роли во время сеанса распределялись так: один пацан, его называли «бинокль», высматривал в задних рядах потенциальную жертву; обычно ею становился поддатый мужик или влюбленная парочка. Другой, самый юркий и малый росточком, – его называли «танкист» или «партизан», нырял под сиденьями в заданном направлении и выжидал, когда зал начнёт хохотать, чтобы использовать силу искусства в своих корыстных целях. Если же фильм оказывался скучным, то прибегали к помощи какой-нибудь молоденькой девушки с Суконки, которая начинала пробираться сквозь ряды и приставать к жертве с пустяками: «Извините, а какой это ряд? Какое место?». Случались и курьёзы. Так, во время первой демонстрации французского «Фантомаса» вся шпана сидела как прикованная на протяжении

всего сеанса и пришла в себя только тогда, когда врубили свет. То же самое случилось при первых просмотрах «Двенадцати стульев», «Короны Российской Империи», «Бриллиантовой руки», но зато, выучив фильм назубок, банда работала как часы. Пацаны точно знали, когда зритель начнёт хохотать и полностью расслабится. Кошельков и портмоне выносили с одного только сеанса по семь-десять штук. Под деревянной лестницей, что шла от Тихомирнова вверх на Ремесленную, я лично сам видел кипу вывернутых кошельков.

Но, чтобы воровать на рынке, необходимо было овладеть мастерством иного порядка. Торговки – народ ушлый, но тем интереснее было их провести. Изобретали самые разные способы. Так, совершая какую-нибудь покупку (для этого просили кого-нибудь из старших), насыпали в бумажную рублёвку или трёшку молотого чёрного перца. Через несколько минут, поправляя платок на голове или, что ещё лучше, вытирая нос или глаза, торговка начинала плакать и исходить чихом. В это время её, дуру, и обворовывали. Практиковался и такой способ: отлавливали на помойке двух-трёх крупных крыс, обливали керосином и, подпалив, пускали под торговые ряды. Визг, паника были обеспечены. Женщины вскакивали как ужаленные на свои лотки. На арбузных корках скользили покупатели. Монеты скакали по всему рынку, как крыжовник. Тут только успевай собирать!

Бывало, заглянешь в обеденное время к школьному товарищу, родители которого нигде не работали, а только пьянствовали, а у них стол прямо-таки ломится, как у какого-нибудь директора мясокомбината: буженина сочными ломтями с палец толщиной на салатном листе навалена, бананы, как бумеранги, лежат, от мандаринов Новым годом пахнет... А папаша его, как говорится, с испитым лицом, плескает себе в гранёный стакан через край трехзвёздочный коньяк и говорит: «Мы хоть и не инженера, но тоже кушать хотим!». В то время слово «инженер» было ещё в

почёте. Помню, когда мы гуляли с дедом по зимней улице, он указал мне на пьяного мужика, который мочился на фонарный столб, и сказал с довольной ухмылкой: «Надо же, а ещё инженер!».

Ели, как и жили, на Суконке все по-разному. Кто-то, конечно, бедствовал, перебиваясь хлебом и консервами под названием «Завтрак туриста», кто-то пировал ворованным. У моей же бабушки стол всегда был накрыт, менялись только блюда и едоки. То, что она тащила со своей базы, с иронией называлось «партийным пайком», и включал он в себя импортные продукты, малодоступные рядовому партийцу. Венгерские консервы из серии «Глобус» – зелёный горошек, голубцы. Нежнейшая сайра, португальские сардинки в овальных баночках с ключом на крышке (здесь главным был не вкус, а устройство банки!), копчёная и очень жирная рыба под странным названием простипода, которую подданные гости как только не обзывали! Финский земляничный джем в белых пластиковых коробочках и замороженный перчик с помидорками из Болгарии. Помню, на столе после очередного застолья всегда оставались не допитыми, а лишь пригубленными «Гавана клуб», «Бехеровка» и алжирское вино «Монтань де Льон», которое почему-то называли «Монтажники из Лиона». Вся эта заморская выпивка не пользовалась успехом, она только украшала стол. Крепко уважали «Московскую» или «Столичную», изготовленную на импорт, армянские коньяки. Это только сейчас покупатели в магазинах вновь стали патриотами русской колбасы, а раньше лишь покажи яркий фантик с импортными буквами, будь там хоть говно бегемота, сожрут, да ещё на морде своей удовольствие изобразят!

В те времена всё новое, что проникало к нам из-за бугра из съестного, воспринималось как благовонное дуновение западного ветерка, который, как известно, не знает границ. Мы тогда были настоящими дикарями, падкими на всё яркое и кичёвое. Помню, как нюхали пустую бутылочку из-под пепси не

только мои одноклассники, но и взрослые тёти, знакомые моей мамы. Один мой приятель из параллельного класса знал наизусть расписание пароходов, швартовавшихся в казанском порту. Он караулил туристов у трапа и выменивал значки с Лениным на импортную жвачку. Помню, как он «дарил» жеваный катыш пацанам, и те довольные чавкали. И ничего в этом не было удивительного! Ещё совсем недавно можно было наблюдать, как страна, столько лет носившая свою любимую серую телогрейку, вдруг испытала сладкие муки искушения достатком. Её задница, исцарапанная передовицами наконец-то познакомилась с пушистой туалетной бумагой, её раздробленные коловоротом советских стоматологов-нацистов зубы вдруг познали, что такое обезболивание и нежность.

Теперь несколько слов о дедушке. Дед мой, по всей видимости, был довольно оригинальным человеком. Незадолго до своей смерти он собрался покрывать протекающую крышу сарая рубероидом. Откуда-то с задворок Казанского авиационного института, где он подрабатывал сторожем, приволок целый мешок кружков-циферблатов, покрытых фосфором, по всей видимости, от каких-то лётных приборов. Их предусмотрительный дедушка использовал под гвозди, вместо кнопок, и вскоре вся крыша была усеяна циферблатами. За день они вбирали в себя солнечный свет и потом всю ночь сияли ядовито-зелёным светом. Над сараем прямо-таки стоял священный нимб, в который боялись войти кошки и на который приходили любоваться влюблённые пары.

Дедушка помер, а крыша так и светилась всполохами «северного сияния» над Суконкой.

Бабушка по вечерам выходила на крыльцо, смотрела на крышу и плакала.

– Наверное, – вздыхала она, – дедушка это сделал, чтобы ему с неба был виден дом родной.

Много всякого живописного сброда обитало на Суконке, но более всего меня удивило, что здесь в начале XIX века проживал обрусевший француз, поэт-убийца Ласенер. Именно как поэт-убийца он и упоминается в книге Александра Гурова «Профессиональная преступность».

Как известно, в 1812 году французы толпами повалили в Россию, некоторые из них добрели и до Казани. Корнет армии Наполеона Пьер-Франсуа Ласенер (Lacenaire) был пленён под Смоленском. Через год, когда его отпустили восвояси, он изъявил желание остаться в России и подал императору прошение. Местом поселения ему определили Казань, видимо, для того, чтобы разбавить густую татарскую кровь...

Полуподвальную, сырую келью, в которой он обитал и где потом повесился, можно было видеть ещё даже в 70-х годах прошлого века. В моё время она уже была завалена кучей мусора. Старожилы рассказывали, что после смерти француза сюда время от времени вселялись радостные новосёлы, но через недельку-другую давали дёру. Говорили, что призрак висельника бродит по подвалу, сияя лунным саваном, и шарит руками в поисках горла.

Потом, когда отдирали на дрова половые доски, наткнулись на три женских трупа. По обрывкам одежды, опознали трёх сестер – местных проституток, пропавших почти одновременно. Тут же, в поношенном валенке, хранился весь архив поэта. Кроме стихов были здесь и разрозненные записные книжки.

В своих дневниках Ласенер подробно записывал, что предшествовало убийству, как он убивал, как вела себя жертва и что говорила в последние минуты своей жизни. Он фиксировал реакцию организма на боль и отмечал свои ощущения – от приступов вождения, от сочувствия к своей жертве до ужаса от содеянного. Ласенер скрупулезно описывал внешность своей жертвы, её одежду, а, препарировав труп, отмечал состояние внутренних органов,

которые потом относил крысам на дно Шамовского оврага. Это были страшные дневники, будто бы написанные двумя совершенно разными людьми. Садистом и поэтом!

«5 сентября, полдень. Осенью эта татарская клоака, в которую занесла меня горькая судьба, эти подворотни, полные пьяного сброда, покрылись позолотой, и жизнь показалось мне, не такой уж потерянной. Я полюбил трёх сироток, не делая между ними никакого различия, ведь они были похожи друг на друга и даже пахли одинаково. Сёстры, отдыхая от своего ночного промысла, грелись в лучах солнца, и лущили семена подсолнечника. О, если бы я был художником!».

«11 сентября, целый день дождь и солнце! Винить их за распутную жизнь нельзя. Это гадкое место сделало моих девушек такими, они каждый день видели дурные примеры. Сводни и пропащие девки день изо дня твердили им: «Стыдно только вначале – это скоро пройдёт!».

«21 сентября, уже вечер. У колодца столкнулся с младшенькой, я ей сделал комплимент, сказал, как она свежа и как ей идёт эта чёрная мушка в форме сердечка на щеке. Потом я предложил ей вина... Через четверть часа она постучалась в дверь и, шурша юбками, вошла в мою сырую комнату. От неё пахло дешёвыми ландышевыми духами, и вскоре моя комната наполнилась этой парфюмерией, вытесняя табачный дым. Я видел, что она спустилась к колодцу из сиреневых садов, куда её затаскил за полтинник краснощёкий мещанин с клоком рыжей бороды на двойном подбородке. Когда она ополаскивала припухшее и раскрасневшееся лицо, пальцы её дрожали, а к спине прилепилось три золотых листочка в паутине. Я знал, что *mon ange** только что отдавалась за деньги, но всё же никак не мог взять в толк, что вот эту юбку-колокол с кружевными рюшками по краям можно вот так просто приподнять с тем, чтобы увидеть там её тело. Я не мог соединить воедино наивный и чис-

тый взгляд с осквернённой плотью! Вина у меня не было, и я подкрасил вареньем водку. Она прихлёбывала её, как чай, наивный ребёнок! Я несмело подсел к ней, но она на плохом французском предложила сама: «*же ве, муа, ше ву куше!*»** Это меня растрогало».

«Всю ночь я изгонял из неё того мерзавца мещанина и всю свору похотливых городских, барышников, купчиков, ремесленников и воров... Я выскребал их зловонное семя! Прочь! Я устроил ей Чистилище на своём рваном матрасе, она прокусила мою единственную подушку, и пух снежным бураном крутился по комнате, наполнив стаканы и кастрюлю. Это было похоже на Рождество! Я хохотал, погребая её в мягкий сугроб. Но вдруг увидел, что сквозь снежинки на меня в упор, дико и зло, смотрят чужие глаза мещанина! И тогда я серебряной вилкой, которую ещё не успел отнести в ломбард, выковырнул эти карие яблоки, больше похожие на толстых головастика. Потом я принёс топор и рассек её на куски. Когда рубил, пух облепил девушку с головы до ног, и мне казалось, что я убиваю лебедя!».

В редком фонде библиотеки университета я раскопал стихотворный сборник поэта «Незабудки» и даже, щегольской портрет, где он похож на Дантеса. И я понял, почему меня так тянуло к нему...

Одна казанская газета так писала о нём: «Ласенер, поэт и убийца, был признан виновным в жестоких изнасилованиях и убийствах, которые он учинил в Суконной слободе. Только самоубийство спасло его от виселицы! При жизни его непрерываемая бравада, очевидный ум, абсолютный цинизм произвели вместе эффект уникального феномена, а для некоторых сделали его трагическим героем. Образованный, чётко выражающий свои мысли, обходительный и обаятельный, он выглядел интеллек-

* Мой ангел (фр.).

**Я хочу спать у вас (фр.).

туалом, полностью чуждый обществу и объявивший ему личную войну. Он презирал людей, называя их «человеческой падалью», и не боялся расплаты, повторяя: «Salut o guillotine!».

Для меня Ласенер представлял человека, в котором соединилось несоединимое: поэт и убийца. Это было что-то из области мистического ужаса, когда в полнолуние вдохновенное лицо белокурого француза вдруг искажает гримаса боли и с треском сквозь кожу проступает звериный оскал. Два лица – точнее, лицо и морда! Два человека – точнее, человек и зверь!

Гибельное это было место – Суконка. Ещё Шалапин отметил: «В это время мне было лет одиннадцать, и я уже имел несколько человек добрых товарищей. Странно, но все они до одного погибли в ранней юности. Главарь кружка, Женя Бирилов, умер от сифилиса будучи офицером, Иван Михайлов, сын сторожа в городской управе, сделался отчаянным и безнадёжным алкоголиком. Степан Орининский был кем-то убит на реке Казанке. Иван Добров, будучи сельским дьячком, вывалился пьяный из саней и замёрз. Странно».

О том, как жила Суконка до революции, я вычитал в одном местном журнале и понял, что место это действительно меченое, краплёное, как «рубашка» воровской колоды. Вырасти здесь и не обкуриться этим «фимиамом» было невозможно!

«Суконка в Казани была заселена ремесленниками, мастеровыми, извозчиками, прачками и ворами. Кража была в рабочих слободках обычным делом. Крали самовары, непросохшее бельё, снимали с окон стёкла, «рыбаки» выуживали из форточек удочками всё, вплоть до сумочек, баранок, колбас и сапог. Ребятишки на спор угоняли лошадей у самих конокрадов, а у городского – «селёдку» (форменную шашку)! Здесь, в многочисленных ночлежных домах (государств в государстве!), бесследно исчезали не только краденые вещи, но и сами ограбленные. Как-то из-за ветхости стали ломать один из

флигелей вблизи Шамовской клиники и нашли в подвале... девять скелетов!».

Мы жили на втором этаже простого деревянного дома, населённого с разных сторон пятью семьями. Единственное украшение дома – балкон с чугунными загогулинами, выкрашенный голубой краской. Его я про себя называл «балконом Джульетты», хотя жила там раздобревшая проститутка, настолько дебелая, что, когда она выходила с папирской на балкон, я с замиранием сердца ждал, когда же он с треском обрушится в палисадник! «Джульетта» грелась на солнышке и слушала «Битлов». Голоса их взмывали к ней снизу, из подвала, где жил первый казанский хиппи Алёшка. Кстати, неподалёку в то же время, что и я, проживал ныне ещё известный певец Альберт Асадуллин. Может быть, «Битлы» долетали и до него тоже.

Прямо под нами, в крохотном пристрое, проживала мать со взрослой дочерью. Но им повезло, у них был большой сад с яблонями. Я наблюдал из окна, как её дочь с подружкой веселятся в саду: обрывают яблоки, брызгаются из шланга. Даже теперь, стоит мне закрыть глаза, я вижу перед собой, как две красивые девушки в сарафанах – одна в голубом, другая в белом – освещённые, как на картинах импрессионистов, кружевным солнцем, трясут кривую китайку. Крохотные оранжевые яблочки прыгают, точно мячики пинг-понга, по всему саду, стучат по шиферной крыше. Девушки смеются-заливаются, и вдруг на них внезапно и с грохотом обрушивается слепой солнечный дождь! Я любовался своей соседкой и кажется, был в неё влюблён.

Как-то серым ноябрьским утром, когда сады уже стояли голые и неприятные, я услышал рыдания из их комнаты. Плач выматывал душу, он переходил то в завывание, то в шёпот. Пришла бабушка, сказала, что девушку убили, её нашли в камышах на озере Кабан.

Я с другом спустился во двор, у крыльца толпилась чёрная кучка людей.

Мы протиснулись и прошли в комнату. Она лежала вся синяя, пряди чёрных волос, казалось, ещё не обсохли. У её изголовья мерцали свечи. На подоконнике в углу в трёхлитровой банке светились те самые оранжевые китайки!

Когда я вышел, я не мог говорить. Странное чувство испытывал. Меня колотило, я чувствовал дикую ненависть к тем ублюдкам, и в голове рисовались картины жестокой расправы над ними. Но, уставшему и опустошённому от мести, мне, необъяснимо почему, вдруг захотелось поприсутствовать и даже принять участие в истязании несчастной девушки! Кажется, в тот момент я отпрянул от самого себя. Меня ужаснули эти мысли!

Потом уже соседи рассказывали, что она встречалась с каким-то Аликом с 1-й горы. Встречались целый год, вроде бы, дело даже шло к свадьбе. Как вдруг её убили. Затем целую зиму по Суконке ходили разговоры о том, что на берегу Кабана, в кустах за Архангельским кладбищем, Алик проиграл зекам свою девушку.

Как-то я оказался на задворках этого кладбища. Меня окружала высокая трава и тальник, поодаль лежала пустая бутылка и смятая пачка из-под сигарет, а прямо передо мной валялась дама «треф» и половинка порванной «шестерки». Глядя на даму, я вспомнил синее лицо своей соседки, имени которой не знал. Сколько же я там пробыл, и что со мной произошло? В моей голове, как в кинозале, прокрутилось то давнее убийство от начала до конца. Всё в мельчайших подробностях, как будто бы я сам присутствовал при этом. Боже!..

Суконки давно уже нет на карте города. На её месте большой пустырь, заросший гигантской коноплей и заваленный строительным мусором. Чудом уцелело лишь несколько «скворечников», прилепившихся к горе. Одиноко, как брошенная декорация какого-нибудь заезжего балагана, стоит свежеекра-

шенная «Победа», переименованная в Дом офицеров. На крыше, так же, как и в былые времена, всё ещё плывёт среди облаков гипсовая лира. Над Шамовским оврагом ссутулилась и стала как-то незаметнее из-за выстроенной рядом высотки клиника купца 1-й гильдии Якова Шамова.

Оказавшись здесь ядрёно-солнечным январским утром, я стал случайным свидетелем конца Суконной слободы. Пригнали технику, развели большие костры. Брёвна, как косточки, жалобно трещали, легко рассыпаясь, сверху летел песок и стёкла. Крепкие молодые с оскалом и задором работяги штурмом брали дом за домом, с недовольством обходя лишь маленький краснокирпичный домик, некогда светившийся аквариумами, с умоляющей надписью: «Здесь ещё живут!».

Свой рассказ о Суконке я хочу завершить словами Шаляпина, который после скандала в Парижской опере записал: «После спектакля мне сказали, что человек, которого я ударил, лежал несколько минут без памяти. Я поехал к нему и застал у него на квартире ещё несколько человек хористов. Высказав ему своё искреннее сожаление о происшедшем, я просил простить меня; он тоже искренно раскаялся в своей запальчивости. Плакали, обнимались, наконец пошли все вместе ужинать в ресторан и предали сей печальный инцидент забвению, как это всегда бывает в Суконной слободе. Суконку мы всюду возим с собою!».

Первая любовь

Это было ещё до всех моих похождений. Тогда я был другой, совсем другой. Когда я впервые увидел её – обалдел! От чистоты, которая исходила от неё, от тяжёлых и слегка приспущенных ресниц, от природной стыдливости, оттого, что она мгновенно краснела от солёных шуток и взрослых анекдотов. Ей-богу, думал, что я у неё первый! Уж кого-кого, но меня-то невозможно было провести. Так я думал...

На Новый год мы накупили деликатесов и вина, поставили ёлочку и протянули гирлянду. Я приготовил целый пакет петард. И вот пробило двенадцать, мы вышли подышать «новым» воздухом. Я прихватил шампанское и петарды, а она какую-то тетрадку. Я ещё спросил, что, впечатления записывать будем? Пошли на горку и там разрядили в небо всю артиллерию. Обратно идём, она попросила спички. Из еловых веточек сама костёр сложила и стала туда свою тетрадку крошить. Говорит, это она так со своей прошлой жизнью прощается. Стоит и как замороженная смотрит в костёр, что-то нашёптывая. Я туда ещё высыпал полную коробку бомбочек. Ну громыкнуло, будь здоров! Четвертинка полубогоревшего листка отлетела в сторонку, прямо мне под ноги; я не удержался и незаметно подобрал. Когда пришли домой, я, уединившись в клозете, прочёл: «Подъезд какого-то вонючего дома. Вдвоём и целый час. Гады!». «За магазином, кажется, продуктовым. На ящиках. Такие неудобные... С троими сразу. Козлы вонючие!». «У какого-то озера. Кругом лес – страшно! В машине, потом на ней, на переднем капоте. Потом на пеньке, потом на земле. Чуть не заболела – она же холодная!».

Вышел из сортира и тихонько смылся, чтобы только её не прибить. А ведь я к ней даже не прикоснулся, настолько робок был...

Мужчиной я стал поздно – в двадцать один! Дело было в походе по марийским лесам. На одной из стоянок мы все перепились и разругались. Я забрёл в чащу и шёл без остановки часа три, пока не наткнулся на какое-то карстовое озеро. Нарубил сухих веток, развёл костёр и хотел было уже разогреть тушёнку, как вдруг в глубине леса, там, где проходила просёлочная дорога, услышал визг мотора, а через мгновение – удар! Птицы в лесу разом смолкли, и наступила гробовая тишина.

Я взял топорик и пошёл на шум. За время пребывания на чистом воздухе нюх мой обострился, поэтому метров

за десять-пятнадцать, даже не видя машину из-за глухой хвои, я почувствовал пьянящий запах бензина. Под корабельной сосной, вся в коре и хвое, дымилась жёлтая «копейка». На капот плакала золотой смолой сосна. Водитель – молоденький парнишка уткнулся в руль. Рядом с ним скорчилась русая девчушка. Я осмотрел её. На голубой юбке образовалась лужица крови. Совершенно не оцарапанные ноги, только на коленке был порван чулок. Я не знаю, что на меня нашло, может быть,

я хотел удостовериться, жива ли она. Я потянул её за волосы и всё ждал, когда она вскрикнет. Я слышал, что трубы, они как резиновые. Я бы так не сказал – она была ещё тёплой, только вялой очень. Я её унёс в глубь леса, подальше от дороги. Быстро наломал мягких хвойных веток и соорудил ложе...

Ей-богу, она должна была ожить от моих ласк! Когда я вдруг стал разговаривать с ней, то сказал себе – стоп! Я понял, что схожу с ума. Представляете, я начал ревновать её к тому парню – мёртвую к мёртвому! И только тут я ощутил, как она холодна. Я отпрянул. Я хотел отнести девушку назад, но не мог прикоснуться к ней, к тому же оказалось, что рядом находится муравейник, и эти твари уже проложили дорожку к её приоткрытому рту. Я побежал прочь к своей палатке, но, видимо, сделав круг, вновь оказался у машины. Подойдя поближе, я нашёл в салоне портмоне парня. Денег оказалось негусто, всего десять рублей...

Я был убит горем. Может быть, вам покажется смешным, но у меня было такое чувство, что я потерял самого дорогого мне человека. Я открыл бутылку водки и махнул стакан. Но мысль о том, что где-то в полукилометре от костра лежит в муравейнике девушка, не давала опьянеть. Когда я отошёл отлить, то, глядя на свой конец, вдруг почувствовал к нему такую брезгливость, как к чему-то чужому, грязному, ну, не знаю...

Мне показалось, что именно оттуда в моё сердце вселилась какая-то беда, несчастье. Этот день меня здорово изменил. Уже лёжа в палатке, я беззвучно плакал по девушке из машины, но тут же в голове прокручивал всю «плёнку» произошедшего в десятый раз туда и обратно с тем, чтобы удостовериться, не оставил ли я за собой каких-либо улик. Утром, когда по дороге поедут колхозники, машину обязательно обнаружат. Девушку могут и не найти. Муравьи дело своё знают, думаю, что им нужна от силы неделя. Между прочим,

в муравейниках хоронили своих покойников древние славяне. Даже если её скелет всё же найдут в этих зарослях, то никто и не заподозрит об изнасиловании. В конце концов, зачем они поехали в лес? Могло же там это произойти? То, что она лежит далеко от машины, также можно объяснить. Просто девушка, выжившая благодаря ремню безопасности, пошла искать помощь, но споткнулась и упала... в муравейник. Я рассмеялся над своей нелепой фантазией и заснул.

Самое смешное, что покойница заразила меня. Спасибо, любовь моя, за сувенир! Я тебя никогда не забуду, ведь ты была моей первой женщиной...

– Ты болен Артур – головой...

– Это город сделал меня таким! О, если бы я только жил где-нибудь на Байкале, где лик Божий отражается в чистой воде, я бы... Возьми вот это, почитай, у тебя там времени навалом, целая Вечность! «Я боюсь города, я люблю пустынное море и лес. Моя душа мягка и податлива, и она всегда принимает образ того места, где живёт, образ того, что слышит она и видит. И то большая она становится, просторная и светлая, как вечернее небо над пустынным морем, то сжимается в комочек».

Вот, я сейчас комочек! Комочек дерьма...

Поближе к кладбищу

Вскоре Артур переехал с бабушкой к дальней родственнице в Старо-Татарскую слободу. Просевшая избушка, по крышу забрызганная грузовиками, понуро смотрела на татарский зират*. Когда по дороге проносилась машина, посуда в буфете, сколоченном пленным немцем, плясала.

В Ново-Татарской слободе текла своя жизнь. Когда-то здесь было одно огромное болото, изводившее всю Казань. Оно глушило лягушачьим кваканьем тонкий призыв муэдзина и мучило

* Кладбище (там.).

горожан комариными тучами. Сюда-то и согнал всех уцелевших татар Иван Грозный. И даже сегодня нет-нет да проглянут из-за осоки, будто припрятанный колчан со стрелами, пики камышей или вдруг надтреснет асфальт да пробьется наружу настырный болотный ключ...

Когда я вспоминаю это место, мне кажется, что там постоянно шёл грязный дождь, а если вдруг и выплывал из анналов памяти летний солнечный день, то обязательно весь обляпанный тополиным пухом и зловонный из-за фонтанирующего коллектора.

Что значит для меня Казань? Это моя болезнь. Это два города – один в голове, другой под ногами. И я наблюдал день за днём, как мой город становился мне чужим. «Ты родился в этом городе, ты живёшь в нём, умрёшь. Ты знаешь об этом городе всё до скончания света. Всё тебе намозолило глаза. Ты прошёл множество стадий: любопытства, привязанности, уважения, пассивного интереса, безразличия, отвержения. Когда живёшь всю жизнь в одном городе, тебя начинают интересовать облака». Это, кажется, Бродский.

Так вот, облака проплывают над Казанью, надменно не касаясь её. Похабный, грязный, отторгнутый Востоком город. Город-ханжа, опутанный предрасудками, как цепями. Не татарский и не русский. Никакой!

Казань старательно замазывает своё природное своеобразие, свою изюминку, как родинку на лице, толстым слоем проститутской пудры. Казань матом ругает Москву, но тут же копирует за ней всё подчистую: позы, жесты, ужимки, словечки... Казань любит примерить на себя столичную «интеллигентность», но в душе она – феодальная хабалка.

Выглядываю в окно и вижу: вот из тюремных ворот выводят на свободу зека. Он жмурится на вольное солнышко и бредёт, как сомнамбула, на запах пива. А вот ковыляет, переваливаясь, как бочонок, бородатая женщина – гер-

мафродит, поставившая служителей культа в тупик одним только вопросом: пускать её на мужскую половину мечети или нет?

Под вечер местная знаменитость – Мубарак, надев расписную вишнёвую феску и стёганный узбекский халат, выкатывает из сарая хромированный мопед неизвестной породы, украшенный дюжиной зеркал, цепочками, брелоками, лисьими хвостами и радиоприёмником. Когда он на нём проносился по улице, прохожих хватал столбняк. Нынче так не смотрят даже на «Харлей»!

Жил он в подвале скособоченной деревянной лачуги, напоминающей кирпичный сапог. Каморка его была устлана старыми коврами и задрапирована плюшевыми занавесками. Поэтому сюда было приятно нырять палящим июльским днём, когда мы покупали с ним пару бутылок «Салюта» и обедали, по обыкновению, яичницей с помидорами. Помню, тогда только что объявили «сухой закон», и в винном магазине поначалу выстраивалось две очереди: одна за водкой, вторая за «сухариками», где стояли в основном женщины. Пока не смели с прилавков города всё подчистую, здесь ещё можно было купить и венгерский вермут, и болгарское сухое.

Бабушка всё лето провела в лечебнице на Сеченова. В сентябре я снова забрал её. Она сильно отощала, стала какой-то неживой. Всё ходила, как тень, по комнатам и пугала меня. Я наливал ей немного коньяку, и она забывалась, но потом начинала тихо-тихо плакать. Когда она заболела, подруги-товарки быстро забыли про неё. А ведь было время, в рот смотрели и ждали, чтоб она о чём-нибудь попросила. Нет, даже не попросила, а приказала! Во времена всеобщего дефицита белесая палка сервелата была больше, чем просто колбаса. Это был жезл! И он был в руках моей бабушки.

Мне было больно смотреть, во что она теперь превратилась. Где её властный взгляд, которым она пригвождала своих просителей? Где царская осан-

ка? Всё улетучилось, как дорогое содержимое изящного флакона, который позабыли закрыть. И даже деньги, на которые молилась моя бабушка, сейчас не в силах были что-то изменить.

Редко-редко, раз в полгода, не чаще, к ней возвращался разум. Было такое ощущение, что её «разум» – это лёгкое облачко, порхающее где-то у головы. И тогда она начинала мурлыкать одну и

ту же песню Ободзинского – «Эти глаза напротив». Бабушка как ни в чём ни бывало ходила по комнатам и прибиралась: смахивала пыль, поливала цветы. Иногда рассказывала мне одно из семейных преданий. Потом, на середине рассказа, вдруг скороговоркой произносила какую-то детскую считалку, после чего показывала мне язык и вновь становилась сумасшедшей.

Вижу, будто иду тёмным лесом, выхожу в степь. И что? В степи высятся два холма, и вдруг они превращаются в женские титки, а между ними приподнимается чёрное лицо, вместо глаз на нём две луны, как бельма, а сам я стою как бы уже между ног женщины, передо мной – глубокий чёрный овраг, и меня всасывает туда невидимая сила – то ли ветер, то ли насос.

*Из эротических сновидений
Льва Толстого*

Часть II. В храме Эроса

Встреча на чердаке

Вчера перелистывал свои записные книжки и снова вспоминал Суконку: «Улицу моего детства сносят. Брёвнышки, как косточки, трещат, легко рассыпаясь. Я поднялся по стонущим ступеням, прошёл в свою спальню, так как уже кто-то снял все двери. Вот тут висели часы с боем, там стоял ламповый телевизор, лакированная кровать дедушки. Я срывал обои, слой за слоем, будто бы перелистывал старую книгу, и через семь «страниц» добрался до своих – жёлтых с тиснёным орнаментом восточного цветка! Отодрал кусок на память».

Потом я поставил опрокинутую тумбочку на хромые ножки, сверху установил шаткий табурет и полез на чердак. Сюда годами сносили всё, что было жаль выкинуть сразу. Слежавшаяся солдатская шинель, из которой кто-то пря-

мо на спине выкроил себе стельки. Разбухший от дождя дембельский чемодан с блондинкой-переводилкой и трухой внутри, которую оставили мыши от «тёплых» писем из дома. Бесстыдно обнажённые куклы и расщеплённые лыжи. Я мог в точности сказать, кому из жильцов дома по улице Тихомирнова, № 7, принадлежали эти вещи.

...А вот и бесформенный баул из плюшевых штор, которые висели у нас на каждой двери. Засовываю руку и выуживаю приплюснутую тубу со свитком бумаг. Это были мои акварели, нежные, приторные, как у молодого Гитлера. Я разглядывал их при свете зажигалки, опасно приближая её к краю картин. Рука дрожит, и тени на чердаке шевелятся. Вот ожил безголовый Дед Мороз, грязно-красное пальто на гвоздике заелозило, старая крыса, не сбегавшая с тонущего корабля моего дет-

ства, преданно посмотрела на меня из угла.

Я поджигал одну акварель за другой и бросал их в распахнутое чердачное оконце. Неужели эти акварели рисовал я? Плавные павлиньи линии расплывающихся берегов, весёлые, как светлячки, огоньки изб. Мой излюбленный жёлтый, почти мохнатый, цвет говорил о моей нежности. Мои краски были только сопли, которые я размазывал по пузырчатой бумаге...

Опустились ранние сумерки, трактор во дворе устало заглох, стоны отдираемых досок прекратились. И я мог бы сейчас сказать про себя самого: «На чердаке дома сидел незнакомец и тупо смотрел на свои чёрные руки». И этот незнакомец был я!

Ай да сукин сын!

После операции на грыжу с кражами я завязал. Не хочу зарекаться, но... пока лежал, потерял квалификацию, а в моём деле расслабляться никак нельзя. Но болезнь, я думаю, пошла мне на пользу – появилось время подумать, осмотреться. Только теперь до меня дошло, что имел в виду Лев Толстой, когда сказал, что болезнь для человека есть самое важное в жизни! Мудро...

Потом, когда выписался, стал рассказики короткие пописывать. Литература здорово отвлекает от дурных мыслей. Но, по сути, это та же самая водка, только бумажная. Напишешь чего-нибудь и тогда прямо пьянеешь, если получается с толком. Откинешься на спинку кресла и смеёшься как сумасшедший: «Ай да Артур! Ай да сукин сын!».

Но, увы, рассказы мои не печатали, а денег, которые я получал за газетные статьи, хватало лишь на дерьмовое казанское пиво. Зато, околачиваясь в особняке Союза писателей и посещая некоторые фуршеты, я завел полезные знакомства среди местных писателей. Забавно было притворяться среди них своим, поддакивать, наливать, прово-

жать до дому и слушать один и тот же треп про свою гениальность...

Интересно всё же было корчить из себя писателя. Главное в этом деле вовсе не книга, а разговоры о ней. Я знал, конечно, что у меня это не всерьёз и не надолго, но всё же игра затягивала. Забросишь пьяные ноги на стол и представляешь себя Хемингуэем!

В те старые добрые времена за писателями СССР был закреплён на самом берегу Балтийского моря в Дзинтари Дом творчества имени Райниса. Так вот, как-то меня в коридоре останавливает директор Литфонда и говорит:

– Слушай, нам надо направить кого-нибудь из пишущих на русском в Юрмалу на съезд молодых драматургов, а все, как назло, разъехались по деревням на Сабантуй! Выручай, а?

– Так я ж не драматург.

– Ничего, у тебя в запасе есть пара дней – напишешь что-нибудь...

Мне эта авантюра понравилась. Я, недолго думая, взял какую-то пьеску одного местного драматурга, переведённую на русский язык, чуть-чуть подправил, убрал «окопные» эпизоды и всё про войну, изменил имена героев, добавил эротики и крови, одним словом, осовременил и поехал.

Воровать плохо. Впрочем, Прометей тоже был вором. Недаром Ян Парандовский заметил, что в писателе есть что-то от браконьера, взломщика и разбойника. Он похищает, он крадёт! А какому ещё слову в русском языке нашлось столько поэтических синонимов? Тырить, тибрить, бондить, лямзить, экспроприировать, приватизировать, умыкнуть, увести, свистнуть, свинтить, слимонить, шпионерить, скоммунизить...

В слове «творчество» таится «вор», в «хищении» зреет восхищение, «искусство» начинается с искуса, а «красота» – постоянная, похоже, спутница глагола красть. Убедил?

Ради того, чтобы оттянуться в Прибалтике, можно было бы пойти и не на такое! Но был у меня ещё и свой инте-

рес. В Риге только что начал издаваться первый в Советском Союзе легальный эротический журнал «Эрос», главным редактором которого, был назначен Эрот Пталомеев, мой бывший соркурсник по Казанскому «универу». Мы с ним как-то случайно встретились в Москве, он, хвастая, показал мне разрозненные гранки будущего журнала, а так как порнушка из-за бугра в Советы практически не проникала, то цветной разворот с видом комсомолки, стыдливо отдающей честь, просто бросил меня в пот.

Удивляет то, каким образом Богу удалось заманить мужскую особь и попросту приковать к «бермудскому треугольнику» женщины?! Вот это для меня загадка! По сути, мы все её рабы, и наше освобождение – это болезнь и старость, но за эту свободу мы платим утратой интереса к самой жизни!

Тогда-то Эрот подкинул мне одну интересную идею.

– Слушай, старик, – сказал он, – мы сейчас работаем над составлением эротической библиотечки, будут у нас там и забавные рассказы, и документальные очерки. Короче, нужна книга, где были бы собраны наиболее интересные и шокирующие сексуальные преступления, которые случились в России, допустим, за прошедшее столетие. Как ты на это смотришь? Деньги дам хорошие, оплату командировочные, так как придётся поездить. Начнёшь с Прибалтики, закончишь в Сибири (шутка!), то есть должна быть полная картина. Скажем так, живописная галерея насильников. Ну как, по рукам?

Рижские похождения

Рига – городок с ноготок, будто ненастоящий, сотворённый в студии «Мосфильма». Башни похожи на гладкие бутылки «Рижского бальзама» (в середине 80-х он еще стоил десять рублей, но давали его уже по две бутылки в одни руки). Зато бутылочное пиво светилось (конечно же, янтарём) в витринах тихих, как музеи, супермаркетов, где их

выуживали за холодное горло из тесного рядка полуживые медлительные, бескровные, говорящие полущёпотом и пахнувшие «Лиго» латышки-продавщицы. В Казани в это время пиво отпускали только в обмен на пустую тару. Было и такое...

Номер у меня был самый роскошный: паркет с подогревом, кабинет с пишущей машинкой «Москва», которая вместе с графином, офортами и мебелью была внесена в опись. Балкон усыпан рыжими сосновыми иглами, за скрипящими мачтами сосен незлобно шумел Финский залив, и наглые белочки по утрам завтракали на моём столике остатками ужина. Писатели из России скучали в баре, отделанном под кубрик, и прихлёбывали, как горячий чай, коньяк «Аист». Но деньги быстро закончились, и они вновь вернулись к родной водке...

Меня удивляло то, что за сорок лет, пока советский каток, неторопливо урча, утюжил прибалтов, они так и остались народом, живущим где-то вне СССР. У нас со времён Отечественной всё ещё носили серое и угрюмое, а здесь – модные яркие курточки с разноцветными рюкзаками, усыпанными брелками. У нас плескали в щербатые стаканы палёную водку, а здесь тянули коктейли! Этот хрупкий мирок, похожий на вафельный торт с шоколадными башенками, очень страдал от соседства мешковатого русского медведя. Так, наверное, мучается в коммуналке семья старого интеллигента, притесняемая хабами пролетарского происхождения. Это было чисто эстетическим несоответствием!

Когда я впервые зашёл в рижское издательство, то был приятно удивлён обилием здесь всевозможных кафешек и баров. Редакторы общались со своими авторами за рюмкой или кружкой. Эрот Пталомеев, грузный и вальяжный, занимал маленький кабинет на шестнадцатом этаже, откуда в ясную погоду видны Хельсинки. Все стены до самого потолка были оклеены цветными пробами героинь журнала. Многие фото-

снимки представляли собой увеличенный орган, но обязательно со своим узнаваемым «лицом», будь то «причёска», татуировка или пирсинг. Это были настоящие художественные портреты! Вот она улыбается, грустит, вздыхает, что-то бормочет...

– Не утомляет тебя это? Целый день перед глазами...

– Каждый месяц мы обновляем экспозицию, старик. Бабы к нам в очередь записываются. Устали, бедняжки, за годы советской власти прятать своё добро. Если хочешь, я тебя проведу в фотостудию, посмотришь... Это как живое кино, у меня там за зеркальным стеклом столик стоит накрытый и диванчик. Поначалу мы, как только дорвались, стали фотографировать откровенную обнажёнку и только потом поняли, что при этом промежность здорово проигрывает. Она быстро приедается, что ли...

Мой прогноз с эротикой в России таков: классика плейбоевская здесь будет мало востребована, русских не возбуждают полные американские девушки с прилизанными пискьями, да и на африканскую экзотику особо любителей не найдётся. Нашим мужикам подавай своё, родное! Но через годик-другой им наскучит созерцать просто голую тёлку, и они потребуют извращений! Групповухи, грязи... Это естественный путь – по восходящей и закрученной спирали лестницы куда-то вверх. Ну, или вниз... Да, что там у тебя с книгой? Рассказывай...

– Думаю, через годик будет готова.

– Годик – это много, старик, максимум шесть месяцев. Сейчас мы с тобой подпишем договорчик, с недельку отдохни, а потом, я тебе покажу с чего начать. Есть у меня кое-какие соображения на этот счет. Да, я тебе уже и название для будущей книги подыскал: «Бешеный фаллос!». Здорово, да?

Целыми днями я пропадал в каком-нибудь погребе, где пиво подавали в глиняных кувшинах с горкой фигурно нарезанных ломтиков сыра. Напившись, плутал по узким средневековым улоч-

кам Риги и метил, как кобель, тёмные подворотни. Потом уезжал в Юрмалу, где шёл к полусонному морю, и там исправно вышагивал свою дистанцию, до маяка и обратно, на ходу ковыряясь в сыром песке в поисках янтарных слёз...

Но стопка бумаги всё ещё лежала на столе нетронутой, а из машинки торчал чистый лист, который она зажевала в первый же день моего приезда. День выдался солнечный и безветренный, я наполнил 300-граммовую латунную фляжку смолистым бальзамом и пошёл наугад. Заслышав вой приближающейся электрички, прибавил ходу и успел запрыгнуть в последний вагон. Ехать мне было всё равно куда. Электричка шла в сторону Тукумса...

Странный это был городок – чистенький, тихий и безлюдный. Впереди высился белый замок с башней, похожей на отточенную волнами скалу с гигантским гнездом-балконом, и водопад парадной лестницы из белого мрамора. Какой-то сутулый мужчина в чёрном полупальто, видимо, сторож, появился из-за колонн и свистнул, как скворец. Я прибавил шагу, чтобы спросить, как пройти к морю, но человек-скворец проскользнул в дверь и исчез в этом беззвучном замке. Слева в глубине парка я заметил круг пруда, по которому скользила лодка с парочкой. До них оставалось метров сто, но не успел я пройти и половину пути, как парень с девушкой причалили к берегу и исчезли за кустами. Я плюнул и пошёл дальше. На белой скамейке я увидел старушку, которая читала книгу. До неё мне было рукой подать, как вдруг она встала, захлопнула томик и пропала за ивой со стеклянными ветвями, стучащими на сквозняке, как бамбук. По её красной вязаной шапочке я проследил, куда она направилась. В глубине парка стоял маленький храм, больше похожий на семейный склеп. Старушка постучалась и тяжёлая дверь приоткрылась. В три прыжка я оказался у дверей храма и просунул носок ботинка в узкую щель,

готовую вот-вот сомкнуться. Внутри была ночь, сырая осенняя ночь. В тяжёлых портьерах шуршали церковные мыши, одинокая слабосильная свеча с трудом сдерживала натиск мрака и колебалась. У Пушкина есть строчка: «Свеча темно горит», вот именно так и было.

У алтаря, стояли двое: священник и старуха. Он держал её за руку и говорил, почему-то глядя не ей, а мне в глаза. Глаза его лучились, это были два серебристых луча, от которых становилось тепло сначала щекам, потом вот здесь, где сердце...

«Не делай этого: ни в голове, ни в жизни! Не испепеляй жизнь в себе. Сам я видел однажды дьявола. Он имел человеческий образ. И звук – потряскивание, как будто снимают синтетическую рубашку. Ощущение потрясающей гадливости».

Лучи вдруг преломились, витражи погасли и священник как будто бы изменился в лице – стал страшен.

«Я схватился за свой нательный крест из чертополоха, – продолжил он уже осипшим голосом, – как за корень смоковницы на краю пропасти и прокричал: «Чур меня! Чур меня!». Свеча вздрогнула и погасла. «А ты, – сказал священник, глядя на меня в упор, – поймай чёрную курицу, к которой не прикасался петух. Потом возьми нож и иди на перекрёсток дорог. Когда пробьёт полночь, очерти магический круг. Встав в середину, отсеки курице голову и подбрось тушку вверх. Иди туда, куда побегит курица, и там, где она будет копошиться, возьми пригоршню окровавленной земли. Посыпая ею себе голову, почти заклинание: «Я заклинаю тебя именем Аброфакса и приказываю тебе, чтобы ныне без промедления ты показался мне в сопровождении своего легиона и исполнил все мои поручения!».

Артур увидел, как по распятию ползают мыши, а фрагменты цветных витражей перепутаны и вместо божьего лика вставлена морда дьявола с собачьей головой!

«Тогда перед тобой появится дух безобразного вида, – сорвался на крик священник, – в собачьем полушубке. У него будет собачья голова с одним глазом. Требуй от него что хочешь! Всё исполнит».

Уже по приезде в Казань в православном храме на острове Свияжск я неожиданно для себя увидел фреску с изображением демона с собачьей головой и понял, что он ходит за мной по пятам, он ждёт указаний! Я спросил у монаха, кто там изображён. «Не демон, – мне ответили, – а святой Христофор, надевший собачью голову и таким образом спасающийся от прелюбодеяния и иных мирских соблазнов!».

Потом он вдруг появился во дворе моего дома в образе старой азиатской овчарки, выл по ночам под окнами, а стоило мне выйти, как тут же трусил ко мне, покорно поджав хвост.

Нет, я ни о чём его не просил. Я только ярко представлял и желал то, чего бесконечно хочу. Вы не поверите, вскоре это исполнялось. Я был восхищён! Я мог даже заказывать, как на десерт, что-нибудь особенное, например, голубоглазую школьницу, слегка пьяную после выпускного бала, или женщину в соку...

Был такой случай. На улице жара. Я сижу кропаю текст «Сексуальных преступлений». Денег нет, и поэтому я трезвее мёртвого. Тоска! А за окном у меня весёлая такая полянка, накрытая сенью цветущей липы, и одинокая лавочка, на которой вечно сидят старушки. И я подумал: согнать бы отсюда к чёрту старушек и посадить девушку в короткой красной юбочке, чтобы сидела она, положив ногу на ногу, и будила меня потихоньку. Не прошло и десяти минут, смотрю, к скамейке шествует длинноногая молодая женщина в короткой юбке бордового цвета и садится! Я глаз от неё оторвать не мог... Мало того, она умудрилась тут же потерять серёжку и целых полчаса шарил по траве-мураве, принимая такие обалденные позы, что я...

Прогулка в концлагерь

70

В номер гостиницы позвонил Эрот и сообщил, что на завтра он договорился с одним очень интересным человеком. Я должен был встретиться с бывшим охранником концлагеря Саласпилс Юзефом Марниексом и взять интервью. Переговоры с ним шли уже давно, предлагали даже деньги, но Марниекс избегал встреч с журналистами. И вдруг такая удача! Он сам позвонил в редакцию рижской газеты «СМ» с предложением встретиться. А так как Эрот был одновременно редактором этого издания, то он послал на задание меня вместе с фотографом.

— Заодно возьмёшь интервью у этого нацистского педофила для газеты, — наставлял меня Эрот, — но главная твоя задача — книга!

В девять утра мы уже были в городке Сунас, где и проживал Марниекс. Городок чем-то походил на Йошкар-Олу. Сосновый лес тянется и тянется, потом неожиданно расступается, и ты вдруг оказываешься на центральной площади с обязательным памятником Ленину, на лысине которого серой шапкой сидит вечный голубь. Кстати, если приглядеться, то голубь и сам очень похож на Ильича, такой же серый, лысый и в «пальто»! Здесь же стоит киоск «Союзпечати» и будка «Ремонт обуви» с еле уместающимся в ней усатым ассиром, чуть в сторонке заваливается набок павильон ожидания трёх курсирующих по городу стареньких «Икарусов». Мы отыскивали барак из потемневших от времени досок, что притаился за разросшимся ельником на улице Советской. Марниекс неторопливо, как бы в полусне, красил салатовой краской палисадник, где у него росли подсолнухи, отяжелевшие от крупных семечек, похожих на жирных мух. Так, не отрываясь от работы, он и вёл с нами разговор.

«Что ж.... было-было. И за это я уже отсидел. Спасибо, хоть на Сибирь посмотрел, а-то всё пугали-пугали, да не показывали...». Говорил он почти без акцента, только немного тянул «а». Ку-

рил обрезки папирос, которые вынимал из серебряного портсигара с портретом Сталина на крышке и вставлял в длинный мундштук. Покурив, он выколачивал мундштук о выпуклую голову вождя народов. Рядом на солнышке «отдыхал» его пластмассовый протез, сам же Марниекс сидел на автомобильной шине.

«Да, это моя жизнь, другой я не знаю.... Я ведь кроме Сунаса, Риги и Сибири больше нигде и не был. Можно сказать, что всю жизнь проработал охранником в концлагере, за что, между прочим, получаю пенсию. Ма-аленькую! И пусть вам не кажется, что творилось там что-то ужасное. Это далеко не так. Просто на время люди перестали быть людьми. Таковы были условия игры. Жестокой, но все же игры. Начальник лагеря Фельдрикс был совсем сумасшедшим. До войны его лечили электрошоком в Риге, да кажется, перелечили. Когда на него находило хорошее расположение духа, он отменял казни и устраивал для заключенных «вечера отдыха». Помню, под Рождество велел заказать в Риге три тысячи медовых пирожных и семь фляг можжевелевого спирта. Врать не стану. Сам вёз, видел. Но когда оказалось, что заключённых не три тысячи, а на одного человека больше, он вынул свой «Вальтер» и застрелил этого лишнего. Вот так близко, сам видел.

Раз в месяц устраивал «Олимпийские» игры. Круг в центре лагеря был эллипсом, как на стадионе. Ровно четыре-ста метров. Грузили камнем тяжёлые одноколёсные носилки, от каждого блока отбирали своего «спортсмена», давали старт и спускали собак. Время фиксировали и записывали в специальную тетрадь. Проигравших отдавали собакам, которых никогда не кормили. Зато победитель пил вместе с Фельдриксом шнапс и курил сигарету. Потом танком цепляли верхушку высоченной берёзы и пригибали её к земле. Привязывали победителя за торс и «пуляли», как из катапульты. Если оставался жив, то получал свободу. Хотя этого не случалось.

Ещё одна забава была у него. В «мёртвой зоне», заминированной со всех сторон, устанавливали круглый стол, который сервировали как в ресторане: белая скатёрка, ножи и вилки. Копчёный окорок, помидоры, печёная картошка, яблоки. Даже графин с водкой. Ну а до этого заключённых сажали на жёсткий пост, в течение недели давали только тухлую воду и хлебные корки. Поэтому, когда объявляли разговение, люди шли как загипнотизированные на этот окорок. Помню, был один у нас такой прыткий паренёк, кажется, из одесских евреев, так он два раза добирался до стола, чем очень злил Фельдрикса. Наконец тот приказал заминировать окорок!

Ещё один был у нас уникам, но того даже Фельдрикс не трогал, кормил хорошо, по праздникам водки наливал и всё друзьям показывал. Был он, кажется, болгарин, звали его Христо, ну а все называли – Христос. Пока Христо везли в лагерь, какой-то пьяный эсэсовец ударил его штык-ножом прямо в лоб. Лезвие вошло в голову, и нож заклинило, он так и торчал, как у единорога. Думали, помрёт, хотели сбросить в речку, а он глаза открыл и смеётся. Наверно, всё же мозги задело. Так и ходил по лагерю с ножом в башке и смеялся».

Наконец Марниекс сунул кисть в банку с керосином, оттер руки и ловко пристегнул к культе протез. Мы тут же на столике для домино распили бутылку водки, закусывая её тминным грубым хлебом и пучками дикого лука. Потом погрузились в редакционный «уазик» и направились в Саласпилс. От самого концлагеря ничего не осталось. Перед самым приходом Красной Армии все бараки сожгли.

«Да, я сжигал, – признался Марниекс. – Одни заколачивали двери, другие обливали бензином, а третьи поджигали. Быстро работали. За полчаса управились. Заключённые только из одного вырвались, но мы их огнёмётom пожгли. Уже вечер был, они как живые факелы по всей территории бегали».

Я гулял по беговой дорожке «стадиона», посыпанной кирпичной крошкой, и рассматривал абстрактные грубоватые фигуры монументов из потрескавшегося бетона. На том месте, где находился детский барак, люди оставляли шоколадки, печенье и яблоки. Марниекс позировал фотографу, принимая образ искренне кающегося эсэсовца, задумчиво курил и грустил.

Потом он повёл нас на небольшую полянку в берёзовой роще, в километре от лагеря. «Здесь стоял двухэтажный барак, – указал он на прямоугольную яму, заросшую кустами шиповника. – Нет, это не шиповник, это розы, правда, одичавшие. В сорок третьем здесь построили бордель для эсэсовцев. Белый домик с балконом, вокруг розы».

Марниекс сорвал маленький, красный, как кровь, цветок и понюхал. Глаза его как будто ожили, сквозь бесцветную водянистость проступила холодная синева.

«Когда привозили партию, всех заставляли раздеваться. Во-первых, избавляли от вшей, во-вторых, от золотых украшений. Специальный человек – начальник борделя отбирал хорошеньких девушек для работы. Тут их было – на любой вкус! Был один такой любитель нимфеток – пожилой майор Шпейк. Так специально для него набирали пятилетних девочек, скажем так, на один «трах». Утром уборщик выносил два-три окровавленных трупика и складывал в сторонке под розами. Мы не любили, когда он тут хозяйничал. Визг стоял пороссячий. Но можно сказать, что для остальных девушек попасть в бордель было просто за счастье. Здесь кормили как на убой. Поили вином, водкой. Сигареты хорошие. Банька тут же рядом стояла. Ну, конечно, если барышня надоедала, то...».

Часы показывали восемь вечера. Пики сосен проткнули приплюснутое окровавленное солнце. Бывший эсэсовец сосал пустой мундштук. Мне показалось, что он плачет, но это по-стариковски слезились глаза. «Может быть, я пока-

жусь вам сумасшедшим, – сказал он, глядя на меня, – но я часто приезжаю сюда. Хожу-брожу. Вспоминаю. Здесь прошла моя молодость, здесь я впервые узнал, что такое любовь. Она была немецкой еврейкой из барака №17-D. Что я мог сделать для неё? Как избавиться от этих мучений? Я накормил её шоколадом и задушил своим носком...».

Он замолк, запалил очередную сигарету и неожиданно сказал: «А Шпейка я встретил этим летом в Риге, он всю жизнь проработал председателем какого-то детского фонда. Ну, не сволочь, а?».

«Латышская семья»

Прогуливаясь по озябшей Риге, припудренной первым снежком, Артур увидел перед собой массивную дверь, покрытую лаком и увенчанную каким-то рыцарским гербом. Из любопытства он потянул за кованое кольцо, и дверь неожиданно легко поддалась. Над головой выдал коленце медный колокольчик. Глаза, ослеплённые снегом, не сразу разглядели в полумраке зала стеклянные столики и зеркала. Никакой музыки, никакого шума, только слышно, как вслед за официантом стучали друг о друга бамбуковые жалюзи и журчала струйка в бокал. Две девушки, к которым его подсадили, оказались при ближайшем рассмотрении молодой мамой с дочкой. Они пили золотистый вермут и клевали какие-то жёлтые кубики с зелёным горошком из прозрачных тарелок. Познакомились. И вот поздно вечером с бутылкой шампанского он оказался в уютной квартирке в Юрмале с приглушённым красным светом и бормотанием джаза из спальни. Ему дали мужской халат и улыбнулись, когда он вытащил из его кармана пачку презервативов.

Втайне он желал их обеих, мать и дочь. Пока жил у них, немного помогал по дому: починить, приколотить. Ночью становился любовником мамы и познавал тихий и холодный прибалтийский секс. Он спал с мамой, а девочка – с

плюшевым слоником. Утром Артур возвращался к себе в номер Дома творчества и до обеда стучал на машинке. Первая глава книги «Сексуальные преступления. Россия – XX век» была уже вчерне написана. Исключительно про изнасилования. Простые, рядовые, классические. Громкие, тихие, особо циничные и изуверские. Читать эту книгу значило подрывать свое психическое здоровье. Но от желающих сделать это через год не будет отбоя!

Билет в Казань был взят на 30 декабря. Выстояв очередь, купил две бутылки рижского бальзама, с рук приобрёл янтарные браслетики для сувениров. Когда электричка подъезжала к Юрмале, подумал: «Кажется, девочка влюбилась в меня. Движения её стали плавными и задумчивыми, глаза постоянно заплаканные и грустные».

В этот день я пришёл к ним раньше обычного. У неё были солёные щёки, будто бы она только что вышла из Финского залива.

Без принужденья, без усилия,
лишь с медленностью озорной
она раздвинула, как крылья,
свои коленки предо мной...

Не помню, как я превратился в зверя. Я слышал как бы со стороны рык и мычание! Она поначалу металась по кровати, брыкая ногами. Потом кричала, умоляла, плакала, отбивалась и наконец обвисла. Не знаю, ласкал я её или бил. Грань между тем и другим стёрлась. Я опомнился только, когда увидел свои красные от напряжения руки со вздувшимися пиявками вен. Её шея была нежной, как стебель...

Судорога пробежала по телу девочки, как дуновение ветерка, слова пошли пузырями на губах, холодно-голубые глаза вспыхнули и остекленели. Из них будто бы упорхнули две голубые бабочки, потыкались в тяжёлые шторы и, отыскав щель, выскочили в форточку прочь.

Она лежала вдавленная в синие подушки, разметав веером влажно-соломенные волосы, и будто бы плыла

на спине по глади моря. Я немного полюбовался ею. Потом я слушал, как хлопает на сквозняке уголок занавески, как мелко тикают часики на её руке, как оледеневшие ветки клёна стучатся в окно. Я ощущал, как медленно остывает тело, как оно становится далёким и чужим.

Я подошёл к зеркалу и только сейчас заметил, что на мне мокрая насквозь чёрная рубашка с погончиками, рукава которой были закатаны. Ей-богу, мне показалось, что я эсэсовец!

Я собирался не спеша. Знал, что мамочка придёт только в седьмом часу. Походив по комнатам, я совершенно забыл о том, что случилось. Девочка устала, девочка спит. Мне и самому захотелось прикорнуть с ней рядом. Собирая чемодан, я чуть было не окликнул её: «Девочка, а где мой миксер?».

В коридоре я свинтил своим швейцарским ножом колпачок выключателя. Снял клавишу и осторожно оголил проводок. Потом вернулся в комнату, взял осиротевшего слоника и отнёс девочке.

Проходя мимо книжной полки, тесно заставленной пыльными кирпичами в золотистых футлярах, я заметил две «протоптанные» дорожки в пыли, одна из которых шла к Мольеру, из которого я тут же выудил пачку латов и семьсот долларов, а другая – к Дж. Джойсу, тот был победнее – всего триста долларов. На этой же странице, как нарочно, глаза мои споткнулись о строку: «Это сделал не я. Это сделал кто-то другой!». Фраза насторожила. Я взмок и машинально взглянул вверх. В какой-то момент мне показалось, что Он следит за мной! Господи, почему я прячусь от тебя? Нет, я не боюсь тебя, знаю, ты отец любящий, но я не хочу, чтобы ты подсматривал за мной...

Удивительно, но маленькая латышка в моей памяти сохранилась не в образе девушки, вспоминая которую, я слышал голос, смех и слова с приятным плывущим акцентом. Она абстрагировалась в моём сердце в шлейф, шумящий травяным прибалтийским за-

пахом «Лиго», который робкими сквозняками пронизывает в вечерний час опрятные улицы Юрмалы. Мама же её представлялась мне всегда ярко вспыхнувшей петардой в тёмном коридоре своей квартиры. Я слышу вскрик и вижу огромные фиолетовые глаза с зелёными искрами.

Видимо, когда греческие поэты придумывали своего кентавра, они вкладывали в этот симбиоз коня и человека нечто большее, чем мы думаем. Они говорили о звере-человеке, о вечном его существовании. Но если вы всё ещё уповаете на своего Христа и говорите, что это он принёс нам свет и озарил темень нашего неосмысленного существования доброй сказкой о вечной жизни, так скажите мне, почему за два тысячелетия торжества Христова учения люди как были скотами, так ими и остались? Ничего ведь, абсолютно ничего не изменилось!

Приступы вождения

Два-три раза в год с ним случались острые приступы вождения. Когда просто хочешь женщину – это нормально. Это желание сопровождало его постоянно, но вот когда желаешь извращений и всё в тебе просто требует этого, испепеляя сердце, выматывая душу, паскудное желание целыми днями зудит над ухом, шепчет мерзости, наливает грязной кровью похотливый конец, тогда кажется, что эта штука сама начинает желать и требовать!

Стоило Артуру закрыть веки и провалиться в мягкий и тёплый сон, как тут же появлялся женский «треугольник», крупно-крупно, перед самыми глазами. В это время он превращался в охотника с собакой в одном лице. Эдакий кентавр, только вместо коня – собака. В нём предельно обострялся нюх и слух. Движения становились скупыми и отточенными. Сначала выбирал жертву, изучал её повадки, маршрут, местность, время выхода и возвращения, фиксировал быстроту реакции девушки, рас-

сеянна она или нет, составлял психологический портрет, затем выбирал оптимальное место, где можно было бы устроить засаду. На подготовку иногда уходила неделя.

Поздней осенью приступы могли совсем не появляться, зимой также было затишье, но вот в конце апреля или в мае, когда вдруг землю обжигало солнце, когда с окаменевшей земли сползали в Волгу ледники и трава жадными червями тянулась к солнцу, женщины, как будто бы сговорившись враз выпархивали из шубок. Это убивало Крадуба, он покачиваясь шёл по лесопосадкам и, как пьяный, хватался за влажные деревья. Но каждое дерево напомуноло ему женские ноги, вздёргнутые к небесам. В эти дни Артур шептал, многократно, как молитву:

Она идёт, прекрасная, хоть плачь,
Коленями расталкивая плащ.

Это состояние чем-то было похоже на запой, только вместо водки ему нужны были женщины, которые своими формами, впрочем, здорово напоминали бутылки.

Во время своих приступов Артур начинал вести хаотичные дневники, испещрённые мелким непонятным почерком вкось и вкривь, который он и сам вскоре переставал понимать. Это был даже не дневник, а история болезни, написанная рукой самого больного. Такие непонятные никому дневники вёл один француз по имени Жюль Френо. Они были написаны тайнописью, которую изобрёл сам Френо. Он являлся личным секретарём короля Людовика XIII, и поэтому учёные несколько столетий ломали голову над его рукописями, надеясь узнать что-нибудь про тайны французского двора. Дневники Френо удалось расшифровать лишь в 30-х годах прошлого столетия. Учёные с разочарованием обнаружили, что в записях ничего интересного для истории нет, а лишь одна ужасная скабрёзность (но разве это неинтересно?). Старый эсквайр тщательно записывал каждое своё

неприличное желание, сон и прелюбодеяние, при этом страшно стыдясь всего этого. Но он был уверен, что, записывая на бумаге свои похотливые мысли и любовные приключения, он тем самым освобождался от греха! Вот такая «френовина»!

«Не знаю, зачем я вёл свои дневники? Может быть, так появлялся хоть какой-то смысл в моей жизни. Когда совершаешь какой-то поступок, это может происходить как будто в отключке, тумане, забытьи... Но вот когда начинаешь описывать событие, то невольно приходится осмысливать всё, что произошло с тобой. Ты начинаешь искать объяснения, оправдания, подбирать точные слова. А тайнопись мне не нужна, потому что мне нечего стыдиться. Хотите почитать?».

Крадуб ясно отдавал себе отчёт, что сходит с ума. Дневник помогал ему наблюдать за своей болезнью как бы со стороны. Артур фиксировал за собой всё в мельчайших подробностях: мысли, ощущения, действия...

«Прекрасно понимаю, что маньяк — это я или, по крайней мере, им становлюсь. Это жутко! Представляете, я — маньяк, которого все боятся?! Но я ведь тоже боюсь его. Вчера не спалось, встал часа в два ночи и подошёл к зеркалу. Я стоял освещаемый лишь зелёным светом уличного фонаря, заросшего в липе, и смотрел на себя в упор. Вы мне не поверите, но та сволочь, улыбалась мне! И улыбка была нехорошая...»

Как-то тихим зимним вечером я перечитывал свои дневники и обратил внимание, что все мои девушки были какими-то безликими. Они сливались в один длинный ряд милашек без каких бы то ни было отличительных признаков, без родинок на носу, без ямочек на подбородке, без имён. Но время от времени я ярко вспоминал чей-то вкус и запах...

В то время я был увлечен Моэмом, и вот что я выписал себе из его записных книжек: «Нередко дух свободнее всего тогда, когда тело пресыщено на-

слаждением. Самое острое из чувственных наслаждений – это физическая любовь. Я знал мужчин, посвящавших ей всю жизнь; теперь это старики, но они считают, что жизнь свою прожили с толком».

И вправду, только изнурённый сексом я был способен делать что-то другое, думать о чём-то ином...

«Итак, то, что по праву становилось моим, после долгих там ухаживаний, комплиментов и подарков, – это одно. То, что я брал без спросу, воровал у кого-то и использовал грубо, без ласк и прелюдий, меня возбуждало гораздо больше. Это ни с чем не сравнимо! Я понимал, что та статная девушка, за которой я вёл наблюдение вот уже две недели, никогда не будет моей просто так. Я не её круга, я вне! Она меня не видит в упор, как пантера не видит змею. Она всегда будет шествовать мимо меня, и ей наплевать на мои стихи, мысли и интересы. Я для неё ноль! Но... Но там, на пустыре, заваленном коробками из-под сока, мятыми стаканчиками и всяким хламом, куда я уволок надменную с асфальтовой дорожки, она тут же утратила весь свой лоск и, как сопливая девчонка, расплакалась. Я рвал её на куски, впиваясь в нежное мясо. Кружевное бельё из дорогого бутика клочьями висело на осоке, голова билась о толстый ствол лопуха, репейник цеплялся за светлые, как лён, волосы, от которых пахло тёмным салоном иномарки, пожилым и опрятным Казановой, который битый месяц обхаживал её, но тщетно... Я опередил!

Когда я поднялся с земли, то увидел, что она вся покусана до крови, будто бы это бультерьер напал на девушку. Я даже трофей не смог забрать, так как в угаре разорвал бельё на маленькие кусочки. Я вытряхнул из сумочки всё содержимое; в кошельке было всего триста рублей, зато там лежали ключи от квартиры.

...Первым делом открыл бар, налил себе полный фужер коньяку и стал ходить с ним по комнатам, понемногу прихлёбывая. Деньги лежали в хлебнице –

очень остроумно. Пересчитал купюры, было что-то около десяти тысяч. Да, уходя, я прихватил фотографию девушки, где она стоит в короткой жёлтой юбке на фоне пальмы, а вдали серебрится море. Видно, что она была утомлена отдыхом и чрезмерно обласкана солнцем, морем и мужчинами. Последние исподтишка ласкали лишь глазами и трогали девичью попу своей носатой тенью.

Как-то на море я слышал краем уха, как один папаша такой же вот половозрелой девочки пытался наверстать упущенное и вложить в свою дочь нравственные ценности, которыми должна обладать каждая порядочная девушка, дабы ею не обладали все подряд. Он, лёжа на горячей морской гальке и демонстрируя конечный результат «грехопадения», то есть свой загорелый живот (6–7 месяц беременности), вкрадчиво читал басню Эзопа: «У одной женщины была глупая дочь, и мать молила богов наставить дочку на ум, а дочь всё это слышала. Вот однажды поехали они в деревню – погостить. Наутро мать осталась в хижине, а дочь вышла за ворота и увидела, как мужчина насилует ослицу. Спросила она: «Что ты делаешь?». А он в ответ: «На ум её наставляю». Вспомнила глупая, о чём мать молилась, и говорит: «Наставь и меня на ум!». Тот гордо отказывается: «От женщин, говорит, никогда не увидишь благодарности». А она ему: «Не говори так, добрый человек, мать моя так уж отблагодарит тебя и заплатит, сколько попросишь: она ведь только и мечтает, чтобы меня наставили на ум». Тот и лишил её невинности, а она, обрадовавшись, бежит к матери и кричит: «Ну, вот и наставили меня на ум!»

«Как же это случилось?» – спрашивает мать. Объясняет ей глупая: «Один мужчина вставил в меня одну штуку и двигал ею туда-сюда». Услышала мать такое и говорит: «Эх, дочка, знать, ты и того ума лишилась, какой был у тебя!».

Но, глядя в её равнодушные глаза,

которые, блуждая где-то далеко-далеко, вдруг спотыкались о грузного папу и тотчас грустно улыбались, я понял, что Эзоп немного припоздал.

Классификация «треугольников»

Может быть, это и глупость, но... Мне кажется, что сексуальный темперамент женщины можно распознать в... трамвае. Я долгое время был занят этим вопросом и могу с уверенностью сказать, что между тем, как садится женщина или, точнее, опускается на сиденье, и тем, как она занимается любовью, есть самая прямая связь! Надо только встать в самом конце вагона и понаблюдать.

Бывает, что сразу плюхаются с разгона, толком и не осмотревшись. А есть те, которые, наоборот, долго прицеливаются. Видел я и очень деликатных особ: эти садятся робко, на самый краешек. Полная им противоположность женщины, которые берут сиденье нахрапом: моё! Чаше попадают совершенно безынициативные, ну, серость и серость. А однажды я увидел девушку, которая садилась поёрзывая и, мне даже показалось, постанывая! Дерматин под ней прямо чуть не лопнул, трамвай мелко затрясся и побежал...

Не вдаваясь в подробности, перечислю поверхностно лишь с десяток-другой, с которыми мне доводилось сталкиваться в своей жизни. Итак, вот моя классификация:

- * Профессионалка (это солдат любви, она довела любовные утехы до автоматизма. Скучная ужас!).
- * Любительница (познает азы секса с жаром комсомолки).
- * Деловая (эта прямо-таки делает любовь).
- * Проблемная (грузит даже во время экстаза).
- * Летняя (живущая только с мая по сентябрь, потом тихо помирает).
- * Вечно голодная (мартовская киска).
- * «Широкая душа» (народная).
- * Эстетка (превращает половой акт

в спектакль, а свой треугольник, в произведение искусства посредством кружевного белья и интимной причёски).

- * Стыдливо-развратная (как монашка, которая, приступая к оральным ласкам, прикрывает ладошкой глаза).
- * Прозаичная (использует секс для зачатия очередной девочки).
- * Лиричная (изводит длинными прелюдиями).
- * Бешеная (только держись!).
- * Гуттаперчевая (упругая, будто из каучука. Не любовь, а гимнастика).
- * «Кисельные берега» (расхлябанная).
- * «Мужская радость» (преклоняется перед мужчинами. Сама никогда не испытывает оргазма, но любит доставлять его им).
- * Сумасшедшая (молчит, но явно задумала что-то неладное, может, ребёнка или звонок жене?).
- * Излучающая свет (ни разу не встречал, но говорят, такие водятся где-то на южном склоне горы Шамуши в Непале).
- * Изнасилованные (с печатью ужаса. Для них мужчина ассоциируются с болью и стыдом).
- * «Улыбка Моны Лизы» (таинственная, но не от мира сего).
- * «Домашняя тапочка» (верная своему одноному хозяину).
- * Простуженная (постоянно чихает и сморкается).
- * Неразбужденная (ждёт своего часа, напридумывает себе невесть что, однако зачастую это самое разочаровывает её).
- * Английская (холодная как декоративный камин в замке, ничем не растопишь, только дымом изойдёт!).
- * «Волосатая пасть женщины, пожирающая мужчину!» — фраза, которую я встретил у Жана Поля Сартра, но по моей классификации её можно отнести к бешеным, о которых я упоминал выше, хотя у Сартра это уже что-то философское.

И вы по-прежнему утверждаете, что все они одинаковы? Конечно, я могу

быть крайне субъективен. Вполне возможно, что какая-то одна из разновидностей не является самостоятельным видом, а происходит от другой, родственной по темпераменту и т.д. Иногда несколько характеристик могут уживаться вместе, но...

– Неужели тебе не интересно лицо?

– Лицо? Не знаю... «Треугольник» – это нечто самостоятельное. Он обрывает глазами, слезами, ногами, походкой, ухмылкой, словами, историями своих походов или монашескими скитаниями... Это всё следом, как бы золочёной рамой вокруг. Если хотите – это что-то большее, нежели просто орган, это суть, смысл... Мне кажется, что «треугольник» может быть божеством, обитающим в паху, потому что там тепло, туда устремлены все энергетические импульсы, исходящие от мужчины. Цветы, сладости, вино, деньги и даже жизнь... Всё это мужчина кладёт на алтарь любви. А что можно сказать про витиеватые слова признаний или стихов, будто бы взятых из молитвенника? В конце концов сам фаллос, как главная жертва или главный жрец этого храма...

– Но зачем же убивать?

– Вот здесь и проявляется самое парадоксальное в моих богослужениях Эросу. И думаю, что вам меня будет трудно понять и даже невозможно!

– Так что же?

– Я не убивал – я любил!

– Даже так?

– Совсем недавно по первому каналу прошла передача про одного московского маньяка, который лупил женщин битой по голове. Вот это и есть убийца, грубый насильник и примитивный душегуб, объявившийся в мегаполисе, будто бы вывалившийся, как из временной щели из какого-нибудь средневековья. Я же совсем другое... Я говорю вам вполне искренне, для меня девушки не являются людьми, это цветы – красивые, глупые и пустые. Звучит наивно, но яснее объяснить у меня не получится. И потом... Вам не кажется,

что мы разговариваем с вами на разных языках? Я на языке чувств, эмоций, а вы – на языке протокола?

– Вы могли бы вспомнить каждую из своих жертв?

– Каждый цветок запомнить невозможно, он не имеет индивидуальности. Другое дело, я могу вспомнить запах и вкус – они живут во мне. Я уверен, что только запах может нести интимную информацию о человеке. Конечно, духи на время вводят в заблуждение. Но... Очень кстати попался мне в руки Лермонтов, который превосходно смог объяснить то, что я не могу. Вот послушайте: «А ведь есть необъяснимое наслаждение в обладании молодой, едва распустившейся душой! Она как цветок, которого лучший аромат испаряется навстречу первому лучу солнца; его надо сорвать в эту минуту и, подышав им досыта, бросить на дороге: авось кто-нибудь поднимет! Я чувствую в себе эту ненасытную жадность, поглощающую всё, что встречается на пути; я смотрю на страдания и радости других как на пищу, поддерживающую мои душевные силы».

Повторяю, это цветы – красивые, глупые и пустые. У Хименеса есть на этот счёт:

Тебя, как розу,
Я растерзал, отыскивая душу,
И не нашёл!
Но всё вокруг, и море, и земля –
Всё налилось каким-то ароматом...

Ничего, если на вопросы я буду отвечать стихами?

Он шёл по тропинке вдоль железнодорожного полотна, вдруг горячий ветерок из-за поворота донёс до него запах женского тела, который он учуял как зверь сквозь едкую смолу шпал. Это был не удушливый пот переспелой женщины вперемешку с духами, а сладковатый еле уловимый запах спешащей на электричку по-утреннему свежей девушки. Он ярко представил её себе: худенькая, среднего росточка, белёсая с тощими косицами, на ней лёгкие брючки голубого цвета.

Ускорив шаг, он вскоре увидел её и поразился точности написанного им портрета. Он бежал, нет, он летел, впившись глазами в затылок девушки. До платформы оставалось метров двести...

Ожившие видения

Он лежал в своей избушке, загнанный сюда невесть откуда взявшимся посреди лета злым октябрьским дождём. «Погода похожа на внезапно вернувшуюся из командировки жену, в то время когда её муж...» – подумал и усмехнулся. Он слушал назойливое жужжание моторки на Волге и смотрел в потолок. В эти ранние из-за туч сумерки избушка на берегу русской реки стала напоминать буддийский храм любви, испещрённый рисунками и украшенный барельефами, живописующими блуд многорукого Шивы. Причудливые складки одеяла, растительный орнамент рваных обоев, сучки и углубления от неумелого рубанка на досках потолка, ворох одежды, брошенной на табурет, пятна на печной побелке от текущей крыши... – всё это кишело сценками совокупления, откровенными фрагментами увеличенных гениталий, змеиными клубками группового секса. Похоть наползала со всех сторон и кружила голову.

В своей книге «Сексуальные преступления», в лирических отступлениях автора, Крадуб пытался передать эти свои ощущения, но выше пошлости, увы, так и не поднялся. Весь половой акт легко раскладывался на примитивные схематичные движения и описание поз, но при этом хитрым образом, как газ из бокала, улетучивалось нечто, что сводило Артура с ума. Ему казалось, будто бы он падал долго-долго в тёплое и тёмное дуло, где липовый мёд, обволакивая, стягивал руки и ноги и подбирался к горлу. Его начинало мелко трясти и закручивать в образовавшую воронку. И становилось ясно, что это не дерево, а женское тело. Он летел и хохотал от счастья, и более ничего вокруг уже не существовало, ни

Бога, ни Сатаны, ни Солнца, ни Суконки, ни парня по имени Артур, а во весь небосвод, как тяжёлый бархатный занавес в театре, медленно раздвигались полные и влажные губы огромной Любви!

С некоторых пор он стал постоянно носить с собой в заплочной сумке холщовый мешочек с отверстием для носа, широкий скотч, кнопочный нож. Потом к этому набору «донжуана» прибавилась склянка с хлороформом. Но после того как Артур был остановлен милицейским патрулем для проверки документов, он стал носить вместо ножа тонкую отвёртку-крестовину. На баночке с хлороформом сделал надпись: «Ацетон». Вместо удавки, которую он поначалу изготовил из капронового шнура с двумя полированными палочками на концах, теперь носил пластиковую рулетку.

Для себя Крадуб вывел неписанные правила: во-первых, будь бесстрашен, раз решил, то действуй! Во-вторых, не торопи события, наблюдай и терпеливо собирай информацию. В-третьих, хорошо изучи местность, где охотишься, подготовь пути к отступлению. В-четвёртых, полагайся на собственную интуицию. В-пятых, будь готов к неожиданному повороту событий. И самое главное, будь разнообразен, не повторяйся, не имей почерка!

Пожалуй, последнее было самым трудным. Крадуб предпочитал русских и определенной комплекции. Выход оставался один – часто менять район охоты, по возможности переезжать в другие города. Кому тогда придёт в голову объединять все изнасилования, произошедшие в разных городах страны и даже зарубежья, в один уголовный процесс?

В конце 90-х одна из родственниц Артура открыла в Казани филиал питейной турфирмы «Поцелуев мост», и предложила ему, как журналисту, писать рекламные статьи в местные газеты и журналы. Потом поступил заказ на рекламный ролик, а вскоре и заманчивое предложение выехать за рубеж в со-

ставе телегруппы для съёмок рекламного фильма. Благодаря этому Крадуб получал возможность раздвинуть границы своих, как он их сам называл, «*похотьждений*». Артура интересовало всё: и местные проститутки, и сексуально озабоченные семейные пары, и экзотические виды извращений...

Кажется, это было в Фуджейре, а может... Только забрезжил рассвет, я вышел на балкон и увидел, как ультрамарин неба перетекает в Персидский залив и линия горизонта медленно рассеивается. Барашки волн становятся облаками, морские брызги — крупными дождевыми каплями из сочно-голубого неба, а белый самолёт в вышине — белым пароходом! И на всё это сверху тончайшим слоем ложится лёгкая позолота солнечных лучей.

Необъяснимый восторг переполнил моё сердце оттого, что я был свидетелем, как невидимая рука рисует этот божественный этюд! Картина, которая просуществовала всего-то минуту и сразу же запылала в огне рассвета...

Ведь и я меняюсь, пусть не так быстро, как небо, но... Как всё же в такие минуты мучительно хочется чистоты! Внутри тебя всё жаждет светлого, ясного, и тогда я начинаю верить, что та невидимая щедрая и гениальная рука может переписать и меня двумя-тремя взмахами кисти!

...После завершения моего секс-voja я понял, что тот мир делал меня добрее, я млеял там, потихоньку растворяясь, рассасываясь в не злом, хотя и всегда оголённом, солнце, в живых волнах и брызгах моря, в близком соседстве открытых для ласки смуглых тел, купальники которых, кажется, прямо на глазах, разъедала морская соль. И всё это было в таком красочном изобилии, навалено такими огромными живописными курганами, как боярская снедь на шведских столах дорогих отелей, что насыщенная одним только зрелищем душа блаженствовала и радовалась жизни.

Эти поездки не стали криминальным событием в моей жизни, но они удовлетворили меня чем-то другим...

Оказавшись в Казани, я вновь становился прежним. Это город, который растлевал меня. Град, где я деградировал! Это был мой Догвилль...

Как, оказывается, хорошо любить Казань издалека! Оттуда она предстает идиллическим городом, сверкающей по ночам «жемчужиной Востока»! Помойки её пахнут восточными благоуханиями и пряностями, россыпь тараканов похожа на оброненные украшения из яшмы, а ублюдки, смердящие на улицах, вполне сойдут за философов и художников, рассуждающих об античности и Аполлоне! Нет, всё же недаром на старинных картах Татарстан именуется не иначе как TARTAR!

Опуская подробности своего путешествия, я расскажу лишь об одной встрече...

Философ из Памфилии

Когда мы вошли в прохладу руин античного публичного дома, который почему-то был расположен прямо напротив храма Артемиды (того самого, который подпалил Герострат), глаза мужчин забежали туда-сюда — по углам! Зрачки стали какими-то плутоватыми, рыскающими по уголкам лабиринта с осколками напольных мозаик, в поисках хоть каких-то эротических видений.

— Говорят, что на входе был свой фейсконтроль, — неожиданно заговорил со мной сухонький турист в выцветших шортах, чем-то похожий на папу Карло.

— И кого тормозили? — поинтересовался я.

— По всей видимости, грязных мужланов. Ещё, наверное, отсеивали юнцов и пьяных... — Карло пытался выковырять кусочек из напольной мозаики, по всей видимости, когда-то изображавшей сценку совокупления.

— Как думаете, нас пустили бы?

— Меня как зрителя, а вас — ну, как активного участника, наверное. Вот, возьмите, — старик протянул мне с та-

ким трудом добытый кремовый кусочек мозаики и сказал: — В память о самых целомудренных временах, когда ещё не научились стыдиться своей наготы и близких отношений между полами, на первом месте среди которых — соитие! Кстати, абсолютно всё тогда было пристойно и благородно. Сейчас мы с вами пройдем в общественную уборную — древнеримскую! Я здесь уже бывал в позапрошлом году, поэтому не забудимся...

После образцовой уборной, нечистоты которой уносил прочь горный ручей, по дороге к келье матери Иисуса, прожившей вблизи Эфеса свои последние годы, мы и познакомились. Звали папу Карло дядя Фома. На родине, в России, он был учителем физкультуры, а здесь, в древней Памфилии, как он сам утверждал, в нём вдруг просыпался философ. «Всё дело в местности и солнце! — рассуждал он. — Но ещё, может быть, в вине. Когда я приезжаю сюда, а для меня это серьёзные деньги, то будто бы встречаюсь здесь со своим вторым телом и второй душой, которые обитают на побережье Эгейского моря в сарайчике пастуха, вместе с козами, жуют лепёшки пополам с золой, пьют домашнее вино и ждут меня. Я под этим солнцем совсем другой. Если бы сейчас меня встретил кто-нибудь из моих учеников, то просто бы не узнал и прошёл мимо. Только здесь я упиваюсь жизнью и познаю самого себя, обычно зажатого и какого-то опечаленного».

И я вспомнил вчерашнее своё ощущение, когда с головой ушёл в бирюзовые воды Эгейского моря. Я не раз пытался энергичными толчками достичь дна, усыпанного осколками амфор, но масса воды легко смещала меня и переворачивала сильной рукой. Я, оглушённый ударами волн, выбрался на пирс и распялся на горячей плите, потрясенный живой силой древнего моря. Казалось, что волны своими ударами выбивали из моей головы всякую дрянь и делали мои мысли чистыми. Я светлел на этой святой земле, я менялся!

Помните, я приводил слова Вадима Андреева, созвучные моим мыслям: «Я боюсь города, я люблю пустынное море и лес. Моя душа мягка и податлива, и всегда она принимает образ того места, где живёт, образ того, что слышит она и видит. И то большая она становится, просторная и светлая, как вечернее небо над пустынным морем, то сжимается в комочек». Как всё-таки это хорошо и верно сказано!

В сумраке кельи Богоматери было немногочисленно. В своих пёстрых майках да панاماх туристы смотрелись здесь нелепо. Между ними шуршала, как церковная мышь, монашка с пучком свечек в руках. Скромная и скорбная скульптурка Богоматери мерцала позолотой в углублении ниши. И вдруг благолепную тишину кельи расколол звон скачущей по каменному полу монеты, за которой — под юбки и брючины — устремился мой философ.

— Я постоянно думаю об Иисусе, — начал тихо дядя Фома, — кем он был? Сыном Божиим или... В прошлую свою поездку я купил в Помуккале вот эту интересную вещицу. — Он протянул мне монету, ловко состаренную фальшивомонетчиками кислотой, на которой был выгравирован профиль то ли Гомера, то ли кого-то еще. — Это Аполлоний Тианский, — подсказал мне дядя Фома. Дома я стал выяснять, кто же это такой, и вот что оказалось. Родился он в Каппадокии в 3 году до нашей эры и, кстати, прожил ровно сто лет! Известен был Аполлоний как философ, обновивший учение Пифагора, и почитался как чудотворец. Его пророчества, способность воскрешать мертвых, изгонять демонов, а также умение неожиданно исчезать и вновь появляться привели к тому, что перед ним стали преклоняться. После смерти он был обожествлён. И вот этот медальон остаётся на сегодняшний день единственным свидетельством существования человека, которого сравнивали с самим Христом! И я думаю, не является ли Аполлоний, так сказать, более Христом, нежели сам

Христос? И потом, а что если был еще кто-то вроде Аполлония?! Человек де-сять-то наберётся, а? Как вы думаете? И с чего это мы решили, что у Бога должен быть какой-то там Сын? Зачем? Сам он на грешную землю спуститься никак не мог, да? Боялся напугать, что ли? Или... Ну, хорошо, чёрт с ним, пусть Христос, но тогда почему один? Сыновей ведь могло быть и несколько, а ещё можно было бы отправить на землю и дочь! Нет, очень всё запутанно, надо с этим разбираться...

– Да к чёрту их всех! Пойдёмте-ка лучше купаться, а потом мы с вами выпьем раки!

– Очень похоже на микстуру, по мне так, лучше нашей водки нет.

– Обратили внимание, у них картофельная водка упрямо пишется через «т» – «votka»?

– Не учи! Это же варвары, которые ничего общего не имеют с античностью и с теми памятниками архитектуры, которых здесь в изобилии. Мы можем им сказать спасибо за то, что не вытоптали всё окончательно, а ведь могли...

Вообще неясно, откуда они пришли? Кто они такие? Национальности «турок», насколько мне известно, никогда не существовало. Были «тюрки», но это слишком обобщённое понятие. Да что там говорить! Взять современных итальянцев, наследников великих римлян, ну? Обмельчали дальше некуда, выродились! Вот вы, я вижу по лицу, какой-то восточной национальности...

– Там много всего намешано – хазары, ногайцы, запорожские казаки...

– Я думаю, дорогой, все мы сегодня по национальности – туристы. Вот вроде бы есть дом, есть стул, куда задницу притулить, но нет, тянет постоянно куда-то, как будто зовёт тебя кто-то. Вернись ко мне говорит.

– Странно всё-таки, – вдруг обронил философ, – что там, в келье, крепкая шнуровка из телячьей кожи, на которой висел мой Аполлоний, вдруг обрвалась...

В баре он быстро захмелел и признался мне:

– Во сне часто вижу один и тот же ландшафт и всегда в сумерках. Изгиб берега моря или большой южной реки. Огни редких курортных поселений. Полупустая гостиница или дом. Мои поздние возвращения на электричке домой. Я никогда наяву не видел этого пейзажа. Ещё мне запомнилось удивительное, какое-то одинокое одиночество в той стране. Если в вагоне уже сидит человек, то туда больше никто не входит. И тот едет себе один-одинёшенек. Такой вот сон...

– Что это может быть?

– Не знаю. Но я всегда ищу это место, и мне кажется, что я близок к разгадке. Я чувствую, это где-то рядом!

Философ отвернулся к морю и стал бросать в живую темень строчки, как камушки:

И тут я проснулся и вскрикнул: «Что, если Страна эта истинно Родина мне?
Не здесь ли любил я и умер, не здесь ли,
В зелёной и солнечной этой стране?».
И понял, что я заблудился навеки...

Не знаю, чего это он так расщедрился, но перед самым нашим прощанием, когда я уже затаскивал чемодан в микроавтобус, старик подозвал меня и, глядя в глаза, вложил в руку что-то холодное, потом крепко сжал мой кулак и сказал загадочное: «Это барометр доброты!».

Автобус нырнул в узкий коридор торговой улочки и, лавируя между столиками уличных кафе, запрудивших всю проезжую часть, вылетел на скоростную трассу.

Я разжал кулак – в нём лежала тяжёлая монета с ликом Аполлония Тианского, чем-то напоминающего Гомера.

Через час я уже был в Белеке. Искупавшись в бассейне, вернулся в номер, переоделся во всё свежее. Потом спустился в бар, взял себе коктейль и стал любоваться безобразием. Танцующие вибрировали, вытянувшись в длинный пёстрый японский змей, вокруг бассейна. Места за столиками были заняты. «Бой» притащил ещё один сто-

лик, и я занял его. Вскоре ко мне под- села женщина со взрослой дочерью. Мы разговорились. Кто вы, откуда? Отту- да, ну и хорошо. А у меня, чувствую, кураж к горлу подступает. Я ещё не пьяный, но уже куражный. Я им пока- зываю на своё окно и говорю – вон мой номер, заходите, у меня арбуз есть! Они переглядываются. Как так? У нас, мос- ковских бизнесменов, номер глядит на стройку, а у этого номер-люкс с видом на бассейн! Ну, я им намёками – так, мол и так, мой хозяин решил, что я могу хорошо отдохнуть после тяжёлой рабо- ты. И вот я здесь!

Напомню, что в России в те годы киллеры снимали одного клиента за другим, поэтому, кто я такой, вопросов у девушек не возникло. До того как они смылись, я успел показать им своего Аполлония и рассказать его историю. Дочка покрутила монетку в руках, и вдруг выдала: «Какой же это Аполло- ний? Здесь стоят две буквы – И.Х., что может означать только Иисус Христос!». Я поднёс монетку к фонарю, так и есть: И.Х., да и лицо из профиля поверну- лось в фас! Но ведь ещё в автобусе, как только мы отъехали от отеля, я вни- мательно рассмотрел монетку и прочёл рельефные буквы: APOLLONI!

Уже в номере, я, озадаченный, вновь достал из кармана монету и увидел, что на ней появилась новая надпись: APULEIUS (Апулей) и возник профилёк то ли юноши, то ли девушки. Подобные метаморфозы, особенно на пьяную го- лову, просто сводят с ума! А наутро на монетке опять красовался профиль... Аполлония! Что за чертовщина?

Дома, когда я обложился справоч- ной литературой, понял, что эти три персонажа встретились на моей моне- те-медальоне не случайно. Как было сказано в одной книге по истории ан- тичной литературы: «Апулей стал бо- лее знаменитым после того, как был обвинён в колдовстве и привлечён за это к суду. Несмотря на то, что ему уда- лось добиться освобождения, его про- должали обвинять в том, что он обла- дал сверхъестественной силой. Неко-

торые тогда сравнивали Апулея с Апол- лонием Тианским и Христом». Вот те раз...

На следующий день смотрю, ко мне всё время один мужик из москвичей приглядывается. Уж не голубой ли, на- чал я подозревать. А вечером в баре он ко мне подсел и предложил выпить. Выпив водки грамм по двести, мы взя- ли по бутылке пива и пошли к ночному морю.

– Вы, я слышал, из Казани? – инте- ресуется.

– Да, – отвечаю, – а откуда знаете?

– Жена с дочкой вчера с вами раз- говаривали.

– Ну да...

– Как у вас там криминальная об- становка?

– Да как везде... Стреляют!

– Ну, допустим, не везде... Были мы прошлым летом с семьёй на Байкале, там очень даже тихо. Деревня как жила, так и живёт, это мы только в городе так озлобились. Да, Москву теперь не уз- нать...

– У вас ко мне какое-то дело?

– Не знаю, правда, с чего начать... Я бизнесмен, только недавно раскру- тился, пошёл в гору, а тут один гад – «обрин»! Откуда они только наполнили. Извините, вы ведь не русский?

– Не беспокойтесь, я не «обрин».

– Была б моя воля, объявил бы я эту ё... «Обормотию» – суверенным го- сударством со всеми вытекающими от- сюда последствиями. – Бизнесмен, как каратист, рубанул ребром ладони воз- дух. – То есть все «обрины», которые находились бы на территории России на момент объявления суверенитета, автоматически стали бы считаться ино- странными гражданами и подлежали ре- патриации. Но я бы не стал их просто так отдавать, в горах же они русских в плену держат! За одного нашего давал бы трёх «обринов». Потом, когда бы всех вывезли в Россию, оградил рес- публику колючей проволокой в три ряда, пограничным рвом, ну, всё как полага- ется, чтобы граница была на замке. А потом бы по ночам истребителями без

опознавательных знаков утюжил этих мудаков до тех пор, пока горы там не сравнялись с долиной так, что топографические карты надо было бы новые выпускать! Вот...

– Мощно!

Он говорил с таким жаром, что было видно, накопело у мужика.

– Житья не стало. Во как! – Бизнесмен сдавил себе горло. – Я никакой не олигарх, связей у меня в Москве практически нет, сам-то я из Сарапула. Так вот... нужен мне человек, кто бы смог этого обрина...

– Сделать «погибоша»? – подсказал я.

– Вот именно – «погибоша аки обре», – привёл он древнерусскую поговорку, напоминающую о том, что когда-то на Руси существовал такой народ – обрины, которых извели подчитую...

Это было неожиданно и заманчиво. Я взял у него визитку и пообещал подумать с месяц. Поймите меня правильно, это было бы совершенно другое убийство, нежели те, которые я совершал в припадке страсти, ничего не осознавая. Качественно новый уровень!

Этот московский бизнесмен заставил меня задуматься. Смог бы я убить человека, который не сделал мне ничего дурного? Убить за деньги? Думаю, что вне всякого сомнения, но с одной лишь оговоркой. Для меня очень важно, кого именно я должен буду убить. Палачам, которые сидят на окладе в расстрельной тюрьме, перед исполнением приговора обязательно дают на ознакомление дело приговорённого к вышке. Однозначно я бы не стал стрелять в литераторов, профессуру, артистов, музыкантов. Но вполне в моём прицеле могли бы оказаться женщина или ребёнок.

Я знал одну сучку на Суконке, которая, пользуясь своим пузом и людской добротой, навела своего сожителя-громилу на квартиры. У того же был один излюбленный приёмчик – он сразу вспарывал хозяевам животы и толь-

ко потом спрашивал, где деньги лежат. А что касается так называемых детей, то видел я и таких, которые крысиной стаей носятся по берегам озера Кабан, выискивая пьяных. Обливают их бензином и поджигают, при этом кольями отпихивают беднягу от воды. Ну разве это грех – изъять нечто подобное из красивейшей и великолепнейшей штуки, под названием – жизнь?!

Наверное, я бы убивал красиво, изощрённо. Я бы обставил всё с умом, с фантазией. Так какой-нибудь охотник, большой поклонник Тургенева, обставляет свой выезд. Смакует, предвкушает. Чистит в который раз ружьё, гладит рукой холодный ствол и бросает нетерпеливый взгляд на светящиеся золотыми шляпками патроны. Я отброшу всё ненужное, всё, что может помешать – Пушкина, Лермонтова. Я возьму с собой Дантеса и Мартынова.

...Если бить в глаз, то пуля пробьёт заднюю стенку черепа и уйдёт, значит, меньше останется улики. Потом, можно будет поставить на его животе ножом подпись Демона. Это здорово озадачит следствие. Или, если это обрин, то расписаться на спине: «Генерал Ермолов»! Интересно, а если вбить рядом с его ногами в землю обыкновенные цветные карандаши – один красный, другой – чёрный – и привязать к ним его шнурки, а на грудь жертве поставить литровую банку с живой золотой рыбкой? Думаю, у следователя вообще мозги закипят!

Уже дома меня здорово окрылили слова Альберта Камю: «Мы всегда преувеличиваем важность жизни отдельного человека. Есть множество людей, не знающих, что делать с жизнью, – не так уж безнравственно лишить их её!». И ведь это так...

– Если бы ты внимательно читал его, то обязательно наткнулся и на другое: «Смертная казнь. Преступника убивают, потому что преступление истощает в человеке всю способность жить. Он всё прожил, раз он убил. Он может умереть. Убийство исчерпывает». Я видел в Сирии гору Касьюн, где произошло первое в истории человечества убий-

ство. Здесь сохранился грот, где Каин убил Авеля, и каменный зев, «вскрикнувший от такого злодеяния», ещё отпечаток руки архангела Гавриила, который не допустил, чтобы своды пещеры обрушились на убийцу, дабы тот продолжал жить и мучиться!

— Мы с тобой говорим о разных вещах. Я об уборке скотного двора, а ты о каком-то там библейском убийстве, о муках Раскольникова, который из тысячи способов красиво забрать у старухи-процентщицы деньги выбрал самый глупый — «русский». И только потому, что был тайным мазохистом и нуждался в постоянных терзаниях своей души. Ведь от десяти тысяч рублей, которые ему предлагал, кажется, Свидригайлов, он отказался! Видите ли, посчитал это бесчестьем. Значит, не в деньгах дело, а в голове...

— Не ты дал ему жизнь, и не тебе...

— Ну вот, начинается! Ты говоришь о человеке, а я имею в виду нечто, что никоим образом не подходит под понятие «человек», даже если оно и напоминает нам его своим обликом.

— Теория эта стара как мир и легла в основу многих жестоких идеологий, оправдывающих убийство...

— У меня есть глаза, и я прекрасно вижу, как природа, с одной стороны, удивительно щедра, а с другой — расточительна! Миллиард семян падают на землю с деревьев, но прорастают единицы. Так и люди... Сколько нас? И такое на земле разнообразие многообразий, что замолчи одно сердце — в ответ тут же забьются сотни других. Бог, как фельдмаршал, сидит на вершине и наблюдает за живописным перемещением разноцветных масс внизу: уланов, гренадёров и казаков. Вот вздымается клубок дыма, за ним ещё и ещё...

Глядь, уже малинового цвета становится меньше, а синего — больше! И какое ему дело, что в эту самую минуту там, внизу, оторвало голову какому-нибудь мальчишке-адъютанту с красивым именем Борис, или порубили старого казака Фрола, или капрала линейной пехоты весельчака Мишеля прошила

картечь. Все это частности, притом невидимые сверху! И только мы, из сочувствия к самим себе, вообразили, что наш фельдмаршал страдает, видите ли, милосердием, исходит жалостью. Какая чушь! Он выше сострадания, он выше добра и зла!

Откуда в этот самый момент у меня под рукой оказался Гайто Газданов? Мистика какая-то... «Нередко, возвращаясь домой после ночной работы по мёртвым парижским улицам, я подробно представлял себе убийство, всё, что ему предшествовало, все разговоры, оттенки интонаций, выражение глаз — и действующими лицами этих воображаемых диалогов могли оказаться мои случайные знакомые, или почему-либо запомнившиеся прохожие, или, наконец, я сам в роли убийцы! Глубоко во мне жила непонятная жажда убийства, полное презрение к чужой жизни, собственности и готовность к измене и разврату...».

...Помню, после возвращения из-за границы на меня навалилась тяжёлая хандра. Я так устал от пьянок, от впечатлений, от самого себя! Я лежал на полу, передо мной на столике стояла нераскупоренная бутылка водки, но мне не хотелось ползти на кухню за стаканом. Поэтому я лежал и тупо глядел на неё, любовался. Посреди ночи, собравшись с силами, я всё-таки выпил и полез на антресоли за своими трофеями. Иногда, когда становилось очень тоскливо, я любил раскладывать на полу пакетики с пёстрыми комочками, хранящими запахи своих бывших хозяек, имён которых я не знал. Всего пятьдесят девять пакетиков, и в каждой аккуратная записка с датой встречи и пикантными подробностями. Для себя я решил довести коллекцию до ста! Это не много и не мало, но зато круглое число. Должен же я поставить свой рекорд?! Они лежали передо мной и источали информацию. Как всё-таки согревали меня эти воспоминания! В голове хаотично оживали яркие картинки годичной или двухгодичной давности.

Пёстрая горка трофеев светилась на ковре эротическим светом, во всполохах которого мелькали образы и силуэты мною любимых женщин. Да-да, любимых! Наша ночь любви была так коротка, но...

Пока я разъезжал по границам, моя рукопись о сексуальных преступлениях покрылась толстой серой пылью. Позвонил серьёзный Эрот и напомнил, что у меня есть ещё максимум месяц, потом рукопись надо сдать. Он же дал мне наводку, о чём писать дальше. Из всех громких преступлений в России за прошлый век неохваченными у меня оставались еврейские погромы в Одессе и Кишинёве 1903 года, предреволюционный бардак и война 90-х в Приднестровье, когда из тюрем Молдавии были выпущены тысячи зеков, которые тут же ломанулись в Бендеры и Тирасполь насиловать и убивать.

Эпиграфом к предреволюционным событиям начала прошлого века я предполагал взять цитату из «Несвоевременных мыслей» Горького: «Вспомним, как добродушный русский народ вколачивал гвозди в черепа евреев Киева, Кишинёва и других городов, как в 1906 году рабочие Ивано-Вознесенска варили в котлах кипятка своих товарищей, бросая их живыми, как садически мучили тюремщики арестантов, как черносотенцы разрывали девушек-революционерок, забивая им колья в половые органы».

...После двухнедельной поездки в Молдову и на Украину, когда я уже дома расшифровывал записанное на диктофон, то заметил за собой одну странность. Время от времени прерывая писанину, я как бы в забытии часто выходил на кухню и мыл руки. Изнутри я тоже дезинфицировался – полулитровую бутылку спирта выдул за ночь. Такую грязь я с собой привёз оттуда! Месяц, наверное, приходил в себя. Гулял по берегу Казанки, несмотря на проливные дожди, которые зарядили в октябре. Мокрый, я становился похожим на слизняка, я ненавидел себя такого. В какой-то

момент мне показалось, что я хочу стать другим, но... Но этот чёртов город не давал мне шанса!

Плутарх писал об Алкивиаде: «В Спарте он не выходил из гимнасии, был непритязателен и угрюм, в Ионии – изнежен, сластолюбив, беспечен, во Фракии беспробудно пьянствовал, в Фессалии...». Интересно, а что бы делал Алкивиад в Казани?

Окно с красными шторами

Как бы тут не напутать с хронологией событий. В голове-то всё крутится одним пёстрым комом (прямо как в стиральной машине), и нет большой разницы, что какое-то событие произошло на день раньше того, а то вообще ещё не случилось, но, тем не менее, как-то незаметно, уже перебралось из области грёз в реально произошедшее... Чёртте что!

Так вот, забегая вперёд, скажу, что мне пришлось столкнуться с довольно странным следователем из прокуратуры по имени Херил. Подробнее о нём чуть позже. Нет, я не был под следствием, меня к нему просто прикрепили. Но дело сейчас не в том. Мы с ним очень сдружились. Выпивали, бродили в хорошую погоду по городу. И вот как-то я завёл его в Школьный переулок – самое моё любимое место в Казани. А стояла великолепная золотая осень, золото в голубом небе так и кружило! Не знаю, в связи с чем, но рассказал я ему и о медальоне-хамелеоне, который мне подарил Фома, и о Святом Христофоре – псеглавце, который потрафлял моим желаниям...

– Неужто исполняет все желания? – удивился он. – Прямо лампа Аладдина какая-то...

– Сам удивляюсь...

– Ну хорошо, давайте на спор! Вот что бы вам сейчас хотелось заполучить от этого вашего Христофора?

Я подумал и, оглядевшись вокруг, честно признался:

– Вот гуляешь здесь в одиночестве, а так, знаете ли, хочется, чтобы в ка-

ком-нибудь старом купеческом доме ждала тебя молодая курсистка. И чтоб непременно за красными шторами! Хочу, чтобы она выглядывала из окна и смотрела на улицу, ожидая меня. Только меня!

Он проспорил мне бутылку. Через неделю-другую я уже пил красное вино в тёплой и уютной комнате, которую снимала приезжая девчушка, в тупичке Школьного переулка. В первый день я больше щупал светящиеся красные шторы на единственном окне, чем её белое и молодое тело. Спасибо тебе, Христофор, уважил...

Она работала в МВД, это на Чёрном озере. Полезное знакомство.

— Мне кажется, что я тебя уже где-то видел. Ты казанская? — спросил я её, запуская пятерню в кофточку.

— Я из Челнов... Теперь вот перебралась в Казань. Работа у меня очень важная — я шифрую секретные документы. Только об этом никому! Вот вчера зашифровала депешу одного полковника другому полковнику. Дословно: «Подваливай к девяти. Коньяк, жратву и девочек обещаю. Но будь трезв, как стекло. Это приказ!».

Мы с ней встречались всю зиму, а в конце мая, подсчитав деньги, взяли да и махнули на Кавказ. Билеты были куплены до Адлера, но вдруг, увидев перед собой вывеску на маленьком вокзале, окружённом пальмами, — «Лоо», как сумасшедшие похватили чемоданы и вывалились на перрон.

— Почему ты решил выйти в Лоо? — отдышавшись, поинтересовалась она.

— Ну, иногда красивые звуки способны спровоцировать на сумасшедшие поступки, — прояснил я, но была и другая причина — ностальгическая. Я здесь отдыхал с мамой, когда мне было лет семь...

По утрам меня с шифровальщицей будили колокольчики коров, которые жевали дикие абрикосы за окном. Динь-динь! И тогда мне снились какие-то абстрактные китайские сны. Утреннее солнце припекало, и вдруг из самого нутра тучи, вспоровшей своё брюхо об ост-

риё кипариса, обрушивался ливень с молниями. Потом мы жарили яичницу с помидорами, запивали её домашним вином, затем, надув сладким перегаром матрац, брели к морю. Море это удивительное животное! Иногда у него бывает плохое настроение, и тогда оно покрывается мусором и противными волнами, иногда оно скучает и тогда зарастает студнем медуз, но чаще играет, не знает, куда деть свою молодецкую силу. Обилие полуобнажённых тел и разнообразие поз поначалу потрясает, потом начинает утомлять.

Моя девушка к тому времени была мною досконально изучена вдоль и поперёк. И я уже подумывал, что нам пора бы расстаться, как вдруг маленький опёнок любви стал к моему ужасу прорастать внутри меня. Такие поганки легко вспарывали асфальт, а тут слабое сердце сорокалетнего мужчины, измордованное похотью!

В Казани шифровальщица перебралась к Артуру. С первых же дней её начала манить таинственная комната, куда он никогда не приглашал и где время от времени внезапно исчезал. Бывало, сидят вдвоём, в тёплом кругу свечи, пьют терпкое вино, он что-то ей вкрадчиво шепчет, такой родной и милый человек, как вдруг ни с того ни с сего, совершенно без повода, мгновенно становится чужим и далёким. Он срывается с кресла и исчезает! Такое ощущение, что там его ожидает какое-то прожорливое животное. Чушь какая-то...

Что и говорить, когда она осталась одна в его квартире, то сразу же нырнула туда, затаив дыхание и покрывшись испариной. «Животным» оказался ноутбук, пол в комнате был устлан листочками, листиками, листьями... В уголке толпились рядком пустые пивные банки, на подоконнике стоял конусный кактус, колючки которого использовались для нанизывания бычков. Она включила компьютер, определила название папки, с которой работал Артур, и скачала всё на дискетку...

Увядающая сирень Суконки

Редакция журнала заказала мне интервью с одним модным казанским дизайнером. Дизайн-студия находилась неподалёку от обширного пустыря, который когда-то был моей Суконкой. Все эти годы сюда то и дело свозили строительный мусор, и пустырь покрылся курганами. Гигантская конопля загромодила всё вокруг. Тёплый июльский ветер, настоящий на этой траве, накатил на меня ностальгическую волну, и перед моими глазами живо пронеслись весёлые картинки далёкого детства. Я вошёл в помещение дизайн-студии в несколько лирическом настроении и увидел безмолвные ряды кульманов и одинокий компьютер, за которым сидела смазливая девчушка, изнывающая от жары.

— Хотите, я принесу мороженое? — от души предложил я. В ответ поймал недовольный взгляд. — Ну, тогда горячего чаю, хотите? — пытался шутить я. — С пирожками с пылу-жару... — Но в ответ тишина. Тогда я решил перейти к делу: — Директор будет?

— Созваниваться надо... — наконец проснулась эта сучка.

— Ну, шёл мимо, думаю, дай, взгляну, может, что и выгорит...

— Не выгорело... — она нервно перезагрузила компьютер. И вдруг ни с того ни с сего выдала: — Я прошу, мужчина, не приставайте ко мне. У меня много работы, а вы все меня достали уже...

— Ну что ж, дура, насилу мил не будешь! — хлопнул я себя по коленям и направился к дверям.

— Кретин! — понеслось вслед.

Никакой злобы я на неё не затаил, просто было неприятно вываливаться вот таким образом из тёплого нутра своего детства, которое, по сути, и уничтожило вот такое проектное бюро или дизайн-студия. Я имею в виду снесённые дома по улице Тихомирнова. И к вечеру я уже позабыл об этой ненор-

мальной, правда, на удивление симпатичной сучке. Но прошло несколько недель, и как-то, прогуливаясь по Шамовской горе, я вдруг увидел её. Она шла и ела мороженое. За ней зигзагами волочилась тяжёлая бархатная бабочка. На сучке была короткая юбка лимонного цвета и тёмно-вишнёвая кофточка. В полуденный зной место это было совершенно безлюдное, лишь впереди брела старушка в тёплом пальто, глядя на которую, я стал обливаться потом. План родился моментально. Точнее, я даже ничего и не думал, не замышлял, просто дал волю своему телу. Срезав путь, я через минуту был уже за спиной девушки. Она, оказывается, была в наушниках. В том месте, где тропинка подходила к самому краю оврага, я ухватил её за шею и набросил сверху пакет. Она ойкнула и... присела! Я ударил по голове и спихнул её в балку, всю замусоренную бутылками и пластиковыми стаканчиками. Она несколько раз перевернулась и налетела на трубу...

Я подумал, надо же, какие контрасты порой поджидают человека. Вот только что девушка уплетала мороженое, а теперь... Я спустился к ней и вдруг прямо перед собой увидел старый, отцветший куст сирени, на котором чудом вспыхнула только одна-единственная запоздавшая пирамидка лиловой сирени. Это было чудо...

— И ты не боялся, что тебя поймут?

— Если бы боялся, то быстро поймали бы... Как говорил Ласенер: «Salut o guillotine!». Я доверял своим природным инстинктам. Я стал волком, который питался девушками. Мой организм раз в месяц требовал свою эротическую «дозу», а иначе наступала ломка...

— Тебе несказанно везло...

— В какой-то момент я ясно почувствовал, будто бы кто-то мне помогает. Он стоял за моей спиной, и я чувствовал его горячее дыхание...

Увлекательное чтение

Осенью в нашей редакции начались пертурбации, и я был переведён на должность заведующего отделом правового воспитания. Для меня это место открывало многие двери спецхранов МВД республики. «Через месяц плодотворной работы, – размышлял я, – и публикации позитивных материалов, двух-трёх пьянок со следователями и я стану своим! Кроме того, и моя шифровальщица ведь работала под боком...».

Всё так и вышло, вскоре я уже мог затребовать практически любое интересующее меня уголовное дело, поприсутствовать на следственном эксперименте, на допросе, войти в контакт с потерпевшими или подозреваемыми, а также ознакомиться с вещдоками. Меня курировал и всячески помогал мне старший следователь по особо важным делам Херил Гальба, тот самый, который проиграл мне коньяк. Всю осень я пропадаю в сером здании на Чёрном озере, бродил по узким коридорам и чугунным лестницам, которые часто сотрясал конвой, ведя очередного вора или убийцу на допрос. В тесных комнатухах-сотах, где сидели скучные следователи, все на одно лицо, стояли пришурпленные к полу табуреты, а на стенах у многих ещё висели засиженные мухами Дзержинские. В колодце мрачного двора стояли арестованные иномарки с прострелянными боками и пятнами крови в салоне, на машины с завистью поглядывали следователи и ожидали очередного «аукциона».

Мне выделили угловую келью со столом в полкомнаты, большим графином жёлтой воды и пустой бутылкой из-под водки, аккуратно завернутой в газетку, которая каталась в ящике стола. Здесь, завалившись уголовными делами, я писал свою книгу, но главное, у меня появилась возможность контролировать, по какому пути идёт расследование серии казанских изнасилований, которые... Знали бы вы, с какой жадностью я читал свои дела!

Моё уголовное дело рассыпалось,

как ртуть, на несколько шариков. Первых двух следователей, которые начинали вести дело, сняли и назначили третьего – молодого сопляка после академии. Этот оказался ретивым чувашем, он сразу же отличился – поймал в каждом районе Казани, где проходили изнасилования, по одному извращенцу и отпрапортовал наверх. Его повысили. Тогда я подкинул им ещё одно изнасилование со «старым» почерком. Его понизили. Так я забавлялся...

Признаться, мне доставляло удовольствие читать про свои похождения: подробные описания, фотоснимки, показания потерпевших, вещдоки в маленьких пакетиках, будь то кусочек окровавленной ткани или пучок волос. Оказывалось, не надо никаких витиеватых и красочных образов, достаточен всего лишь скупой язык документа, чтобы всколыхнуть и оживить картину произошедшего, а вместе с ней и те чувства, которые испытывали я и моя жертва!

Забавным мне показалось то, что почти все девушки начинали откровенно врать, когда речь заходила о похищенных у них деньгах и украшениях, а одна стерва упорно утверждала, что это с ней сотворил её парень. А я-то видел, как они поссорились на берегу Казанки, как она отвесила ему пощёчину...

В какой-то момент мне даже показалось, что мы в соавторстве со следователем пишем один большой криминальный роман. Только я знаю гораздо больше, и мог бы закончить вещь за одну ночь, а этот бездарь за последний месяц не накатал ни строчки.

Рукопись «Сексуальных преступлений», хаотично обрастая интересными находками, опухала прямо на глазах. Теперь меня не интересовала обыденная уголовщина, я искал чего-то необычного, из ряда вон... И как-то не удержался и вставил-таки в текст кое-что из своих ярких «проделок», расписав их детально и живописно. Конечно, я прикрывался неизвестным маньяком и поместил это в главу «Нераскрытое и закрытое» с тайной надеждой и даже уверенностью, что так всё и будет!

В книге Крадуба была только правда, одна голая правда, но она была безобразна! Даже сам Артур, засиживаясь над уголовными делами до позднего вечера, с радостью вырывался на свежий воздух, подавленный грязью необузданного человеческого порока. Он подолгу стоял у фонтана, и его обдавало волной свежести и чистоты. Но невидимая демоническая сила побуждала к писанию и требовала завершения рукописи. Он, как раб, плёлся домой и вновь углублялся в похотливые страницы рукописи. «Бродят в человеке мутные соки, – думал он, – сладко кружат голову, и тогда глаза его полусонные вдруг вспыхивают по-змеиному и из зрачков жало вылезает!».

Единственный раз дрогнула рука Артура, когда он вычитывал гранки с главой об истязании великих княгинь Романовых в доме Ипатьева. Один голос внутри него успокаивал: «Оставь! Это хорошо». Другой же умолял: «Сожги! Мерзко!». И поначалу он всё же изъясил из папки эти листы и отложил, но потом, вспомнив о них, отыскал и стал править.

Из показаний Хенрика Таапы:

«Я, ещё стрелок Карлос Хаарде вместе с Вальмаром и Алексисом поставлены у дверей строго стеречь и стрелять, если будет бежать русский царь. Арестованным был приказ, что надо разделиться на мужскую половину и женщин. Но тов. Юра (Юровский. – *Прим. авт.*) приказал вести царевну со служанкой к мужчинам. Он нам сказал, чтоб вели дочерей царя в комнату, там ночью выполняли приговор. Когда она заполнилась дымом, мы вышли. Девушек закрыли на замок. Поставили охрану. Когда пришли тов. Юра, я открыл. Девушки все спали. Потом им давали наштабь. Их не начали стрелять в тот день, оставили на потом. Я видел, как их несли на руках в зал, где пили командиры и люди в штатском. Потом слышал крики женщин и кто-то стрелял. Но их не убили, с ними бесплатно спали те, кто хотел из командиров, зато солдаты

платили пайком. Мы стояли в охране дома и исполняли революционный долг».

Из показаний Алекса Суви:

«Я не стрелял в царя, я почти что всегда стоял в коридоре. Царевны лежали на полу в обмороке. Они плохо перенесли смерть своих родителей. Их выпить заставили спирт. Потом Хенрик Таапа ушёл с одной дочерью царя. Я не видел их, а когда зашёл его звать, увидел её совсем рядом и без одежд. На рту текла кровь, не было зубов. Хенрик сказал, что она его кусала».

Из показаний Степана Меркулова, исполнявшего обязанности старшего конвоира:

«Княжны не были расстреляны в ту же ночь, что и остальные. Но девушки всё слышали из соседней комнаты и находились в полуобморочном состоянии. Я не различал их по именам, мне всё едино. Одна постоянно плакала, другая карандашиком чертила какие-то палочки на обоях, третья просто спала, постоянно. Её трясли за плечи, били по щекам, но без толку. Царских дочек расстреляли приблизительно через неделю две. А до этого их насиловали. А что? Сколько девочек из обнищавших рабочих и крестьян Романовы отправили на панель? Вот то-то и оно!

Среди солдат дом Ипатьева называли «царским борделем». К нему шли со всего города, даже из соседних приезжали. Пришлось даже назначить в некотором роде распределителя. Разбежкин его фамилия была. Со своих-то мы ничего не брали, а вот с «чужих» куревом, самогонкой, хлебом. Многие сами не участвовали, просто шли поглазеть.

В главной большой зале княжны ходили в чём мать родила. Бельё-то их разбирали на подарки комиссаровым женам да полюбовницам. В один день сюда привезли даже фотографа, но он как узнал, для чего, сразу отказался. Я уже говорил, поначалу в доме кутежи устраивали высшие чины, потом стали ходить простые красноармейцы да разный сброд. Так в одну из ночей матро-

сы устроили здесь пьяный дебош. Думаю, девушки к этому времени уже посходили с ума. Их волоком, прямо за волосы, потащили во двор, а одну, ту, что вцепилась в железную спинку кровати, выкинули в окно вместе с этой самой кроватью! Я эту кровать потом починил и домой забрал. Просто матросня озверела от несправедливости и обещаний! На царя был большой у них зуб! Ну, поставили девочек у забора и стали метать в них ножи. Княжны молчали, только ноги их уже не держали...

Думаю, самое лучшее для них была смерть. Дети же почти! У меня у самого дочь растёт. Я не выдержал и быстро из маузера добил. Матросы ещё на меня набросились: что ж ты, мол, сукин сын, делаешь? А я им: «Хватит забавляться! Идите самогон пить».

Мне больше всего ту служанку было жаль, она на сестру мою похожа была, такая же дурёха, и дохтура ихнего, он мне порошка дал, когда зуб разболелся. Спасибо ему. Вот зачем их шлёпнули вместе с царём, понять не могу».

Это не был допрос, бывшего конвоира ни в чём не обвиняли, сам Меркулов был в почёте до самой смерти и имел правительственные награды, однако язык его показаний был какой-то явно виноватый, оправдывающийся. Значит, всё-таки совесть?

Следователь Херил

Когда в первый день нашего знакомства он встретил меня в проходной, по дороге в кабинет я называл его Кириллом.

– Не Кирилл, – мягко поправил меня следователь, – а Херил! Был такой древнегреческий поэт с острова Самос.

Целый час он читал мне тяжеловесные стихи своего Херила, водил на экскурсию по гулкому старинному зданию на Чёрном озере, оживляясь во время рассказа так, что становился похожим на пьяного:

– Вот, это всё была кондитерская Лопухина! Целая фабрика по производству мармелада, шоколада и ландри-

нок. Здесь до сих пор время от времени, по коридорам проносится такой сладчайший ветерок, что прямо... Ты куришь, да? Э-э, жаль... Тогда ты не сможешь почувствовать. Здесь, внизу, были пекарни, вафельницы, холодильные комнаты. А в левом крыле, размещалась кофейня и портерная – Херил громко сглотнул слюну. – Интересно, что в 1918-м именно сюда въехала ЧК! Ну, сожрали запасы шоколада и стали вот в этих сферических кладовых, там, где терпко пахло шоколадом, детством и Новым годом, расстреливать беляков. В 37-м там уже пахло кровью и мочой...

Надо сказать, что в бывшей кондитерской очень удобные коридоры, толстые стены – кричи не кричи, ни одна собака не услышит. Кстати, если привязать к трубе овчарку, а напротив неё поставить врага народа, то между его яйцами и её зубами остаётся три-пять сантиметров, не больше, но это если стоять по струнке. Во как!

Потом что еще? А-а! Двери здесь чугунные, с удобной ручкой, как от старинного утюга. Многим гадам в этих шоколадных подвалах черепа, как грецкие орехи, раскололи. Говорят, хруст такой стоял, что... Чувствуешь, что тут время не идёт, не бежит. Оно замерло! Испугалось! Вон в той, предпоследней, камере недавно надпись под штукатуркой обнажилась. Пойдём, покажу...

– «Следователь Кормилец заставляет меня пить свою мочу и есть дерьмо! Прошу, сообщите об этом безобразии товарищу Сталину!» – разобрал я нацарапанное на штукатурке.

– В бывшей кондитерской Лопухина кушать дерьмо! Представляешь ты это себе?

В курилке я столкнулся со своим коллегой, который давно уже сотрудничал с ментами. «Тебя к кому прикрепили? – поинтересовался он. – К Херилу? Ну, поздравляю! От него руководство вообще пытается избавиться, сослать куда-нибудь в глушь. Да просто работник он хреновый, вот что... Пойдем пивка, что ли, дёрнём?».

Сообщение моего коллеги-журналиста из пресс-центра МВД даже обрадовало меня. Во-первых, к такому словоохотливому следователю легче можно было войти в доверие и ворошить за его спиной интересные для своей книги уголовные дела. Во-вторых, я мог бы держать под контролем и своё дело!

Я уделял много внимания своему Херилу, мы гуляли по старому городу, он беспрестанно болтал мне о старых домах и тех, кто жил в них до революции. Знаток!

Я внимательно слушал, поддакивал, а в субботу пригласил к себе домой поужинать. Мы напились и почти побрались.

Ужин с людоедом

Вскоре главный редактор командировал меня в посёлок Васильево, где жил художник Константин Васильев. Открывали музей, и надо было это событие осветить. Отмечу, что наши дебилы из Минкультуры подошли к делу ответственно, старый барак, где снимал угол художник, снесли, а на его месте воссоздали нечто отдалённо напоминающее мастерскую. Но если раньше здесь пахло масляными красками, скипидаром, самогоном, воблой и грязными носками, то теперь тянуло свежеструганой доской и штукатуркой. Конечно, никто не говорит, что надо по музею разбросать носки художника, но зачем же уничтожать-то дух его? Зачем врать, что он не бухал по-чёрному? По мне так, он в своём творчестве недалеко ушел от нацистских художников. После официальной части я распилил на полянке, позади барака-музея, бутылку-другую в кругу его друзей.

— Вот я всё удивляюсь, — признался один из них, бородатый художник из Зеленодольска, — с чего это Костя знаменитым стал? Никак в толк не возьму... Работы — так себе, многие он срисовывал с открыток или немецких альбомов. И в тот роковой для него день мы открывали небольшую выставку своих работ в местной художественной школе Зе-

ленодольска. Был март месяц, грачи прилетели... Ну, выпили, как водится, да не одну и не две, и пошли по домам. Посетителей было меньше, чем даже нас, художников! И уж никто не думал, не гадал, что пройдёт лет десять с того дня, и Косте нашему музей откроют. И вот — на тебе!

— Это я с Костей-то домой, в Васильево возвращался, — вступил второй художник, хрустя репчатым луком, — мы на последнюю электричку опоздали, ну, вот, и поёрлись пешком. Тут километров семь будет. По дороге, в буфете Зелёного Дола, еще красненького взяли. Он вот так шёл, чуть впереди меня, и всё мычал какую-то песню. Костя-то, когда выпьет, очень сумрачным становился. Идёт мычит. Я следом плетусь, а спать охота ужас! Мы уже подходили к посёлку, до первого болота дошли, сумерки наступили. Вдруг сзади — «скорый»! Гудит вовсю, но ходу не сбавляет. Я в сторону в сугроб отпрыгнул, а Костя как шёл, так и... ушёл себе на тот свет. Ну, давайте, мужики помянем, что ли?».

Пока на одном конце посёлка Васильево свои картины рисовал художник, на другом грыз кости печально известный людоед Владимир Суклетин. Признаться, так он меня больше интересовал, чем художник, хотя бы потому, что он мне нужен был для книги. Представьте-ка себе такую картину: в Казани одновременно садятся в электричку, а возможно, в один и тот же вагон художник и людоед. Первый смотрит на красивую русскую девушку с толстой русской косой, теребящую журнальчик на коленках, как на натурщицу, пусть и обнажённую, а второй, сглатывая слюну, глядит на неё, как на бифштекс! Забавно, да?

С этим людоедом я случайно познакомился ещё лет семь до того, как стало известно, что он людоед. У моей бывшей начальницы — заместителя главного редактора — была подруга, которая пригласила нас на майские праздники к себе на дачу. Дача у ней как раз и находилась в Васильево, в

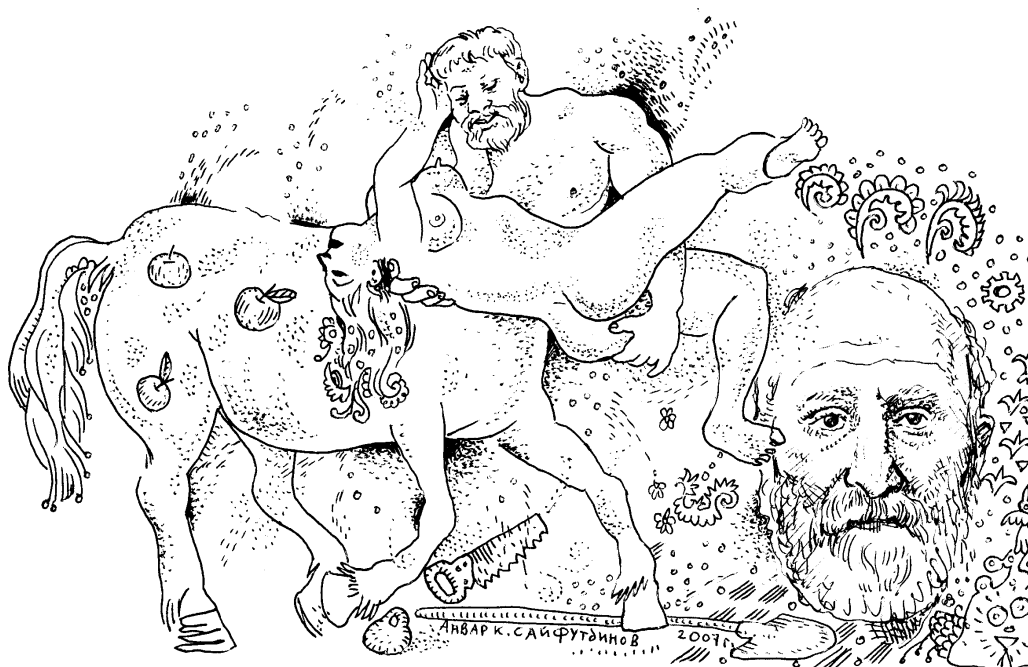
садоводческом товариществе «Каенлык», что по-татарски означает Берёзовая роща, где сторожил этот самый Суклетин. Когда хозяйка дачи узнала такое про сторожа, первым делом воскликнула: «Всё это неправда! Володька — отличный мужик, золотые руки!». И действительно, он производил впечатление открытого, доброго мужика. Огромный, худой, косматый, с лукавыми голубыми глазами и золотыми фикасами — таким он мне запомнился.

Мы пытались разжечь мангал, да дрова были сыроваты. Она позвала Володю, он только чиркнул спичкой, и мокрый хвост вспыхнул, как будто был облит керосином!

Налили ему полный стакан водки, а он её, как водичку, внутрь опрокинул. Рукавом только смачно отёрся. Потом уже часто вспоминали и смаковали, как он обронил, глядя на хозяйку дачи: «Какая ты пухленькая, мясистая!».

На следующий день с утра зарядил дождик, муж «мясистой» уехал на ра-

боту, обещался забрать нас вечером. Мы затарились в сельпо водкой и пивом и гудели, с кратковременными отключками на сон, до самых сумерек. А когда ушла последняя электричка, стали переживать, почему нас не забирают. Вышли к сторожке, оттуда дорогу хорошо было видно, а нас Суклетин к себе зазывает — погреться да поужинать. Зашли. Дома у него девочка-подросток бегала (он её откормил, как поросёнка, и потом съел) и его жена — долговязая бабёнка, которая в Казани пивницей работала, и я не раз из её поганных рук, которыми она человеческую печень жарила, баночки с разбавленным пивом принимал (тогда с кружками напряжёнка была). Так вот, выудил он из-под кровати бутылку с самогонном, а девушкам нацедил литровую банку домашней наливки. Жена его на стол поставила огромную чёрную сковороду с жареным мясом и картошкой. Пили, закусывали, хохотали. Суклетин предлагал заночевать, мы бы и оста-

лись, но тут в ворота въехала машина. Уже по дороге домой говорили, какая у него хорошая наливка да самогон, а вот мясо какое-то странное, сладковатое. Может, собачье? – мелькнула тогда догадка, и даже стало приятно – вот, мол, собачатинки попробовал! А это, скорее всего, была... дачница, опоздавшая на электричку! Я читал его дело и так высчитал. До того как он съел девочку-подростка, он доедал замаринованную впрок в погребе дачницу. Она была толстая, поэтому мяса им надолго хватило; кроме того, супруга проворачивала фарш и продавала его в столовку местного санатория. Но про это следователи журналистам запретили писать, резонно объясняя тем, что там в то время отдыхали нормальные люди, а зачем им знать, чем их кормили?!

По обыкновению он либо знакомился со своей будущей жертвой в электричках, либо на рынке в самом посёлке. Заманивал под разными предложениями в дом, а там, напоив водкой, насиловал несколько дней, а потом молотком, обмотанным тряпичей, убивал. Тело подвешивал на специальный крюк и разделывал, как заправский мясник. Голову, кисти рук и ступни ног закапывал в саду. Тут же жена жарила ему печень и рёбрышки, остальное мясо солили или мариновали. На зиму делали тушёнку и клеили на каждую банку бирку с именем жертвы и датой заготовления. Последнюю свою жертву – девочку-подростка, которую мы видели, он привёл с рынка. Девочка просто заблудилась. Как он сам рассказывал следователю, они с супругой очень привязались к ребёнку, покупали ей игрушки и всякие сладости. Но потом он сильно проголодался...

Когда в Институте Сербского его спросили: «Как получилось, что вы стали употреблять человеческое мясо в пищу?» – Он ответил потрясаяще: «А интересно было! Я баб люблю. Вот... В постели с ними хорошо. Захотелось попробовать, какие они на вкус».

Позднее мне удалось разыскать начальника расстрельного отряда, не-

коего капитана по фамилии Сластёна, который приводил в исполнение приговор Суклетину.

«Не знаю, – начал он, – кто из журналистов запустил утку, будто бы мы рисуем зелёной крестик на лбу приговорённого к вышке, чтобы не промахнуть. Смешно, прямо скажу! Мы вообще в голову не бьём, так как потом мозги самим же приходится убирать. Получаю я пакет с окончательным приговором, поначалу зачитываю его перед своим отрядом, потом назначаю «ответственного товарища» и выдаю ему револьвер и заключение уголовного дела. Это чтобы он осознанно шёл на исполнение воли народа и знал, что за гадина стоит перед ним. После всей этой процедуры ко мне в кабинет приводят заключённого, и я говорю ему, что вот так и так, пришёл приговор, если есть желание обжаловать, то пожалуйста. Он, конечно, хватается за эту соломинку. Ну, его ведут якобы в особую комнату, где есть письменный стол и писчие принадлежности, а по дороге производят выстрел в спину, в район сердца. Выстрел, как правило, один, и крови – кот наплакал! Такие вот у нас профессионалы. Хотя надо бы этим отморозкам покорчиться в муках! Потом входит медик и констатирует смерть. Подписываем бумажку и отвозим на кладбище в яму с невостребованным прахом. Всё прозаично и буднично, да и зарплата у нас не ахти какая. А что касается конкретно людоеда Суклетина, то мне пришлось с ним перед расстрелом побеседовать. Признаться, самому интересно было, что это за субъект такой – каннибал среди современных цивилизованных людей. Спрашиваю, какое оно на вкус, человечье-то мясо? Да так себе, говорит, на баранину похоже, но смотря у кого, лучше всего молодое, не загрязненное табаком и алкоголем. А мечта, признался он мне, была у него такая: младенца хотел зажарить, как поросёночка молочного. Да чтоб прямо из коляски был. Посылал свою сожительницу на промысел, да она ни с чем возвраща-

лась, хотя подолгу караулила около детских кухонь да поликлиники. Такой вот был отморозок!».

Дьявольское во мне всё же было каким-то праздничным, напоминающим вакханалию души. Я наслаждался жизнью, я пил её, а людоед оживлял мрачные картины Босха. Когда я слушал о маньяке, то случайно взглянул на свой анталийский медальон, который болтался у меня на запястье. Он опять начал хамелеонить, вместо Аполлония Тианского появился Иисус, и мне показалось, что волосы у него встали дыбом!

По подобию дьявола

Через неделю мне выдали закрытое дело одного казанского маньяка, который прославился в конце 80-х. Гриф «Секретно» наложили на него в связи с тем, что тот оказался сыном одного высокопоставленного чиновника в руководстве республики. К моменту вынесения приговора высшую меру в России отменили. Ему дали пожизненное, но не стали отправлять в «Чёрный дельфин», а до особого распоряжения оставили в тюрьме для психов на Сеченова, где его изучали специалисты и писали по нему свои диссертации.

Мне удалось, благодаря Херилу, получить разрешение на одну десятиминутную встречу с маньяком. Признаться, он был достоин украсить мой иконostas, который я возвёл в укромном уголке своей спальни и прикрыл от любопытных глаз бархатной ширмой...

После лязга множества засовов и проверки документов передо мной предстало совершенно безропотное существо, слившееся с больничной стеной поносного цвета.

Из череды насильников мой герой выделялся особо, и не только своей доброй фамилией Ватрушкин. Врач-гинеколог, доктор медицинских наук, лечащий от бесплодия, выхаживающий проблемных рожениц, — очереди к нему на год вперёд, родители новорождённых ноги целуют, а он, эта гени-

альная тварь, раз в месяц насилует женщину, при этом обязательно беременную, самым изуверским способом, всаживая нож в живот и наслаждаясь агонией!

«Мне годика четыре было, — неспешно рассказывал садист свою историю, — когда я залез в кусты сирени, поймал трёх цыплят и повесил их, как фашистов. Мама была в ужасе. «Что ты наделал, сынок?!» А я говорю: это фашисты. Она в истерике: какие фашисты? Это живые цыплята. А фашист — ты! Ты убил их! Ты — убийца!» Она меня отлупила, повела за ухо просить прощения у хозяйки цыплят, а я выл, как побитый щенок, и не понимал, что сделал. Нет, я, конечно, понимал, что этого делать нельзя, но не понимал почему. Когда я их вешал, они трепыхались, а в душе моей звенела какая-то музыка. И очень мне было весело! Вот тогда, наверное, впервые дала о себе знать патология. Мама, разумеется, не поняла, что это болезнь. В школе этого больше не повторялось... Потом поступил в мединститут, стал ходить в анатомичку. Для всех студентов-медиков это неприятное испытание. Для меня же — настоящий театр. Я даже ночевал там. А однажды изнасиловал мёртвую девушку. Она была после автокатастрофы, полголовы у неё снесло, но на теле не было ни царапинки. И знаете, она всё-таки пошевелилась, в тот самый момент, когда я испытал оргазм! Я вам точно говорю, что пошевелилась. Вообще в морге течёт своя жизнь. Мертвецы встают, двигаются... Мне было интересно наблюдать их поведение, определённые физические изменения. На лицах такие гримасы возникали то боли, то удовольствия или даже тончайших оттенков грусти... Это необъяснимо!».

«Почему я убивал? Я жаждал добрать до истоков живого. Порой мне вообще хотелось влезть в утробу женщины и лазить там, не зародышем, а взрослым мужчиной. Когда я вспарывал живот своим женщинам, видимо, подсознательно я это самое и проделывал.

Я никогда не считал это патологией, не считаю и сейчас. У науки нет этики!».

«Ну а с душами всё ясно давно. Вот мне досталась душа садиста. Что я могу с ней поделаться? А ничего... Она же моя высшая воля, диктует, управляет моими поступками, образом мыслей, страстями. Она вечна и бессмертна. И тогда о какой патологии может идти речь, если она данность, как вода или земля?! А потом, душа очень и очень тонкая, божественная, я бы сказал. У неё такие прозрения, что ум мой частенько содрогался от восторга. Ай да я, ай да сукин сын! В эти минуты я её страстно любил и благодаря ей творил чудеса!».

«Но работал я как чёрт! Я же десять лет с крысами в одной комнате жил. Клетки дома завёл, кормил этих крыс, мыл, выхаживал. Потом перебивал им хребет, пересаживал спинной мозг, экспериментировал. И никто мне не помогал, ни одна собака, а завидовали, сволочи, по-чёрному. Я кандидатских три штуки написал, докторских две. На пятерых хватило бы... Ну а потом? Нервы, нервы... Я себя страшно трагил, а восстанавливаться не мог. Первое время пьянка выручала, потом наркотики. Но и это вскоре стало малоэффективным. Божественная моя душа требовала сильнейшей встряски, с кровопусканием! Короче, жертвоприношения. Я тщательнейшим образом продумывал каждый акт и после этого испытывал такое освобождение, такую лёгкость! Да, мои преступления ужасны, но если посчитать, сколько душ я спасал потом с удвоенной силой взамен одной погубленной, то...».

«Какова была цель моей жизни? Стать чудо-профессором и садистом-убийцей? А теперь я уйду, и будет другой профессор-маньяк. И всё закрутится по-новому. Что за заколдованный круг? Уже ясно, что тот набор душ, что разведён, как в теплице, на Земле, неизменен с началом возникновения человечества! Может, всю мерзость Вселенной рассадили здесь, и любая душа, готовая вырваться из этого одновременно божественного и дьявольского

Сада, – обречена! О, если бы я знал, как очистить душевную атмосферу Земли от болезни! Неужели я не хотел иметь нормальную семью, детей, дом, где чувствовал бы себя так, как когда-то в утробе матери?».

После встречи с Ватрушкиным я молчал двое суток. Пил и молчал.

Откровенная дискетка

– Что это? – удивился следователь Херил, принимая из рук шифровальщицы чёрную дискетку. – Небось, какая-нибудь порнушка, да?

– Это копия той самой рукописи, которую пишет Крадуб... – вкрадчиво сообщила девушка и присела на краешек стула.

– Да, знаю, он как-то проговорился...

– Херил Сократович, просмотрите, пожалуйста, выделенный мною отрывок, мне кажется, это интересно.

– Да тут всё интересно! – Херил оживлённо потёр ладони и заёрзал в кресле, – шутка ли, четыреста страниц сплошь про сексуальные извращения.

Потом он затих, в кабинете было слышно, как постанывает под следователем раритетный стул, доставшийся ему с 1937-го, о чём сообщал инвентарный номер. – Что, ты говоришь, мне надо прочесть – «Залив русалок», да? Хорошо...

«...Именно так местные жители деревни Студенцы стали называть это место, после того как со дна небольшого залива, неподалёку от святого ключа, аквалангисты подняли пять обнажённых девушек с кирпичами на ногах. Неизвестно, будет ли пойман маньяк, совершивший это изуверское преступление, но, опираясь на улики и доводы следственной группы, мы можем восстановить картину того дня...».

– Что это? – Херил оторвался от монитора. – Выдумка или документальное событие?

– Пока не знаю...

– Яснее, голуба моя!

– Книга, которую пишет Крадуб, – пояснила шифровальщица, – основана

на реальных фактах и событиях. Есть в ней и еврейские погромы 1905 года и более современные события, например, те, что произошли в Приднестровье во время войны с Молдавией. Но всё, так или иначе, крутится вокруг сексуальных извращений. Отсюда и название книги – «Сексуальные преступления в России». Тот отрывок, который вы прочитали, написан им полтора месяца назад, то есть в середине июля. Это я узнала по датировке последних изменений в текстовом файле. Девушек же этих достали со дна залива только на прошлой неделе, и об этом был сюжет в «Перехвате». Таким образом...

– Ага...

– Херил Сократович, обратите внимание на три выделенных мною фрагмента, где описываются аналогичные зверства неизвестного маньяка. Одно из них, так называемое дело казанского казановы, которое вели вы и по которому был осуждён некто Самоваров, оно также описано Крадубом задолго до обнаружения трупов, а именно за два месяца! Разве это не странно?!

Уже стоя в дверях, шифровальщица обернулась и сказала:

– Будет время, спуститесь в архив и возьмите уголовное дело столетней давности обрусевшего француза по имени Ласенер. По крайней мере, одно

тройное изнасилование с убийством, которое произошло в начале этого года в поселке Юдино, похоже, полностью скопировано...

Херил закурил первую в этом году сигарету, тощую пачку которых забросил на шкаф еще 31 декабря. Он покрутил диск телефона и спросил:

– Шакиров? Принеси-ка мне дело Самоварова, помнишь такого? Ну да, того, что нашли с проломленной головой на холме и с пакетом женских трусов. Чёртте что! Алло, Шакиров? Ты сегодня Хересова из пресс-центра не видел, а? Постучи ему в стенку. Хорошо... Дай-ка ему трубку. Алло, Хересов? Чё не заходишь? Ладно, ладно... Обиделся? Я угощаю... Вот у меня какая к тебе просьба. Ты уж своему коллеге по перу, этому гениальному Крадубу, не забывай на меня капать, лады? Дескать, нету хуже на свете следователя, чем Херил. Он – самый херовый следователь на свете! Угу... Молодец, вот так и продолжай обливать помоями своего лучшего друга! А я тебе за это ещё и конь.... э-э, нет, лучше водочки хорошей поставлю, ну, вместе и разопьём, зачем домой-то забирать? Только Шакирову не проболтайся, а то прискачет со своей большой пивной кружкой! Знаем мы его...».

Сегодня ты – охотник, а завтра – зверь убегаящий!

Часть III. Сезон охоты

Киллер по прозвищу Электрик

Этот день я отдалял от себя как мог. Я старался забыть о том давнем разговоре на берегу Средиземного моря, но, чем ближе приближался час, когда истекал срок моего «надо подумать», тем чаще на глаза попадалась эта чёртова визитка. Я убрал её из портмоне подальше в ящик письменного стола, оттуда она сама по себе переключалась под яш-

мовую скульптурку Люцифера с авантюрином в глазах, а сегодня неожиданно выудил из нагрудного кармана своего пиджака. Было такое ощущение, что визитка сама по себе гуляла по комнате и всё норовила попасться мне на глаза. «Михаил Андреевич Маласиков, генеральный директор ООО «Берлога», – прочитал я и в который раз ухмыльнулся названию фирмы. «Ну что, – сказал я сам себе, – пора звонить в берлогу Ми-

хаилу Потаповичу!». Сучка-секретарша неуверенно ответила, что директора нет, но я назвал ей себя и оставил номер. Звонок раздался почти сразу же...

...Может быть, я просто никогда не обращал внимания, но на этот раз мне показалось, что Москва прямо-таки наводнена «обрами» и «хазарами». Наверняка даже в те времена, когда в Кремле сидел усатый таракан и смотрел в сотый раз «Доярку с пастухом», такого количества смуглых и пахучих, как овечий сыр, в столице не было! Именно так, наверное, и погиб Великий Рим, когда его улицы заполнили обросшие варвары, которых очень насмешили книги, бани и вилки...

– План действий продумал?

– В одной мордовской тюрьме один зек зарезал другого апельсиновой коркой.

– Ну да?

– Именно так, высохшей апельсиновой коркой полоснул посреди ночи по горлу – и кранты! Так что убить можно чем угодно, даже иголкой. Ну а если серьёзно, то у меня есть несколько вариантов, всё зависит от вознаграждения, которое выпишет заказчик, то есть вы, уважаемый Михаил Пота... извините, Андреевич. Если сумма исполняющую сторону устроит, то его уберут красиво, с выдумкой, если же сумма будет символической, то и способ устранения выберут соответствующий. Кирпич на голову, ну, или ломиком по затылку! Так что...

– Мне красиво не надо. Мне всё равно, ломиком или петардой в жопу, но... Лучше было бы, конечно, изобразить несчастный случай.

– Это высший пилотаж! А насчёт петарды – оригинально, возьму на заметку.

– Если хочешь, у меня есть переделанный «Байкал», правда, даёт осечки...

Я получил задаток 3000 долларов, ключи от квартиры и стареньких «Жигулей». Был обговорён срок – неделя. Жаль, нельзя сказать «хазару», что ему

осталось жить всего-то до следующего понедельника. Интересно, как бы он прожил эти последние дни? Пьянствовал или долги раздавал? А может, добрые дела в спешке делал?

Уверен, даже страшный приговор ничего не изменит в его жизни. Он просто не сможет взглянуть на мир и самого себя иными, просветлёнными, глазами!

Смерть для меня всегда была окружена тайной. Вот кажется, что о рождении человека мы уже всё-всё знаем до мельчайших подробностей, от сперматозоида до перерезания пуповины, но тайна от этого не пострадала. Нет, всё же смерть надо ждать на чемоданах, как увлекательное путешествие в загадочную страну, где всё не так и всё не то...

За бутылочкой коньяка, в тишайшем одиночестве, которое нарушалось лишь всплеском огромных золотых рыбок в круглом аквариуме, я обдумывал, как отправить «хазара» в это самое путешествие. Конечно, можно было бы ничего не думать, а просто взять ему билет в один конец, но мне так не хотелось. Это скучно. Всё, что делаешь, – делай с любовью, говорил мой дедушка. Ну надо же, договорился!

Потом я размышлял о диких племенах, наводнивших столицу, и даже пытался думать за них. Вот живёт в горном ауле крепкий смуглый парень. Очень добрый, гармонирующий с горами и речкой, отвесно падающей в тёмное ущелье, и с худыми баранами, на которых со временем становятся похожи все мужчины аула. Но делать в ауле нечего, денег нету, а тут ещё троюродный брат приехал погостить, привёз с собой незнакомые запахи и гостинцы в ярких обёртках и сказал, что там, за горами и облаками, есть город, где много людей, машин, домов и денег! И вот наш чумазый герой перебирается в Москву. Он попадает в незнакомый ему фантастичный мир. Думаю, для него это сравнимо с перелётом на Марс! Одно метро чего стоит! А голоногие женщины?

С утра я уже крутился около подъезда жертвы, стараясь не привлекать к

себе внимания приподъездных старушек. Дождавшись, когда тот со своими двумя смуглыми подельниками уедет на ржавом «Опеле», я поднялся на его этаж. Замок он себе поставил хороший – последняя немецкая модель под названием «Титановый бункер». Секрет его заключался в том, что он был тройной и с часовым тумблером. Открывать каждый замок требовалось строго в определённом порядке, который индивидуально устанавливал сам хозяин квартиры. Допустим, если взломщик начинал не с того замка, то остальные два тут же блокировались, и срабатывала звуковая сигнализация. Перед отъездом в Москву я посетил своего школьного приятеля, который специализировался на охранных сигнализациях и всякого рода замках. Он держал неподалёку от меня магазин. Все новые замки с наворотами и «подлянками» поступали в Казани в первую очередь к нему, а он уже за определённое вознаграждение ставил в известность знакомых домушников. И эксклюзивный «бункер» привезли в количестве всего трёх экземпляров. Ему я посвятил целый день! И выяснил, что эта модель копировала предыдущую, созданную совместно с японцами. Новшество здесь было немного – блокиратор, сирена и супердизайн. Мне всё же пришлось потратиться и купить этот замочек, хотя на всю партию был получен предварительный заказ от «новых татар». Дома я залил с помощью клизмы во все замочные скважины клей ПВА. Засёк время, и через три минуты, когда клей начинал густеть, блокиратор вместе с сигнализацией сами по себе отрубались, оставалось ещё минут семь до того момента, когда клей схватится совсем, чтобы успеть открыть три замка сразу. Но это уже дело техники...

В квартире, которую снимал «хазар», стоял холостяцкий бедлам. Холодильник был неисправен. Воняло подтухшей бараниной. Вчера они пили водку, и один кочевник поблевал на палас. Повсюду валялись вещи и хрустели под ногами окурки. Хозяин квартиры, видимо, очень надеялся на новый замок, поэтому свои

рубли, те, что на хозяйство, держал в жестяной коробке с надписью «Ваниль», а доллары – в коробке из-под ботинок, которую запихнул под кровать. В карманы всё это не помещалось, и я позаимствовал кожаный чемодан. Теперь можно было бы и сматываться, но...

В прихожей я немного поработал с выключателем, незаметно оголив проводочки. Это, так сказать, «контрольный выстрел». От дверного звонка я провёл к замку медный проводок. Уходя, чуть-чуть приоткрыл газовую горелку. Что-нибудь, да должно сработать. Остаётся только завтра включить телевизор и ждать новостей службы «02».

...Пожара не произошло, видимо, на кухне хорошая вытяжка. Дверь открывал его племянник, ему-то и досталось в первую очередь. Мой «хазар» в это время возился с машиной, но это только минут на пять оттянуло его конец. Я думал, ему достанется выключатель в прихожей, но этот дурак, видимо, подумал, что у родственника припадок, вызвал по мобиле «скорую», сам же потянулся к ключам, вставленным в замочную скважину, и... «скорая» забрала обоих! Мало того, вы будете смеяться, но шандарахнуло ещё двоих, приехавших на свою беду следом. Одного – тот же замок, другого – выключатель... Так что план я перевыполнил с лихвой. Бизнесмен, правда, был не в восторге, но всё же заплатил оставшуюся сумму, и я снял простую русскую девушку из Рязани, которая особняком крутилась на Тверской. Было видно, что она здесь чужая и тушует. Видели бы вы, как она обрадовалась мне!

В тот год, когда в Москве выстрелы стали чем-то привычным, я ещё два раза выезжал по звонку Михаила Потаповича, помогал его друзьям-бизнесменам. «Электрический» способ ликвидации человека действовал безотказно именно своей неожиданностью. Человек, даже предупреждённый о готовящемся на него покушении, ожидает привычного пифпаф, а тут на тебе! Правда, трёх случаев было достаточно, чтобы СМИ растрезвонили о них и окрестили меня «элект-

риком». Поэтому контору пришлось срочно прикрывать. Боялся ли я, что меня заметут? Не особо. Жаль, конечно, что я свой телефон так опрометчиво дал Михаилу Потаповичу, но, с другой стороны, даже если его начнут крутить и верёвочка потянется в Казань, что они докажут? Папиллярный узор я им не оставил, других улик тоже. Даже билеты на поезд я брал по краденому паспорту.

После московских дел я какое-то время бездельничал. Как водится, отдал долг Бахусу, это дней десять я ему поклоны отвешивал, в перерывах не забывал и о Венере, но это эпизодически и не переступая закон. Потом машину себе купил – поношенный «хрено» и лишний раз удостоверился, какое всё же это сучье племя – бабы! У них сразу, как только красивую машинку увидят, как-то глазки ненормально сверкать начинают, язычок развязывается, и «ля-ля» без умолку. Я такое только у алкашей наблюдал, когда им пузырь показывали. Здесь то же самое.

...И вот только я допил с небольшими отключками последнюю золотую капельку коньяка, как раздался телефонный звонок. Опять Москва, опять на дело. В принципе, я так и предполагал, что я им ещё понадобится. Теперь, когда среди определённых столичных кругов я стал инкогнито известен, то у меня появилось приятное чувство востребованности. Я знал, что я кому-то нужен, что сами они с этой работой не справятся, что они меня ценят, уважают и боятся одновременно. Конечно, само собой со временем и расценки на мои услуги поползли вверх.

Я был не просто какой-то там убийца, я был киллер-изобретатель! То, что я мог без особых проблем проникнуть в квартиру, давало мне дополнительные преимущества. Но теперь удар током исключался, необходимо было найти иной способ ликвидации.

Дело «Грибника»

Готовился я ко второму своему набегу на Москву более тщательно, чем к

первому. С одной стороны, это, конечно, неплохо, но... Куда-то ушли-подевались лёгкость, кураж. А когда к делу (в моём случае – к телу) подходишь чересчур серьёзно, то обязательно фигня выйдет. Так, между прочим, и в любом другом деле. Я решил переквалифицироваться из «электрика» в отравителя, и мне необходимо было пройти краткий курс молодого разведчика. Раздобыл пособие для немецких диверсантов, заказал перевод. И вот к концу недели у меня лежали на столе секретные листочки с текстом, который удивлял своим деловым тоном. Как я узнал позднее, это пособие, изданное сугубо для служебного пользования, стало невероятно популярным в Европе в 60-х годах среди молодых самоубийц. Итак, у меня была в запасе неделька, чтобы выбрать оптимальный для операции яд. Я оставил свой выбор на обычной поганке, которую нашёл в ближайших лесопосадках. Горку поганок я сварил, остудил и процедил мутно-зелёный супчик в бутылочку. И приготовился к отъезду в Москву.

– Ты мне скажи, так отстали хазары от тебя или нет? – поинтересовался я у Михаила Потаповича. – Результат есть?

– Ну, как сказать... На поминки в Москву приехал его родной брат – Алик, а этот ещё debilнее того дебила. Стал крутой порядок наводить. Те убийства приписали Лунцевским. Ну, вот там и открыли фронт. Не знаю точно, но человек десять полегло с обеих сторон...

– Так, значит, Алик приехал... – Я листал досье и вертел в руках фотографию смуглого джигита, лицом похожего на сайгака. – Так, значит, он уже наезжает?

– Первым делом навестил всех, кто платил дань брату, видимо, списки сохранились, да ещё новых подмял под себя.

...Выждав удобный момент, я пробрался в квартиру Алика. Точнее, прошёл как в свою, так как поселился он в той же самой квартире, где проживал

его покойный брат. Мало того, даже не сменил замки. Может быть, просто не до того было, а может, посчитал, что два раза мина не падает в одно место. На ловушку это не было похоже. Наружу лезла тупая восточная самоуверенность: «Если придут – зарежу!»; но, с другой стороны, это было даже разумно: если смогли открыть такой суперзамок, так что тогда рипаться?

За дверью меня ожидал второй сюрприз. Ящик с дагестанским коньяком! Тазики, кастрюльки и мантышница навели на мысль о скором празднике. Заглянув в досье моего подопечного, узнал, что завтра у него юбилей. Хотел было впрыснуть вытяжку из поганки в каждую бутылку, но вдруг увидел, что особнячком стоит «Хенесси». Ну, думаю, именинник из неё уж точно отхлебнёт, зато у гостей шансы остаться в живых возрастают...

Перед тем как уйти, Крадуб по привычке принялся шарить по полкам и карманам пиджаков в платяном шкафу, как вдруг услышал на лестничной клетке лязг лифта и громкие голоса людей, высыпавших оттуда. Тут же заелозил ключ, и дверь содрогнулась. Артур отпрянул в глубь квартиры и залез под кровать. Главное, не расчихаться от пыли! Здесь, покрытые толстым слоем пыли, лежали чемоданы, грязные носки и валялась пустая алюминиевая банка из-под пива. Но вошедшие прошли именно в спальню. Артур насчитал три пары мужских ног. Один мужчина сел на кровать, второй – в кресло, третий ходил из угла в угол. Все курили. Между ними происходил даже не разговор, а какой-то восточный базар:

– Я нэ понимай, Анзор, как этэ тэк?
– Да шту ты, Заро? Я видь спокоин...
– Ти спокоин, а я ни спокоин?
– Но ти жи сама видел, шту всю иди как надо, а?
– Да-а, как надо идиот, – видимо, он хотел сказать – идёт, – но я ни спокоин!
– Ай-яй, Алик, скажи ти яму...
– Всё, джигиты, буде, о кэй! Это я говорю, Алик!

Потом у кого-то зазвонила мобила.

Тот, что сидел на кровати, заговорил на своём. Но по возгласам «Вах-вах!» и по притопыванию стало понятно, что чем-то «хазара» обрадовали.

– Алик! Э-э... Шту ты staiшь, хочу вина выпить с тобой, Алик, и с тобой, Заро! У миня син родился, вах! Будим ризать!

– Защим ризать, тульки видь родился?

– Баран ризать, дарагуй!

Тут же, выколачивая из паркетин пыль, те стали отплясывать лезгинку. Кто-то принёс с кухни кастрюлю и принялся выбивать бешеный ритм ладонями. Была попытка сдвинуть двуспальную кровать в угол. Ещё кто-то, видимо, Алик, принёс из коридора и с грохотом опустил на пол ящик коньяка.

– Всо випим! – угрожающе крикнул виновник пьянки.

Когда откупорили бутылку и начали разливать по фужерам, Алик сказал: «Стоп!». – «Шту такуй?» – удивились друзья. «Ты, отес, – обратился он к Анзору, – должен пит не просто коньяк, а самый дорогой коньяк!» Алик всё-таки открыл «Хенесси» и налил тому полный фужер. Себе же и какому-то там Заро плеснул просто коньяк. «Ну, сволочь!» – только и подумал Артур под кроватью, слушая громкие глотки.

Раздался новый звонок. Алик с кем-то переговорил, и они сорвались и уехали. Артур, чертыхаясь, вылез, отряхнулся. Налил себе в чистый стакан «простого» коньяку и стал травить ядом все бутылки подряд, хотя теперь это было бессмысленно.

...Неделя ушла у Артура на то, чтобы выследить, где прячется Алик от озверевших половцев (новоиспечённый папаша-покойник был из тех).

Это был пригород Зеленограда. Частный дом с кавказской овчаркой и многочисленными соседями-кипчаками, которые крутились целый день пёстрой толпой на грязном дворе. Задача усложнялась, но возникшие трудности лишь подхлестывали Артура к действию. Он вошёл в азарт и почувствовал себя охотником.

Нужно сказать, что наши отношения с

заказчиком совершенно не походили на те короткие указания-приказы, которые отпускает какой-нибудь мафиози киллеру в многочисленных кинофильмах, наводивших телеэкран в последнее время. Видно было, что мы в этом деле новички-любители. Поначалу Михаил Потапович был потерпевшей стороной, но постепенно начал энергично раскручивать новое для себя дело, как и любое другое, касалось ли это компьютеров, издания рекламной газеты или чего-то ещё. Мне же нужны были острые ощущения и деньги. Я никогда бы не стоял в подъезде, карауля свою жертву с тем, чтобы всадить ей три пули в живот и контрольную в голову. Меня интересовала охота! Я изучал портрет жертвы, характер, окружение, после чего выдумывал персональную смерть! Какие-то угрызения совести я не испытывал. Если мне удавалось всё сделать так, как я задумал, то, значит, пришёл их час.

Я, как хвостик, крутился вокруг Алика, выжидая удобного случая. За время своей охоты я трижды менял машины, чтобы не примелькаться. Было у меня несколько прикидов, контрастно отличающихся друг от друга. Кроме того, неподалеку от дома, где прятался Алик, в лесочке, я закрепил на ёлке велосипед с рыболовными принадлежностями. Мало ли...

На следующий день Алик с двумя друзьями купили в деревне живого барана, взяли ящик пива и коньяка и поехали на озеро Щучье, что по дороге в Тулу. Собралось на берегу пять машин, натянули ярко-жёлтый тент, накрыли столик, развели костёр. Вот тут-то мне и пригодился велосипед. Под видом рыболова я расположился на коряге неподалёку от пиршества. Кроме того, спиннинг позволял мне, не вызывая подозрения, перемещаться по всему берегу. Чтобы не томиться в ожидании, я принялся рыбачить всерьёз, время от времени наблюдая за ритуалом жертвоприношения. Ещё живого барана омыли горячей водой, потом обрили ножом место на груди, под левой ногой. Быстро, профессионально разделали тушу,

а шкуру бросили в озеро и придавили камнями. Они сварили в двух огромных котлах шурпу и приготовили шашлык. По мере опустошения ящика со спиртным нарастал шум, а когда достали барабан и дудку, то рыбу они мне всю распугали. И тут настал мой час! У Алика зазвонил мобильник, из-за барабанов он не мог разговаривать и отошёл как раз в мою сторону. Он говорил и говорил, при этом постепенно приближаясь ко мне. Меня даже пот прошиб. Закончил разговор и встал отлить за берёзу. Потом, слегка покачиваясь подошёл ко мне и спросил: «Ну как, братан, клюёт?». И тут я заметил в его руке бутылку коньяка, который он пил прямо из горла. «Давай-ка выпьем, братишка, за мир на нашей войне!» — предложил он. У меня в сумке был термос с оловянной крышкой-кружкой, куда тот плеснул хорошую дозу. «Подержи!» — предложил я ему, протягивая спиннинг. «О, давненько я не рыбачил!» — обрадовался он и неуклюже закинул блесну в камыши.

Я незаметно опустошил пузырёк с ядом в кружку. «Ну, — подвинулся я к нему, — теперь твоя очередь!». Он только поднёс кружку к губам, как вдруг из-за кустов вынырнул какой-то копчёный мужик с фотоаппаратом в руках и остановил Алика криками: «Стоп, Алик, дорогой ты наш! Дай я тебя поцелую и на память щёлкну и домой пошлю!» — И, обращаясь ко мне. — «Сфотографируй, друг, прошу!». Тут подбежал второй — долговязый с кадыком на плохо побритой шее и принёс три бокала и новую бутылку. Я смотрел, как моя нетронутая кружка отстраняется от губ Алика всё дальше и дальше....

Его явно любил и берёг его бог. Но всё же, надеюсь, это будет один из последних твоих снимков.

Неуловимый

Давно подмечено, что если сразу дело не пошло, не заладилось, то надо отступить хотя бы на время, всё равно толку не будет. Самым разумным было бы взять тайм-аут, чтобы отлежаться и

подумать. Я уехал в Казань и вернулся обратно только в декабре...

Михаил Потапович поселил меня на своей даче. В финском домике крепко пахло свежей сосной, дрова трещали и притягивали к себе, как телевизор. Утром в зимний сад, усыпанный блёстками снежной пыли, залетела стайка снегирей и стала шумно крутиться на деревце крупными яблоками. В шкафу я отыскал старый томик Паустовского и наслаждался: «Нету хуже, когда у человека душа сухая. Вянет от таких жизнь, как трава от осенней росы». Подкармливая чёрными крошками «Бородинского» стайку снегирей и любуясь вечерним сиреневым снегом, я пытался избавиться от Алика сначала в голове, потом...

Я попросил святого Христофора о помощи. Представил себе его пёсью голову и покорные глаза, ждущие палки. Мысленно потрепал по загривку и тут увидел на подоконнике обрезок арматуры. Ну, спасибо!

Михаил Потапович сообщил мне, что утром Алик зайдёт на свою старую квартиру, что-то там забрать.

Я нагрязнул в Москву спозаранку и убил его запросто – куском той самой арматуры, подкараулив у лифта, провонявшего мочой. На нём была ушанка, поэтому ударов не было слышно. Он тяжело опустился на колени и уронил голову на ладони с блевотиной. Со стороны могло показаться, что Алику срочно приспичило помолиться и он отвесил поклон в сторону переполненного мусоропровода. Красным ковриком натекла из-под ушанки густая кровь...

С Михаилом Потаповичем мы договорились, что встретимся у метро «Серафимовская» на следующий день после завершения «работы», то есть в субботу. Но я был у него уже в пятницу утром, без приглашений, с помощью дубликата ключей, которые на всякий случай сделал ещё в свой первый наезд на столицу. Я хорошо изучил его распорядок дня: к девяти утра супруга уходила в офис, прихватив с собой младшую дочку-второклассницу (стар-

шая недавно вышла замуж), сам бизнесмен любил после совместного плотного завтрака опять отправиться на боковую. Квартира у них пятикомнатная, спальня в глубине. А по бахвальству самого же хозяина, спит он как убитый сурок до двенадцати, потом принимает контрастный душ и садится завтракать во второй раз. Поначалу я хотел было подлить ему в кофейник концентрат из поганок, пошёл уже на кухню, но... На дне сумки у меня лежала ржавая арматура, та самая. Я до сих пор так и не смог избавиться от неё. Есть что-то в «прирученных» вещах, притёртых, прикипевших к руке, побывавших с тобой в переделке, одухотворённое. Я был уверен в этом железном пруте и знал, что он не подведёт меня!

...Уходя, я забрал мобильник и пухлую записную книжку, где был мой телефон, томик Михаила Пришвина и свой двойной гонорар (за Алика и за... самого заказчика!). На стене спальни трубочкой, которую я скрутил из газетки и которую макал, как в чернильницу, в проломленный черепок бизнесмена, я написал первое, что мне пришло на ум: «Спасибо за всё!».

Как только состав фирменного поезда «Татарстан» дёрнулся и неспешно стал набирать обороты, унося меня прочь от Москвы, Михаил Потапович, в окружении своих смуглых варваров, стал быстро уменьшаться в размерах, пока наконец не превратился в блошину точку! Под стук колёс я достал Пришвина и отвинтил крышку «Аралата». Умные, красивые слова и золотая влага быстро вытеснили из моей головы неприятные мысли. «Особенно хороша была сверкающая сверху донизу королева-сосна. Молодой собакой прыгала в груди моей радость!». Как хорошо это было сказано, вот и у меня также в этот вечер радостно прыгало и замирало сердце и так хотелось начать жить с нового листа...

Дома меня ждал неприятный сюрприз! (В этом месте надо бы поставить сплошное многоточие из злых точек,

похожих на укусы змей, – страниц на десять!!!). Входная дверь была грубо высажена ломиком. Из ценных вещей у меня были только початая бутылка «Багратиона» да старенький ноутбук, переболевший не одним вирусом. Но всё дело в том, что вся моя книга о сексуальных преступлениях в России, как беловик, так и многочисленные черновики, находилась в этом паршивом «компе»... Суки! Кому пожаловаться? Вора обокрали...

Иконостас убийцы

Крадуб никогда не преклонялся перед громкими именами, окружёнными всенародной любовью. Более того, низвергнуть кумира с пьедестала было бы для него особым удовольствием. Он не трепетал ни перед Пушкиным, ни перед Евтушенко, когда с карандашом в руках переделывал в их книгах неудачные на его взгляд строчки.

Ещё студентом он выписывал в особую тетрадь, чтобы смущать профессуру, малоизвестные факты из биографий непререкаемых кумиров. Так, например, много у него было выписано свидетельств о пьянстве Блока и Фадеева. Льву Толстому посвящалось страниц десять, в основном это выдержки из его писем: «Проживает в Москве некто барон Шенинг, у которого есть удивительные японские свиньи. Я видел таких у Шатилова и чувствую, что для меня не может быть счастья в жизни до тех пор, пока не буду иметь таких же свиней!». Тетрадь также изобиловала обидными характеристиками на современников. Вот такая запись: «Ирек Мухамедов. Неожиданная лёгкость газели в лошади Пржевальского». Много было выписано ляпов из Есенина, Ахматовой, Пастернака, ещё больше из Эдуарда Асадова.

У Мозма по этому поводу есть такая мысль: «Мы огорчаемся, обнаружив, что великие люди были слабы и мелочны, нечестны или себялюбивы, развратны, тщеславны или невоздержанны; и многие считают непозволительным откры-

вать публике глаза на недостатки её кумиров. Я не вижу особой разницы между людьми. Все они – смесь из великого и мелкого, из добродетелей и пороков, из благородства и низости. Немалую часть своей жизни мы проводим в мечтах, и чем богаче у нас воображение, тем они разнообразнее и ярче. Многие ли из нас захотели бы увидеть свои мечты механически записанными? Да мы бы сгорели от стыда. Мы возопили бы, что не могли быть так подлы, так злы, так мелочны, так похотливы, лицемерны, тщеславны, сентиментальны. А между тем наши мечты – такая же часть нас самих, как и наши поступки».

Теперь за бархатной шторкой алькова у Артура соседствовали пять кумиров. Первым шёл Гермес – покровитель торговли, а значит, ловкости, обмана и даже воровства. Нахмуривши высокий лоб, затаил свою обиду на выскочку Христа Аполлоний Тианский, которого Артур срисовал с монеты-хамелеона. Рядом с ним карандашный рисунок скульптурной головы Эпикура – философа наслаждений (его отбитый нос – как маленькое предостережение коллекционерам женщин). Потом по ранжиру шли два поэта: Пьер-Франсуа Ласенер – поэт-убийца, лицом похожий на Дантеса. И король поэтов и большой охотник наряжать серые будни в праздничные одежды Игорь Северянин с дымящей папироской в длинном мундштуке.

Краткие «жития святых» были составлены на каждого. Каждый из них был раздираем противоречиями и по своему мучился в своей земной жизни. Ещё студентом, на примере Северянина, Крадуб понял, что могло спасти человека и сделать его лишь соглядатаем жестокой бойни Доброго и Злого. Это искусство!

Но потом он признал, что схватка эта происходит внутри него самого, поэтому не участвовать в битве он просто не мог.

Один философ, с которым Крадуб встречался в Прибалтике, писал: «Любое стремление к Богу есть вместе с

тем и прикосновение к дьяволу. Человеку нужно найти своё место в этом раздвоенном мире. Нам, вероятно, надо понять, что мир этот будет всегда раздвоен. Да, победа перерождается в поражение. Равно как и то, что поражение обернётся затем победой. Всё время, однако, соблюдается некое устойчиво неустойчивое равновесие сил. И все мы – участники этой игры. Всегда на той либо другой стороне. Понятие Бога неприменимо без понятия дьявола. Другими словами, если мы признаём наличие в мире Бога, то одновременно с той же степенью вероятности должны обосновать существование дьявола. Можно сказать, что мироздание – существо «двуполое» изначально». Забавно, да?

Свидание с психом

Моя работа в МВД продолжалась. Следователь Херил даже выдвинул мою кандидатуру на соискание ежегодно присуждаемой министерством премии для журналистов, освещающих работу органов! На днях он подозвал меня и предложил встретиться в психушке с одним сексуальным маньяком – 73-летним стариком, бывшим фармацевтом, на счету которого было более тридцати студенток педучилища!

– Как раз это будет логической жирной точкой в твоих исследованиях на пикантную тему, да? Но это с одной стороны, с другой же – у тебя появилась прекрасная возможность реально помочь следствию.

– Отлично! – сказал я. – С меня пузрь...

Забавным оказалось то, что старик абсолютно ничего не помнил. Как следовало из уголовного дела, выходил он на охоту с носовым платком, пропитанным хлороформом, поэтому жертвы и не могли описать его лица. Кроме того, случайные прохожие, оказавшиеся вблизи места преступления, даже и мысли не допускали, что благообразный «трёхногий» старичок мог быть из-

вращенцем! После того как девушка отключалась, он оттаскивал её в укромное местечко и там «любил» своей сучковатой клюкой, потом забирал «трофей» и со стариковской скрупулёзностью записывал в блокнот подробные обстоятельства происшествия, порядковый номер жертвы, место, внешние данные, наличие денег в сумочке, которые присваивал, будь то стипендия или последнее на хлеб. В деле фигурировала вот эта самая записная книжка, клюка и последняя девушка, с которой у него случился прокол. Старик перепутал носовые платки и сунул ей в морду – чистый! Кроме того, «жертва» оказалась с «чёрным» поясом по каратэ. Она так отходила старичка, что тот до сих пор ходил под себя. В мою задачу входило помочь старому насильнику заполнить пробелы памяти цветными эротическими картинками. Перед врачами он тушевался, а я, представившись журналистом, мог легко расположить к себе. Был и ещё один момент, важный для меня, – я мог легко списать на него свои грехи! Заменить в старческих мозгах его «утехи» на мои, думаю, не составит особого труда. Администрация больницы разрешила нам прогулки в чахлом больничном саду, огороженном высокой стеной с гирляндами колючей проволоки. В течение месяца я настойчиво зомбировал старика, постоянно призывая его покаяться и всё рассказать следователю начистоту.

– Но я ничего, ничего не помню! – ныл седой извращенец.

– Надо вспомнить! – настаивал я. – Разве вы забыли, как сами же мне рассказывали о том, что зарыли женское бельё в парке Горького за памятником Неизвестному солдату, посреди трёх голубых елей?

При каждой новой встрече я повторял с ним «пройденный урок»: где, когда и кого.

Херил был доволен. Память у маньяка заметно просветлела, и он чистосердечно во всём признался...

Тайная вечеря

В узких коридорах бездонного здания МВД на Чёрном озере, стоял вечный сумрак. В маленьком кабинете-клетушке у следователя Херила с утра собралась тёплая компания. Пили кофе, курили. Наконец, все собрались. У окна уселся злой старик и, бренча тёмными медалями, всё переживал, как бы его не продуло. Рядом с ним присела на краешек стула и уставилась в свои колёнки шифровальщица. В углу развалился припухший от работы и праздников журналист из пресс-центра. Сам же Херил нетерпеливо переминался с ноги на ногу и щёлкал суставами пальцев. Над его головой кособоко висел портрет Есенина. И это единственное, чем отличался кабинет Херила от сотни таких же на всех трёх этажах. В зазоре, между шкафом для бумаг и стеной, уже давно пылились фотопортреты Андропова и Дзержинского.

– Да закройте вы, ради бога, форточку, не май месяц! – взмолился старик.

– Кстати, познакомьтесь, – очнулся от раздумий Херил, – это наш прославленный ветеран, заслуженный следователь по особо важным делам – Валерий э-э...

– Валериан Арсионович Марцелл, – поправил ветеран.

– Извините... Так вот, товарищ Марцелл с готовностью согласился нам помочь. В 37-м он был даже отмечен валенками за разоблачение преступной группы, долгие годы выдававшей себя за доярок деревни э-э...

– Старый Дрюш! – подсказал ветеран.

– Вот именно... – пошире распахнул форточку следователь и закурил. – И до сих пор в этой деревне нет молока! Так вот, а сегодня в этой торжественной обстановке я уполномочен наградить Валерия Арсеновича медалью «800-летняя Казань». Надо отметить, что ему пришлось даже рисковать здоровьем, так как он был помещён нами, на добровольной основе, в психиатри-

ческую лечебницу, к самым что ни на есть настоящим дебилам! А это вам не в пивную сходить! Может быть, вы сами расскажете нам, как проходила эта сложная операция, а?

– Охотно! – привстал тот. – Конечно, товарищи, насмотрелся я там, чуть сам психом не сделался. В молодости ведь я посещал театральный кружок, играл даже Ильича, поэтому сыграть психа мне было несложно. Было решено, что буду имитировать полную потерю памяти...

После того как Валериан Арсионович в подробностях поведал, как выводил преступника на чистую воду, следователь Херил вытащил из шкафа пакет и вывалил содержимое на стол.

– Вот результат! – с удовлетворением отметил он.

– Кошмар! – брезгливо отпрянула шифровальщица, а старичок с удовольствием помял в руках комочек женского белья.

– Не трогайте вещдоки, вам тут не примерочная! – пошутил следователь. – А теперь мне бы хотелось отметить примерную работу нашей очаровательной шифровальщицы, которая подошла к этому делу с необычайной выдумкой. – Херил потянулся к девушке и пожал ей руку. – Молодец, ну что тут скажешь! Так сыграть возлюбленную, прямо как Мордюкова! Если рассказать, то это самый настоящий детектив получится. Думаю, в истории сыска не было подобного случая. Такую игру мы закрутили! Да ты сама Расскажи, – попросил он шифровальщицу.

– Поначалу сам Херил Сократович втёрся в доверие к подозреваемому, а потом уже внедрил и меня. Выяснив, что у Артура есть своя заветная мечта – познакомиться с молодой девушкой, проживающей на Школьном переулке...

– ...И обязательно за красными шторами! – вставил Херил.

– Да, нам даже пришлось выписывать у завхоза ярко-красные занавески, – продолжила шифровальщица, – ну а потом я стала потихоньку «влюб-

ляться» в подозреваемого, а точнее, влюблять его в себя! Это было нетрудно. В библиотеке я взяла письма Блока Менделеевой, что-то ещё из современной прозы, ну и стала «писать» ему любовные письма. Кусочек отсюда, строчку оттуда, что-то из головы, так как у меня, слава богу, опыт какой-никакой имеется...

— Скажите, пожалуйста, — поинтересовался старичок, — а какие у вас впечатления о подозреваемом, э-э, как бы это.... ну, в смысле постели?

— Он не вполне здоров...

— То есть? — не унимался старичок.

— Господи... Ну, ему хочется и хочется! Я постоянно не высыпалась.

— Но всё же, как удалось выйти на след маньяка? — проснулся журналист.

— Это тоже заслуга нашей шифровальщицы! — воскликнул Херил. — Все вопросы к ней...

— Да, я скажу... — согласилась она. — Совершенно случайно здесь в коридоре я узнала в Крадубе своего насильника. Нет, он меня не признал, может быть, потому что я сменила причёску, не знаю... Это случилось год назад, когда я училась в Елабуге. Он был за рулём, номер я не запомнила, но машина, на которой он ездит сейчас, — именно та.

Потом Херил Сократович обратился к журналисту и пообещал по завершении следствия предоставить все материалы для статьи в газету.

— А лучше вот что! — осенила следователя мысль. — Ты, Хересов, книгу напиши, материала будет предостаточно. Обещаю! Фигура нашего маньяка уж очень неординарная, а? И даже в чём-то, как бы это кощунственно не прозвучало, симпатичная! Да-да, за то время, пока мы с ним общались, я вроде бы даже успел полюбить его...

Несмотря на то, что было только начало рабочего дня, распили фляжку коньяка, заели капустным пирожком, так что дух в кабинете стоял весь день богатый. Кто-то, кажется, журналист, пошутил, что с утра у них — «тайная вечеря», правда, в сокращённом варианте!

Когда стали расходиться, Херил, как в известном советском кинофильме, уже в дверях задержал шифровальщицу и попросил остаться.

— Так что там, есть что-нибудь новенькое? — придвинулся он к ней.

— Вчера ночью я скопировала последние страницы, но ещё не успела просмотреть, — призналась она. — После обеда, хорошо?

— Лады!

В гостях у Льва Толстого

На очередной редакционной летучке Крадуба обязали сделать материал о каком-нибудь интересном «чудике», чтобы разбавить серьёзность номера. Был один такой у него на примете, звали его Лев Толстой и проживал он на городской свалке...

Самосыровская свалка издали смотрится, как «холмы Грузии», а тёмные фигурки людей кажутся альпинистами. Оказавшись на самой вершине, начинаешь чують носом, что под ногами прет и чадит многоэтажная свалка, где в подвалах живут крысы, а на крыше — бомжи, среди коих самый уважаемый — Лев Толстой.

— У меня здесь всё с умом устроено, — поясняет косматый мужик с окладистой бородой, успешно заменяющей ему шарф, — мусорная куча, как стог сопревшего сена, жаром пышет. Мне и под фанеркой даже зимой не зябко. А мусор всё везут и везут. Вы чё там, в Казани, так мусорите, а? Одного тут у нас так и завалили. Заснул пьяный в коробке, а они... Вот я и думаю, от людей никакой пользы, а один только мусор! Ладно ещё, что слова да мысли — это мусор невидимый, а то бы до самого неба намело! (Старец подобрал что-то из кучи и сунул себе за пазуху.)

А как всё вышло? Та-ак, постепенно... Помню, в году семидесятом у меня ещё тут за косогором дачка стояла, я часто ходил мимо этой свалки. Нет, брезгливости не было, что я, барышня? Но чтоб копаться в объедках, такого я себе позволить не мог. Так вот, иду

себе, помидоры тащу, глядь, а там, в куче разной дребедени – телик целеньким кинескопом сверкает! Ты не поверишь, журналист, он у меня до сих пор показывает! Марки «Темп». Потом мимо свалки я стал уже внимательнее ходить. Вот если тебе, к примеру, уют нужен, то найти его тут не проблема. Минут десять полазишь и найдёшь. Не новый, конечно, но... Люди-то сейчас зажрались – проводок прогорит, они и выбрасывают. А однажды я даже сам удивился – вон у той берёзки нашёл полный прикид: костюм ненадёванный, жаль только белого цвета, рубаха-нейлон, галстук в полоску, в кармане золотёные запонки! А в пакете лежали ботинки и к ним – чистые носки! Вот и думай-гадай, откуда и зачем? Да в кармане внутреннем аккуратная пачка денег лежала, я жил на те деньги, как купец, даже полгода на свалку не ходил – отпуск взял! Может, это кому специально оставили? Говорят, что беглым зекам так оставляют. Но почему белый? Не знаю...

Частенько пир на нашей помойке бывает, это когда подкисшее пиво в баллонах привозят, потом препараты из аптек... Вон Митяня, так он у нас собакой Павлова работает! Кто найдёт какое лекарство, сразу его зовёт – на пробу! И ничего, жив, падла! Нет, «падла» – это у нас ласковое слово, а вот когда надо кого крепко так, то говорим с презрением: «президент!». Это самое последнее ругательство. Здесь ведь, на свалке свой мир, со стороны не разглядишь, пожить внутри надо. Вот машины проезжают и разглядывают нас, как чудо-юдо, ишь, копаемся в отходах! А между прочим, все свалки в археологии называются... как? Правильно – «культурным слоем»! Почему Толстым называют? Ну, космат я, потом книжки люблю, а здесь их немерено. Вот год назад свезли попорченные книги, видимо, где-то пожар был, они малость пообгорели, пообмокли, но мне же на сервант не ставить.

Я ночью здесь люблю гулять, при луне разбитое стекло под ногами так и

сверкает, будто по небу прошёл, по самым звёздам! В Бога на помойке только и верится, как в церкви... Нет, что-то там существует однозначно. Бог или Высший какой разум. Природа, она точно живая. А у человека вот – душа, душа... Это самое трудное для моего понимания. Бог меня начинает удивлять. Я не совсем с ним соглашаюсь и всё-таки думаю, что Писание сбывается...

Потом уже, когда распили принесённую мною бутылку на ящиках из-под яблок и закусили холодной тушёной, он прищурился на скупое солнышко, и признался:

– Приходит мне на ум такая догадка: а что, ежели мы уже и не живём вовсе?

– Как это?

– А просто! Умерли мы уже когда-то с тобой, а это (он хлопнул по ящику) – Загробная Жизнь! Со своим раем и адом, с чертями и святыми людьми. И тело нам дано на Земле, чтобы муки эти терпеть. Правда, терзания души не легче...

Толстой достал из-за пазухи мятую брошюру и прочёл, очерченное ногтём: «Человек-антихрист не отвечает за свои грехи до тех пор, пока последовательно идёт по дороге зла, святой же всегда отвечает за грехи других».

Вона как! Ну а ты за кого будешь, мил человек?

Прости...

В последнее время я часто думал о сыне. Каким я встречу его? Вот уже лет десять не видел своего сына. Удивительно, раньше и дня без него не мыслил, дико тосковал, а теперь? Теперь как-то всё стало таким далёким и даже... чужим! Да, да, чужим...

Где моя мать, я знать не знаю, да и не хочу. Бабушку с тех пор, как схоронил, я больше не навещал. Смешная, перед смертью она всё горевала, что ей не удастся досмотреть «Санта-Барбару». Не странно ли, что многие люди, которые окружали меня с детства и, по

сути, были частью меня самого, сейчас ещё живы, но для меня-то они давно уже умерли. Вот в чём штука! Но сын, конечно, это не они. Это другое. Бывали такие минуты, когда меня сильно тянуло прижаться к нему, уткнуться в плечо и разрыдаться. Сынок! Где ты?

Мне сказали, что он работает сторожем в одном садоводческом товариществе на окраине Казани, дали номер мобильного. Я купил водки и килограмм его любимого овсяного печенья. Пока шёл, тёплые волны воспоминаний обдавали меня с головы до ног, и я видел цветные глжки из прошлой своей жизни...

Встреча была бурной. Выпили ящик, потом сбегали ещё. Не помню, как отрубился.

Под утро приснился мне странный сон. Будто еду куда-то на последней электричке и сижу совершенно один в вагоне. На одной из станций входит с жалкой котомкой какой-то смуглый мужик, садится напротив меня и, глядя мне в глаза, начинает беззвучно рыдать. Я понял, что это и есть мой ангел-хранитель.

Следующий день опять просвистел в пьяном чаду. Под конец даже пободались немного. Но почти ничего не помню.

...Мой глаз распух. Я потянулся за бутылкой, она была пуста. Незнакомый мне небритый человек пробурчал с топчана:

— И нет с нами того, кто превратил бы воду в вино!

Я оделся, взял со стола мокрый столбик, пакет и пошёл, зная наверняка, что больше не вернусь. В дверях обернулся и спросил, показывая на глаз:

— Это мы с тобой, что ли?

— Не-е, это ты со своим сынком забавлялся. Забыл?

— Не понял...

— Ну, полез к его бабе и... — алкаш выудил из кармана монетку на оборванном шнурке. — На! Ты ему на счастье подарил, а он её выбросил...

Это был мой Аполлоний! Но я разглядывал медальон и ничего не видел. Он был гладкий, как блинчик, как голыш на берегу, будто бы святой сбежал от меня, обиделся.

Я вышел из затхлой и облёванной комнаты и огляделся вокруг. Это были городские окраины, бараки, окружённые старыми сиреневыми садами, которые мне напомнили мою Суконку. Такие же унылые осенние краски и запахи костров, где пекут картошку. Из репейника вылез мне навстречу облезлый пёс и завилял хвостом. «О-о! Христофор, — обрадовался я, — я узнал тебя, но мне ничего не нужно. Нет, постой, водки хочу!».

На ничейной лавочке в заброшенном саду спал, пустив слюни, старик-садовник. Как только я поравнялся с ним, тележка его опрокинулась, и мне под ноги покатила вместе с крупной антоновкой початая бутылка водки. Я осушил её в три глотка. Потом зашёл в уборную, одиноко стоявшую над обрывом. Над головой зияли щели, и в них дуло мокрое осеннее небо. Монеткой я нацарапал на двери: «Если бы я имел возможность всенародно покаяться, то почувствовал бы от этого большое облегчение!». Вдруг грязная туча тяжело сдвинулась, и стыдливо обнажилось совсем весеннее солнышко.

...Я брёл по городу, как тень, и чувствовал, как повеселевший от внезапного потепления город отвергает меня. Сверкали отмытые от летней копоти окна, сияли новенькие полумесяцы Сеной мечети и струйки ещё не выключенных фонтанов ломались на ветру. Я влез в маршрутку и поехал к единственно родному мне человеку, который, я был уверен в этом, ждал меня сейчас. «Моя дорогая шифровальщица, — скажу я, — как я виноват перед тобой! Прости...».

Казань, июль, 2007